

ISSN 2307-1966

Ноосферные Исследования

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020

2

ТЕМА НОМЕРА

ТРУДНЫЙ ВЕК ГУМАНИТАРИСТИКИ

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
как электронное периодическое издание
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-78954 от 07 августа 2020 г.

2020

Периодическое издание

Вып. 2

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
(главный редактор)

(Россия, Иваново)

М. В. Жульков, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)

(Россия, Иваново)

М. А. Меликян, канд. филос. наук
(технический секретарь)

(Россия, Иваново)

Г. П. Аксенов, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)

П. А. Белоусов, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)

А. Г. Гачева, д-р филол. наук
(Россия, Москва)

Н. Н. Летина, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)

Т. Н. Соснина, д-р филос. наук
(Россия, Самара)

Редсовет:

О. А. Базалук, д-р филос. наук
(Украина, Киев)

А. В. Брагин, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

О. А. Габриелян, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)

В. А. Грачев, д-р техн. наук
(Россия, Москва)

Т. С. Злотникова, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)

Н. Н. Кожневиков, д-р филос. наук
(Россия, Новосибирск)

Сильвия Минева, д-р филос. наук
(Болгария, София)

В. В. Мантатов, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)

Зоран Милошевич, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)

С. В. Орлов, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

В. С. Фунтусов, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)

Адрес редакции:

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 209
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: nоosоos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА**

Трудный век гуманитаристики 3

**НООСФЕРНЫЙ УНИВЕРСУМ:
МЕТАНАУЧНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Ермолина И. На пути к Ноосфере — Вернадский, Рерихи,
Живая Этика 4
Маринова Э. В. Прикладная этика — современные вызовы
академическому образованию 13

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МИРЫ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

Ерахтин А. В. Трансформации российского образования в
XX—XXI веках 19
Куликова О. Б. Философия и судьба университета как
образовательного проекта и социокультурного феномена 32

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ**

Воронова Т. А., [Засобина Г. А.] Пять педагогических заметок в
пространстве современной гуманитаристики 41
Мельникова Е. В. Образовательная среда в информационный
век: особенности содержания 49
Дельцова И. А. Инклюзивность как новый ориентир
образования 55

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ерофеева К. Л. Форсайт-метод в стратегиях природо-
пользования: актуальные аспекты 59
Суворова Г. М. Отражение идеи устойчивого развития в
экологическом образовании Ярославской области 66

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Карташкова Ф. И., Ваняцкая Е. А. Типы ментальных
процессов: деятельностный подход (к проблеме
когнитивных аспектов языкового описания) 71

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Крохина Н. П. Антропологический кризис в рецепции
отечественной литературы конца XX века 78
Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Космос костромской избы:
символический локус в ноосферной динамике 84

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Ставр С. Административное право и проблема «воли»: не
ошибаемся ли мы? 92
Информация для авторов 108

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications (Roskonnadzor)
as an electronic periodical edition

Registration certificate Эл № ФС 77-78954 of August 07, 2020

2020**Periodical edition****Vol. 2****Founder Ivanovo State University****Editorial Board:**

- D. G. Smirnov**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Chief Editor)
(Russia, Ivanovo)
- M. V. Zhulkov**, Cand. of Sc. (Philosophy)
(executive secretary)
(Russia, Ivanovo)
- M. A. Melikyan**, Cand. of Sc. (Philosophy)
(technical secretary)
(Russia, Ivanovo)
- G. P. Aksenov**, Cand. of Sc. (Geography)
(Russia, Moscow)
- P. A. Belousov**, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladimir)
- A. G. Gacheva**, Dr. of Sc. (Philology)
(Russia, Moscow)
- N. N. Letina**, Dr. of Sc. (Culturology)
(Russia, Yaroslavl)
- T. N. Sosnina**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Samara)

Editorial Council:

- O. A. Bazaluk**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Ukraine, Kiev)
- A. V. Bragin**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)
- O. A. Gabrielyan**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Simferopol)
- V. A. Grachev**, Dr. of Sc. (Technology)
(Russia, Moscow)
- T. S. Zlotnikova**, Dr. of Sc. (Art history)
(Russia, Yaroslavl)
- N. N. Kozhevnikov**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Novosibirsk)
- Sylvia Mineva**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Bulgaria, Sofia)
- V. V. Mantatov**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ulan-Ude)
- Zoran Milosevic**, Dr. of Sc. (Politology)
(Serbia, Belgrade)
- S. V. Orlov**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Saint-Petersburg)
- G. S. Smirnov**, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)
- V. S. Funtusov**, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo,
Timiryazev str., 5, of. 209
Phone. (4932) 30-02-16
E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

CONTENT**EDITORIAL COLUMN**

The hard age of humanitaristics 3

NOOSPHERIC UNIVERSE:**META-SCIENTIFIC AND AESTHETIC ASPECTS**

Ermolina I. On the way to the Noosphere — Vernadsky, Roerichs,
Living Ethics 4

Marinova E. V. Applied ethics — modern challenges to academic
education 13

UNIVERSITY WORLDS IN NORM AND PATHOLOGY

Erahtin A. V. Transformation of Russian education in the XX—XXI
centuries 19

Kulikova O. B. Philosophy and destiny of university as an
educational project and socio-cultural phenomenon 32

EDUCATIONAL DIMENSION OF MODERN HUMANITIES

Voronova T. A., Zasobina G. A. Five pedagogical notes in the space
of modern humanities 41

Melnikova E. V. Educational environment in the media age: content
peculiarities 49

Deltsova I. A. Inclusiveness as a new educational focus 55

ECOLOGIZATION OF CONSCIOUSNESS: THEORY AND PRACTICE

Erofeeva K. L. Foresight method in nature management strategies:
topical aspects 59

Suvorova G. M. Reflection of the sustainable development idea in
environmental education of the Yaroslavl region 66

COGNITIVE ASPECTS OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Kartashkova F. I., Vansyatskaya Ye. A. Types of mental processes:
activity approach (the problem of cognitive aspects of language
description) 71

CULTURAL PROBLEMS OF THE ANTHROPOLOGICAL CRISIS

Krokhina N. P. Anthropological crisis in the reception of Russian
literature of the late twentieth century 78

Okeansky V. P., Okeanskaya Zh. L. Cosmos of the Kostroma
peasant's house: a symbolic locus in the noosphere dynamics 84

POINT OF VIEW

Stavru S. Administrative law and the problem of "will": do we get
the rights wrong? 92

Information for the authors 108

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.
Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ТРУДНЫЙ ВЕК ГУМАНИТАРИСТИКИ

Картина ивановского художника Вячеслава Андреевича Федорова (1918—1985) «Весна в деревне Терпигорево», вынесенная на обложку номера, написана в 1975—77 годах, когда страна жила в ранний период «брежневского застоя». Тридцать лет прошло с окончания войны, пришли новые поколения, не знавшие войны и голода, хотя помнившие «городские булки» из канадской муки, которые выдавали в школе в начале 1960-х годов. В русском Нечерноземье много таких деревень, о которых писал еще Н. А. Некрасов, деревень, похожих на большую русскую историю...

Иногда приходит светлая и прозрачная весна, и русская жизнь окрашивается радостными тонами, даже тогда, когда нигде не видно особого достатка: дует свежий ветер, шумят кроны старых берёз, которые растут на высоком берегу большой реки, такой же значимой, как и сама Волга. Радостное небо рассвечено Солнцем и расчерчено живыми белыми ветвями, на которых строятся большие черные гнезда, недавно вернувшихся издалека таких же черных птиц. Сияние света на стволах деревьев, на крыше дома, на зеленеющей траве, в перьях пегушка и курочки... Молодая хозяйка, сбросив зимнюю одежду на скамейку, кормит домашнюю живность: пришла пора действовать... Неужели начинается новый век отечественной гуманитаристики?

Первый — трудный — век гуманитаристики для Иваново-Вознесенской губернии начался в декабре 1918 года с создания Иваново-Вознесенского пединститута, ставшего закономерным итогом «университета на Талке», возникшего в третьей пролетарской столице России в 1905 году. С той поры дорога отечественной гуманитаристики то петляла новыми поворотами, то увязала в непроходимой грязи, то выходила на сухие и светлые пригорки, а потом становилась все шире и надежнее, открывала неожиданные дали. В послевоенное время возникли значительные гуманитарные школы. В начале 1970-х годов начинается эпоха создания «региональных» университетов с новыми факультетами и специальностями. Расцвела аспирантура, а за ней и гуманитарные диссертационные советы. В середине 1990-х годов начала интенсивно работать докторантура, показавшая масштабы постперестроечного буйства красок региональной гуманитаристики. То, что годами готовилось в советские времена вдруг зацвело и стало давать свои плоды.

Реформирование российского образования в нулевые годы очень сильно подморозило естественное развитие «биогеоценоза гуманитарного знания». Университетская гуманитаристика оказала интеллектуальное сопротивление новорусскому капиталистическому курсу, капитализации российского образования, олигархическому огосударствлению общественной жизни. Полезным ли будет использование «философии ЕГЭ» для прорезживания гуманитарной поросли покажет ближайшее будущее, но несомненно одно: у современной бесконечной и безудержной «технизации и информатизации» осталось только одно ограничение — умная гуманитаристика.

В этом номере публикуются материалы научного семинара с международным участием «Трудный век гуманитаристики», состоявшегося 12 декабря 2018 года в Ивановском государственном университете.

Г. С. Смирнов

НООСФЕРНЫЙ УНИВЕРСУМ: МЕТАНАУЧНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 130.2
ББК 87.523.2

И. Ермолина

НА ПУТИ К НООСФЕРЕ — ВЕРНАДСКИЙ, РЕРИХИ, ЖИВАЯ ЭТИКА

В центре внимания автора статьи — метанаучные представления, эмпирические обобщения, произведенные опытом предшествующей культуры. Продемонстрирована их эвристичность в контексте развития современной науки и философии. Произведен компаративный анализ постулатов Живой этики и русского космизма, связанных идеей синтеза религии, философии и науки. Показана востребованность ноосферных представлений в отношении мысли как планетного явления для понимания сущности цивилизационных проблем современности. Сделан вывод о комплементарности концепции цикличности эволюционного развития планеты и человечества и учении о переходе биосферы в ноосферу.

Ключевые слова: живая этика, биосфера, ноосфера, синтетическое знание, космические энергии, ноо-конституция, новая картина мира.

I. Ermolina

ON THE WAY TO THE NOOSPHERE — VERNADSKY, ROERICHS, LIVING ETHICS

The focus of this article is on meta-scientific concepts, empirical generalizations produced by the experience of the previous culture. Demonstrated their heuristicity in the context of the development of modern science and philosophy. A comparative analysis of the postulates of Living Ethics and Russian cosmism, linked by the idea of the synthesis of religion, philosophy and science, is carried out. The relevance of noospheric concepts in relation to human thought as a planetary phenomenon for understanding the essence of modern civilization problems is shown. The conclusion is made about the complementarity of the concept of cyclical evolutionary development of the planet and humanity to the doctrine of the transition of biosphere into noosphere.

Key words: living ethics, biosphere, noosphere, synthetic knowledge, cosmic energies, noo-constitution, new picture of the world.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.04-12

Ссылка для цитирования: Ермолина И. На пути к Ноосфере — Вернадский, Рерихи, Живая Этика // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 4—12.

Citation Link: Ermolina, I. (2020) Na puti k Noosfere — Vernadskij, Rerih, Zhivaya Etika [On the way to the Noosphere — Vernadsky, Roerichs, Living Ethics], *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 4—12.

© Ермолина И., 2020

История человечества помнит, что смелые и проницательные исследователи должны были укрываться, как алхимики от инквизиции, так как сущность ее именно в преследовании необыкновенного. Знаем, как инквизиторы средних веков стремились сделать Вселенную неподвижной. История завещала нам свои примеры этого: драматическая жизнь сожженного Джордано Бруно и мракобесное отношение Церкви к Галилео Галилею из-за его «еретических» взглядов на гелиоцентричность Солнечной системы. История науки показывает, что разные области знания XIX—XX века тоже находятся под давлением сциентистской инквизиции. На пути научного прорыва часто стоят многие преграды, порожденные мировоззренческим догматизмом. Но настоящие ученые, такие как В. И. Вернадский, не опасались, что, противодействуя строгой материалистической парадигме современной науки, будут восприняты как шарлатаны и невежды.

В. И. Вернадский не отвергал вненаучные или *метанаучные* представления, а считал их *эмпирическим обобщением* опыта многих поколений, они изложены в виде определенных идей в философских и эзотерических учениях и системах. Как настоящий ученый¹ В. И. Вернадский не отвергал возможности этого опыта быть отражением реально существующих в природе закономерностей, которые еще не открыты наукой. Мыслитель пишет: «В истории философской мысли мы находим уже за много столетий до нашей эры интуиции и построения, которые могут быть связаны с научными эмпирическими выводами, если мы перенесем эти дошедшие до нас мысли — интуиции — в область реальных научных фактов нашего времени. Корни их теряются в прошлом. Некоторые из философских исканий Индии много столетий назад — философии упанишад — могут быть так толкуемы, если их перенести в области науки XX столетия» [5, с. 264].

Он оказался прав. С позиции науки XXI века стало ясно, что философские представления древних мыслителей в большой степени созвучны самым новым гипотезам и теориям современных ученых, следовательно, они никаким образом не являются наивистичными. В разных областях науки древние знания Востока появляются в новом, современном аспекте. Основные тезисы Е. Блаватской (1831—1891), например, которые подрывали многие научные устои тогда, после ее смерти подтвердились такими большими учеными, как А. Эйнштейн, У. Рентген, У. Крукс, А. Беккерель, Д. Томсон, М. Планк, Л. де Бройль, Э. Шредингер, С. Хокинг и др. Рентгеновские лучи, лучистая материя, открытие электрона, теория, что материя (вещество) эквивалентна энергии ($E = mc^2$), а пространство и время взаимозависимы — только маленькая часть всех открытий современной науки, которые прогнозировала Е. Блаватская в своих трудах, которые считаются первым масштабным опытом для глубочайшего синтеза науки, религии и философии.

Обращаясь к восточной философии о тесном взаимодействии между человеком, планетой и Космосом, о фундаментальном единстве макро- и микрокосмоса, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, Н. Бор, П. Тейяр де Шарден, П. А. Флоренский, А. Л. Чижевский, В. М. Бехтерев, Е. и Н. Рерихи и другие формулируют в своих трудах целостный синтетический подход к изучению природных явлений и человеческого общества, развивают представление о космическом бытии человека и обосновывают необходимость нового космического

¹ По словам Н. К. Рериха, настоящий ученый должен дать достойный пример широкой гипотезы или, используя научную терминологию, «сильного синтеза».

мировоззрения. Так, В. И. Вернадский пишет о необходимости новой науки «более современной, более терпимой к новым идеям и новым завоеваниям человеческого гения» [6, с. 4].

Живая Этика² в некотором смысле претендует на статус новой науки, которая должна быть прежде всего этической, непредубежденной и которая принимает бытие, несмотря на форму, под которой оно возникает. Она ориентирована на диалог между наукой, философией, религией — между научными и так называемыми «метанаучными» методами познания³. Научные и метанаучные методы познания являются взаимодополняющимися ракурсами объективного исследования бытия. Очевидно, что уровень синтетического познания находится в прямо пропорциональной зависимости от уровня сознания. «Итак, современное научное мировоззрение — пишет В. И. Вернадский — и вообще господствующее научное мировоззрение данного времени не есть *tabula rasa* раскрытия истины данной эпохи. Отдельные мыслители, иногда группы ученых достигают более точного ее познания, но не их мнения определяют ход научной мысли эпохи. Они чужды ему. Господствующее научное мировоззрение ведет борьбу с их научными взглядами, как ведет оно ее с некоторыми религиозными и философскими идеями. И эта борьба суровая, ярая и тяжелая» [7, с. 43].

В Живой Этике указывается: «Наука должна укрепить путь к высшему познанию. Наступило время, когда древние символы знания нужно претворить в научные формулы» [1, с. 425]. В своем понимании мира и человека Живая Этика ссылается на научный подход, предполагающий, что все явления во Вселенной могут если не в настоящем, то в будущем иметь научное обоснование. Так называемые сверхъестественные явления рассматриваются в смысле знакомых и все еще незнакомых, но с тенденцией к обнаруживанию и изучению.

Русский космизм впервые в пространстве традиционной науки отстаивает идею о синтезе науки и метанауки в новой системе познания, которая должна включать не только науку, но и философию (в самом широком смысле этого слова), и религиозный опыт, и искусство. Живая Этика доводит эти идеи в контексте целостной системы [13]. «Научное мировоззрение — пишет В. И. Вернадский — развивается в тесном взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества, отделение научного мировоззрения и науки от одновременной или ранней деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства — невозможно. Все эти проявления человеческой жизни взаимосвязаны и могут быть разделены только в воображении» [7, с. 31].

«Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою и могут быть разделены только в воображении».

² Этико-философское учение, созданное в начале XX века Еленой Рерих в сотрудничестве с Махатмами Востока.

³ Мы разделяем взгляд авторов Живой Этики, что эти научные надстройки — мета- (метафизика, метанаука), пара- (парапсихология, паранормальное) и т. д. — нелепые, так как физика, психология, наука — вполне обширные области, которые должны изучать все измерения и сферы космической реальности.

В Живой Этике утверждается, что религия и наука не должны расходиться в своей сущности: считается, что наука изучает материю, а через религию человек познает область духа. Но если между духом и материей нет принципиальных различий, ибо дух — сублимированная материя, а материя — кристаллизованный дух, то нет и принципиальной несовместимости между религией и наукой (конечно, если религия не отождествляется с официальной церковью как социальным институтом). «Я считаю себя глубоко религиозным человеком», — пишет В. И. Вернадский — «считаю, что у религии колоссальное будущее, но формы ее еще не найдены» [4, с. 219, 270]. Он утверждает, что именно интуиция и вдохновение, а не логический интеллектуальный процесс находятся в основе всех великих открытий науки: «Интуиция, вдохновение — основа самых великих научных открытий... В истории научной мысли мы входим в области явлений, еще не охваченных наукой, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание» [6, с. 111].

Противопоставление религии науке оформило взгляд ортодоксальной эмпирической науки, что научное мировоззрение должно победить религиозное. Но другие современные авторы считают, что рано или поздно наука станет более духовной, а религия — более просвещенной и одновременно более терпимой и это именно откроет тенденцию к их сотрудничеству и сближению. «По существу настоящая религия, настоящая научная мысль и настоящее философствование никак не противостоят друг другу, так как исключают иррациональное отречение чужого опыта и иррациональное ограниченное охранение собственных предрассудков. Они вместе призваны бороться за высшие начала в человеке: за ясную и точную, устремленную к истине мысль и за твердую нравственную волю к добру» [9, с. 105]. Известные физики Б. В. Раушенбах и А. Д. Сахаров тоже высказывают нетрадиционные для нашей науки взгляды о значении религии и признают ее право на синтез с наукой, в связи с целостным восприятием мира [11, с. 44].

Благодаря сравнительному анализу древних источников и новых научных исследований в области многомерности Вселенной и человеческого организма, в области природы человеческого сознания, в области других форм и состояний материи, стало известно, что древние мыслители, разработавшие основы восточного эзотеризма, во многих отношениях опережают философов и ученых нашей цивилизации. Нашим ученым уже ясно, что твердая материя является низковибрирующей энергией, что подтверждает энергетическое мировоззрение учения восточных Махатм. Современные ученые уже работают с понятием «электромагнитное поле» живого организма, т. е. биоэнергия. Концепция, что в природе существует тонкий материальный план пространства, который выступает в качестве своеобразного энерго-информационного банка, сегодня активно дискутируется. В древних доктринах это так называемая Акаша, а у В. И. Вернадского и П. Тейяр де Шардена — это ноосфера.

Раскрывая связь человека с энергетическими процессами биосферы, В. И. Вернадский развивает учение о ноосфере, в рамках которого большую роль играет феномен научной мысли. Он, как и другие представители мировой науки, высказывает предположение о том, что наша планета окружена особым энерго-информационным полем, или сферой разума, которая сохраняет все научные и культурные достижения человечества. Сегодня под ноосферой понимается универсальное семантическое поле сознания. Мысль человека энергетична, и содержание его мысли и чувства запечатлевается в этом поле планеты. Утвер-

ждая огромную творческую силу человеческого разума, Живая Этика предупреждает, что психическая энергия социума оказывает влияние на природные стихии, на физическое и психическое состояние человечества в зависимости от морального содержания его мыслей и чувств. Подобный взгляд разделяет сегодня и русский геофизик И. Н. Яницкий [15]. Интересные аналогии об Акаше раскрываются в гипотезе о морфогенетических полях, предложенной недавно австрийским биохимиком Р. Шелдрейком, который утверждает, что существуют особые поля, которые представляют архетип или матрицу каждой формы жизни на планете. Он предполагает, что пространственные, а не внутренние факторы регулируют физические организмы, а это гармонирует с идеей о ноосфере как энергоинформационной матрице Универсума, благодаря которой эволюционные процессы совершаются и в природе, и в социуме.

Ученые разных стран уделяют все большее внимание ноосферному пути развития человечества и необходимости перемен в духовно-нравственной области, что тесно связано с использованием и научного, и философского знания. Концентрированное выражение подобная позиция получает в Ноосферной этико-экологической конституции человечества — проекте о ноосферном развитии цивилизации, включающий научное управление мирового устройства и его правовое обеспечение. Ноосферная этико-экологическая конституция человечества — основополагающий законодательный акт и документ, фиксирующий фундаментальные юридические принципы и условия организации деятельности человеческого общества. Он задает права и обязанности всех нас как народов Земли и ноосферы, описывает предпринимаемые меры для осуществления юридически гарантированного перехода от старого порядка к новому.

Планетарный кризис современности свидетельствует о деструктивных тенденциях, которые детерминируют современный мир и жизнь людей. Ряд исследователей выдвигают идею, что основной причиной для этих тенденций является бездуховность как символ дегуманизации культуры. Л. С. Гордина считает, что именно «духовность», или «культура управления информацией», является главным фактором прогресса человечества. Современное состояние нашего общества, его проблемы обязывают пересмотреть наши мировоззренческие идеалы. В третьем тысячелетии человечество вступило в новую фазу своего существования. Научные открытия последних годов внесли в науку и в жизнь новые и позабытые понятия: ноосфера, глобализация, биополе, биомагнитная ситуация, толерантность. И это не случайно. Кардинальные перемены в современном обществе способствуют изменению сознания и поведения людей. Растет число ученых, которые высказывают убеждение, что предстоит радикальное изменение научной картины мира. Интерес в этом направлении представляют как выводы Объединенного научного центра проблем Космического мышления, предложенные на научной конференции «Живая этика и наука» (Москва, 2007), так и доклады Мирового Форума Духовной Культуры (Астана, 2010), где около 1000 представителей науки и культуры из 72 держав обсудили ряд «инструментальных» проектов, в том числе правовых, для социокультурного осмысления происходящих перемен и формирования новых мировоззренческих принципов и представлений о Вселенной, в связи с вступлением человечества в Новую эпоху. Среди делегатов были государственные руководители, лидеры общественных организаций, международные и политические деятели, интересы которых связаны с построением мирного, справедливого, прогрессивного общества.

Это косвенно свидетельствует о том, что решение цивилизационных проблем традиционными методами не всегда эффективно. Нужно изменение человеческого поведения и сознания. Растет число ученых, которые считают, что *сознание* не просто заключенный в мозге «субъективный образ объективной реальности», а вполне объективный и «влиятельный» элемент космического бытия. Факты, которые подтверждают объективный онтологический статус сознания, увеличиваются. Уже сделаны серьезные шаги по нахождению его тонких физических носителей (см. журнал «Сознание и физическая реальность», основанный в 1996 г.). Согласно этому статусу сознание способно к бесконечному расширению до превращения его в сознательную эволюционную силу Космоса, в чем проявляется нравственный характер его деятельности. Следовательно, именно развитие сознания — та необходимая и актуальная ступень для преодоления различных проблем и кризисов, которые невозможны там, где люди осознали свое предназначение, свою ответственность и ясно чувствуют смысл своего жизненного пути. Над этой проблемой об объективности сознания как действующего фактора эволюции работал и В. И. Вернадский в последние годы своей жизни. «Нам важно только одно: мы имеем в живой материи (...) явления, в частности, движения, которые не зависят целиком от материи и энергии, но еще и от чего-то другого, что не может быть сведено на материю, например, роль сознания человека в геохимических процессах. Это как будто особая сила, способная менять в некоторых процессах проявление и действие энергии, но не одна из ее форм...» [3, с. 191].

Сегодня ученые доходят до нового понимания развития общества, когда факторы духовного, космического характера меняют факторы материально-производственного естества. В. А. Иванов, И. В. Фотиева и М. Ю. Шишин рассуждают о кризисе современной техногенно-потребительской цивилизации и о перспективах по созданию новой духовно-экологической цивилизации [9]. Среди самых значимых вопросов, связанных с развитием человека и природы, выдвигаются вопросы о месте человека в структуре Космоса, о его духовно-нравственном совершенствовании и о ведущей роли высшего начала, культуры и красоты в эволюции человечества. Если смотреть с этой точки зрения, все причины кризисов в отдельных государствах и на планете в целом заключаются в незнании и неумении человека прилагать космические законы, которые универсальны и стоят в основе эволюции всех явлений в Космосе. Ноо-Конституция делает попытку именно регламентировать жизнь в соответствии с едиными законами мироздания. На основе научных исследований и теоретических разработок космизма Ноо-Конституция констатирует, что развитие цивилизации возможно только в согласии с законами природы. Более того, ученые сегодня воспринимают идею, выдвинутую Живой Этикой, что соблюдение космических законов превращает человека в творца, который постепенно достигает уровня сознательного субъекта эволюции, становится активным участником в ней.

Современные экспериментальные результаты дают твердое основание считать продукты деятельности сознания не только опосредственной, но мощной непосредственной формирующей силой в Космосе [2]. Современная наука уже приблизилась к изучению тонкой материальной сущности жизни и человека. А. Дубров, В. Пушкин, обобщив значительный теоретический и экспериментальный материал, сделали вывод, что психика человека, его сознание являются энерго-информационными феноменами [8], а известный новосибирский ученый

В. П. Казначев сформулировал возможность существования не только белково-нуклеиновых, но и полевых энерго-информационных форм жизни [10].

В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилев, А. Л. Чижевский, Е. и Н. Рерихи считают, что основной причиной эволюционных перемен в природных и социокультурных процессах Земли являются именно космические энергии. Авторы Живой Этики полагают, что главные факторы для природных перемен, которые будут сопровождать начало Нового цикла в развитии планеты, именно воздействие на Землю неизвестных еще современной науке космических энергий. В. И. Вернадский тоже подчеркивает факт, что до сих пор наука не успела регистрировать все излучения Космоса, которые достигают Земли. В Живой Этике утверждается, что существуют самые тонкие энергии, еще неизвестные официальной науке, так как не созданы достаточно чувствительные аппараты, которые могли бы их зафиксировать. В трудах Вернадского говорится, что все во Вселенной находится в постоянном энергообмене. Энергообмен Космоса — один из основных факторов существования и развития биосферы нашей планеты. Клеточные структуры всех живых существ Земли активно взаимодействуют с потоками космической энергии, которые «выливаются» на ее поверхности. Благодаря космическим излучениям биосфера наполняется энергией, активизируется, собирает полученную в виде излучений энергию и в земную сферу превращает ее в энергию в земной среде свободную, способную производить работу (см.: [5]).

Согласно Живой Этике конец XX и начало XXI века являются переходным периодом и эпохой смены больших космических циклов в истории Земли и наступлением прогрессивной эпохи в развитии планеты и человечества. «Хочу напомнить, — пишет Е. И. Блаватская, — об исключительной неотложности осознать наступление Нового Века. Огненные энергии (*высшие космические энергии*) в страшном напряжении устремлены к Земле, и, неосознанные и непримененные, они вызовут и уже вызывают разрушительные землетресения и другие космические пертурбации, так же как и революции, войны и новые эпидемии. Мы находимся у самого преддверия нового века, новой расы, и потому наше время могло быть приравнено к последним временам Атлантиды, в существование которой наука все больше начинает убеждаться» [12, с. 189].

Концепция о цикличности эволюционного развития планеты и человечества, развитая в Живой Этике, имеет древнее происхождение. Идея о существовании космических ритмов и циклов присутствует в самых древних мифологических представлениях народов всего мира, об этом пишет известный религиовед М. Элиаде [14]. В науке идея о цикличности высказана по отношению к геологическим процессам, что косвенно тоже затрагивает проблему о периодических природных пертурбациях в истории планеты. В. И. Вернадский отмечает существование определенных циклов в геологическом развитии Земли: «Сейчас знаем, что в истории земной коры раскрываются критические периоды, когда геологическая деятельность в самых разнообразных ее проявлениях усиливает свои темпы... Можем считать эти периоды критическими в истории планеты, и все указывает, что их вызывают глубокие по отношению к земной коре процессы, которые явно выходят за ее границы. Одновременно с этим наблюдается усиление вулканических, орогенических, ледниковых явлений, трансгрессий моря и других геологических процессов, которые охватывают большую часть биосферы одновременно на всем ее протяжении. При своем усилении и при самых больших своих переменах эволюционный процесс совпадает с этими

периодами... Об этом основном явлении в истории нет никакой теории и научного объяснения» [5, с. 254].

При необычных условиях будущего, порожденного от смены космических циклов, станет невозможно идти по старым тропам, а тревога о судьбе мира будет обязывать искать новые пути. Следовательно, только через обновление мышления человечество сумеет достичь новой ступени эволюции, — утверждается в философской системе Живой Этики. Для этой цели человечество должно развить в себе особую чувствительность, чтобы распознать пути эволюции. В. И. Вернадский приходит к выводу, что движущим фактором в мировом эволюционном процессе являются труд, мысль и, следовательно, ответственное сознание. В этом смысле для авторов Живой Этики целью эволюции тоже является одухотворение материи. А это изменение и совершенствование материи осуществляется через изменение частоты ее энергетики, которое становится возможным только благодаря нравственному и духовному усовершенствованию человека как носителя такой энергетики. Этот путь Культуры, путь сотрудничества с Ноокосмической Иерархией или с Высшим Космическим Разумом.

Идея, что в Космосе есть существа богочеловеческой степени эволюции, разделяется не только богословами и философами, но и передовыми учеными. В. И. Вернадский отмечает, что человек не является окончательной ступенью в связи с развитием разума в Космосе, что должны быть и более высшие степени развития и, следовательно, более совершенные, высокоразвитые существа: «Мы могли бы догадаться из эмпирического обобщения, из эволюционного процесса, что Homo sapiens не окончательное завершение творения, он не имеет совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее» [6, с. 55].

Библиографический список

1. *Братство* // Агни Йога: в 4 т. Донецк: Сталкер, 1999. Т. 3. С. 365—478.
2. *Васильев Л. Л.* Таинственные явления человеческой психики. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1963. 168 с.
3. *Вернадский В. И.* Биосфера: мысли и наброски. М.: ИД «Ноосфера», 2001. 244 с.
4. *Вернадский В.* Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминание современников. Суждения потомков. М.: Современник, 1993. 689 с.
5. *Вернадский В. И.* Ноосфера // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис пресс, 2004. С. 184—535.
6. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Книга вторая. М.: Наука, 1977. 191 с.
7. *Вернадский В. И.* Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. 504 с.
8. *Дубров А., Пушкин В.* Парапсихология и современное естествознание. М.: Соваминко, 1989. 280 с.
9. *Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю.* Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул: Алтайский гос. университет, 2001. 240 с.
10. *Казначеев В. П., Спирин Е. А.* Космопланетарный феномен человека. Новосибирск: Наука, 1991. 303 с.
11. *Раушенбах Б. В.* Пристрастие. М.: Аграф, 1997. 432 с.
12. *Рерих Е. И.* Письма. 1 Том 1 (1919—1933). М.: Международный Центр Рерихов, 1999. 432 с.

13. Шапошникова Л. За новото космическо мислене. София: Экспреспринт, 2009. 183 с.
14. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
15. Яницкий И. Н. Физика и религия. Рекомендации по уменьшению уровня потерь в масштабах цивилизации. М.: Агар, 1998. 64 с.

References

- Bratstvo [Brotherhood] (1999), *Agni Joga, v 4 t.* [Agni Yoga, in 4 vol.]. Doneck: Stalker, v. 3.
- Vasil'ev, L. L. (1963) *Tainstvennye yavleniya chelovecheskoj psihiki, 2-e izd* [Mysterious phenomena of the human psyche. 2nd ed], Moscow: Gospolitizdat.
- Vernadsky, V. I. (2001) *Biosfera: mysli i nabroski* [Biosphere: thoughts and sketches], Moscow: Izdatel'skiy dom «Noosfera».
- Vernadsky, V. (1993) *Zhizneopisanie. Izbrannye trudy. Vospominanie sovremenni-kov. Suzhdeniya potomkov* [Biography. Selected works. Memoirs of contemporaries. The judgment of posterity], Moscow: Sovremennik.
- Vernadsky, V. I. (2004) Noosfera [Noosphere], in Vernadsky, V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere], Moscow: Ajris pres.
- Vernadsky, V. I. (1977) *Razmyshleniya naturalista. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yav-lenie. Kniga vtoraya* [Reflections of a naturalist. Scientific thought as a planetary phenomenon. The second book], Moscow: Nauka.
- Vernadsky, V. I. (2000) *Trudy po filosofii estestvoznaniya* [Works on the philosophy of natural science], Moscow: Nauka.
- Dubrov, A., Pushkin, V. (1989) *Parapsihologiya i s"vremennoe estestvoznanie* [Parapsychology and modern natural science], Moscow: Sovaminko.
- Ivanov, A. V., Fotieva, I. V., Shishin, M. Yu. (2001) *Duhovno-ekologicheskaya civilizaciya: ustoi i perspektivy* [Spiritual and ecological civilization: foundations and prospects], Barnaul: Altajskij gos. Universitet.
- Kaznacheev, V. P., Spirin, E. A. (1991) *Kosmoplanetarnyj fenomen cheloveka* [Cosmoplanetary phenomenon of man], Novosibirsk: Nauka.
- Raushenbah, B. V. (1997) *Priustrastie* [Predilection], Moscow: Agraf.
- Rerih, E. I. (1999—2009) *Pis'ma. T. I* [Letters. Vol. 1], Moscow: MCR.
- Shaposhnikova, L. (2009) *Za novoto kosmicheskio mislene* [For new cosmic thinking] Sofia: Ekspresprint.
- Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty* [Space and history. Selected works], Moscow: Progress.
- Yanicikij, I. N. (1998) *Fizika i religiya. Rekomendacii po umen'sheniyu urovnya poter' v masshtabah civilizacii* [Physics and religion. Recommendations for reducing the level of losses in the scale of civilization], Moscow: Аgar.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Ермолина Илияна Иванова — доктор философских наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, г. София, Болгария, iliyana_ermolina@abv.bg

Information about the author

Ermolina Piyana Ivanova — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Sofia University named after St. Kliment Ohridsky, Sofia, Bulgaria, iliyana_ermolina@abv.bg

УДК 172
ББК 87.751

Э. В. Маринова

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА — СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Статья посвящена анализу соотношения прикладной и академической этики в условиях современного общества риска. Выдвигается тезис, что академической этике предстоит подъем, так как развитие практической этики задает новый импульс, требующий развертывания этического обучения в областях повышенного социального и этического риска. Фиксируется значимость этической экспертной деятельности в контексте новой этической перцепции мира. Определены факторы, обуславливающие этический поворот, среди которых реальность этических рисков, наличие госзаказа, подъем моральной когнитивности, рост интердисциплинарности этики как области знания и другие.

Ключевые слова: академическая среда, прикладная этика, этика развития, культура роста, этическая экспертиза, моральная когнитивность.

E. V. Marinova

APPLIED ETHICS — MODERN CHALLENGES TO ACADEMIC EDUCATION

The article is devoted to the analysis of the relationship between applied and academic ethics in the conditions of a modern risk society. The thesis is put forward that academic ethics is about to rise, since the development of practical ethics gives a new impetus, requiring the deployment of ethical training in areas of increased social and ethical risk. The importance of ethical expert activity in the context of a new ethical perception of the world is fixed. The factors that determine the ethical turn are identified, including the reality of ethical risks, the presence of a government order, the rise of moral cognition, the growth of interdisciplinarity of ethics as a field of knowledge, and others.

Ключевые слова: academic environment, applied ethics, ethics of development, culture of growth, ethical expertise, moral cognition.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.13-18

Ссылка для цитирования: Маринова Э. В. Прикладная этика — современные вызовы академическому образованию // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 13—18.

Citation Link: Marinova, E. V. Prikladnaya etika — sovremennye vyzovy akademicheskomu obrazovaniyu [Applied Ethics — Contemporary Challenges to Academic Education], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 13—18.

В 1988 году в г. Варне (республика Болгария) была проведена Молодежная школа этики, примечательная тем, что впервые в болгарских этических дебатах обсуждались разные виды реальной социальной деятельности, связанные с

© Маринова Э. В., 2020

«этической консультацией» и «этической экспертизой». Специально из г. Тюмени был приглашен Владимир Бакштановский, чтобы поделиться накопленным опытом в этом направлении. Реакция аудитории была неоднозначной, но бурной, а дискуссия об этической консультации и экспертизе сама по себе явилась бесспорным положительным научным фактом. В пространство прикладной этики были введены понятия, которые тогда звучали экстраординарно или авангардно, но сегодня являются неотъемлемой частью этического дискурса. Говорилось об этической экспертизе, о специалисте по этике как об эксперте, этике был придан статус, отличный от академического. Для болгарской этики это знание было новым, предстояло его осмысление.

В современном обществе риска этика развития представляется частью глобальной культуры роста. Среда риска предопределяет новую, «социальную роль» науки о морали. Она отличается от хорошо знакомого сцепления академической этики и социальной практики, характерного для «практической философии», и связана с прямым участием этической обоснованности и этических средств в овладении рисками роста.

Общество принимает новую социальную роль этики. Необходимость в этическом осмыслении и выведении этической аргументации на передний план становится неотъемлемой частью процесса принятия решений, выбора социальной политики и удержания рисков. Этика тесно вплетена в выбор и в конструирование биомедицинской, экономической, информационной, экологической и других видов социальной политики; она участвует в изменении и совершенствовании базы законов, что интерпретируется посредством новой функциональной нагрузки, которую современная прикладная этика приобретает. Это так называемые основателями этики развития «*политические*» функция и роль [11].

Этическая экспертная деятельность берет свое начало в академических «деловых играх», «этическом практикуме» и т. п., о которых, в частности, говорит В. Бакштановский. Она проходит через практическую экспертную деятельность этических комиссий и этических кодексов, чтобы отвоевать себе социальную роль, предполагающую участие в перспективных стратегиях, связанных с регуляцией нормативно нестабильной среды, связанной, в свою очередь, с овладением рисками роста. «Любая этика — развития, социальной практики, культурного осмысления — является этикой целей и средств средств», — пишет Гуле [13, с. 40]. В этом плане приоритет принадлежит так называемым «мягким» средствам воздействия на общественный прогресс [12]. Этическое обучение и образование — ярчайшие среди них. Они являются эффективным инструментом развертывания этического познания, благодаря веками возводимым образовательным и педагогическим структурам и видам практики. Предположение сводится к тому, что *этическое образование и обучение приводят к устойчивости наступающих перемен*. В условиях болгарских реальностей они выступают самым важным показателем вхождения этики развития в болгарскую общественную жизнь и особенно в выборе и в отстаивании социальных стратегий [4, 6].

Академическая среда, в которой прикладная этика зарождается как проект, как новая этическая перцепция мира и изменяющейся действительности, снова становится домом прикладной этики, но уже новым, отличным способом.

Во-первых, этические риски реально присутствуют в социальной среде. Времена, когда рассуждали о научно-техническом прогрессе и об опасностях, к которым, по всей вероятности, они приводят, остались в прошлом. Риск давно

уже не представляется прогнозным событием, и эксперт по этике, несмотря на стремление опередить события, еле поспевает за ними. Уже шипы терния риска напоминают о себе болезненными социальными ранами, которые болят за этическое мышление и компетентность.

Во-вторых, существует спрос на этическое знание. В социальной практике осознается необходимость в этическом экспертном знании, экспертном мнении, экспертизе и т. д.; в академические институты посылаются четко сформулированные заявки. Фонды, больницы, бизнес-офисы, государственные агентства и институты осознают необходимость в этических компетенциях и посылают своих сотрудников на курсы последипломного образования, приветствуют соискательство ученой и образовательной степени доктора¹, продолжающееся образование и т. п. На теоретическом уровне эта необходимость осмысливается и интерпретируется — мотивируется необходимостью в «обучении в течение всей жизни», а европейские научные программы выделяют средства на изучение и сравнительный анализ тенденций в этом направлении.

Специалисты разных областей, испытавшие трудности этической экспертной деятельности, снова возвращаются в лоно академической науки, потому что именно под ее кровом у них есть возможность соприкосновения с академическими этическими знаниями, которые оказываются необходимыми для осмысления этических подходов, принципов и методов в процессе принятия экспертных решений. Они уже убеждены, что академическое этическое образование необходимо для получения адекватной и действующей экспертной оценки, для подбора точных экспертных решений и рекомендаций для овладения рисками роста. Этическое знание начинает пользоваться большим спросом, его ценят в практике, так как в ходе деятельности неспециалисты в области этики сталкиваются с рисками роста и обнаруживают свое бессилие овладеть ими без специализированных этических знаний. Разумеется, нехватка эта разрешается очень часто по принципу «как это принято у нас», причем делается все возможное, чтобы посредством самообучения и интуиции компенсировать познавательные лакуны. Это наблюдается не только в практике, но и в академической науке. Там, несмотря на то что этические аспекты составляют необходимую часть любого значимого научного исследования, а европейские программы в обязательном порядке требуют анализа этических рисков и мер для овладения ими, научные команды делают все возможное для того, чтобы самим справиться с этической проблематикой. В обоих случаях почин «сделай себе сам ... этическую экспертизу и анализ» не является профессиональным, но он практикуется и мотивируется вненаучными мотивами.

В-третьих, академическая среда утверждается как источник развития и распространения прикладного этического знания. Ломаются рамки стандартных академических форм — научных публикаций, форумов, дискуссий, диспутов и др., которые также вследствие PR становятся значимыми, заметными, аттрактивными и ценными не только для академической публики.

С одной стороны, спрос в практике на специализированные этические знания и умения можно удовлетворить в академической среде посредством механизмов последипломных квалификаций, продолжающегося обучения и др.

¹ Соответствует ученой степени кандидата наук в России и доктору философии (Ph. D.) в некоторых странах Запада.

С другой стороны, среда риска требует нового стандарта профессиональной подготовки молодых специалистов, включающего специализированные этические компетенции. Академическая этика имеет серьезные обязательства в отношении этической компетентности будущих медиков, психологов, журналистов и специалистов в области масс-медиа, юристов, экономистов и людей бизнеса, информатиков, политиков и т. п. и усиливает значимость преподавания этики неспециалистам. С третьей стороны, новые шаги в биоэтическом знании, в этике бизнеса, в этике информационных технологий, коммуникаций и т. д. реализуются в академической среде, которая сохраняет и расширяет свои лидерские позиции в развитии научно-прикладного этического знания.

В-четвертых, академическое обучение направлено на когнитивные цели и имеет обучающий характер. Если на начальном, академическом этапе своего возникновения (в рамках этического практикума, деловой этической игры и пр.) прикладная этика имеет ясно сформулированные воспитательные цели (формирование моральной позиции участников в деловой игре) [2, 7], то сейчас академическое обучение по прикладной этике имеет четко сформулированные и осмысленные когнитивные задачи.

Я неслучайно обращаю внимание на эту особенность современной академической прикладной этики. Потому что одновременно не затихает дискуссия о легитимности воспитательных целей в рамках академического обучения по прикладной этике. Это далеко не случайно: дискуссия черпает свою жизненность в автономном характере морального выбора. Это хорошо знакомый и уже комментированный разговор о том, можно ли гарантировать моральную автономию и в какой степени моральную когнитивность можно определить как необходимое и достаточное условие для ее достижения.

В-пятых, академическая среда является носителем гуманизма и хранителем моральных стандартов профессионализма [8, с. 130—149]. Академическая среда выступает не только источником современных знаний, но и носителем тех моральных ценностей и этических стандартов, без которых знания и умения не имеют социальной значимости. Потому что знание — огромная сила, но его можно направить как на созидание, помощь и совершенствование, так и на разрушение и уничтожение.

В-шестых, интердисциплинарный подход приобретает плотность. Интердисциплинарность, так хорошо мотивированная и прогнозируемая на начальном этапе возникновения академической прикладной этики — уже не только теоретическая постановка, а и практическая рамка, нечто вроде обязательной интегративной формы реализации этического знания в социальной практике. Польза вследствие ориентации узких специалистов на академическую этику представляется многонаправленной и не ограничивается только рамками профессиональных компетенций. Наблюдается, с одной стороны, освежение и обогащение теории реальными этическими проблемами, а с другой — вхождение в этическую теорию разных видов социальной политики. Принципы прикладной этики — комплексность, применимость и др., которые защищаются в теоретических исследованиях на академическом этапе развития прикладной этики, уже являются характеристиками, которые демонстрируются по существу.

В-седьмых, утверждаются и разворачиваются когнитивные техники обучения, заимствованные из объективных исследований морали. Метод клинической беседы, моральные дилеммы, этические казусы, социальный эксперимент и др.

обязательно присутствуют в современном академическом обучении и дают результаты не только в отношении накопления определенных (этических) знаний, но и в отношении создания умений для реализации морального выбора, выработки действующих стратегий и принятия решений в условиях риска.

Так, многие из методов, возникшие как техники для объективного исследования развития морального мышления, когнитивности, морального поведения и моральных эмоций и т. д., обретают, как говорят русские, «второе дыхание», реализуясь как техники этического обучения. Хороший пример в этом отношении подают программы по биоэтике в Софийском университете им. св. Климента Охридского, медицинских университетах в Софии и Плевене, по этике бизнеса в Техническом университете и в Университете национального и мирового хозяйства в Софии, которые ищут все новые и новые возможности использования объективных техник исследования морали в целях обучения [1, 3, с. 190—208; 5, 9, 10].

Прикладная этика, чье призвание в реальной жизни самой справляться с практическим выбором, снова возвращается под крыло Академической этики. Потому что она — ее мать, хочет знать о страданиях своей дочери, а прикладная этика, вырванная из родной почвы, глеет и вырождается в нечто наподобие этической экспертной деятельности.

Библиографический список

1. *Александрова-Янкуловска С.* Обучението по биоетика в България // *Этика и развитие: българският контекст.* В. Търново: Фабер, 2014. С. 425—449.
2. *Бакитановски Вл.* Хуманитарна експертиза и консултиране: звездният час на приложната етика // *Съвременната етика — проблеми и позиции.* София: Народна младеж, 1989. С. 25—31.
3. *Драмалиева В.* Бизнес етика — философски прочит. София: ИК-УНСС, 2018. 214 с.
4. *Драмалиева В.* Как да се преподава бизнес етика? // *Этика и развитие: българският контекст.* В. Търново: Фабер, 2015. С. 449—457.
5. *Кънева В.* (съст.) Границите на биоетиката. София: Издателство на СУ «Св. Климент Охридски», 2013. 423 с.
6. *Маринова Е.* Этика и развитие: българският контекст: сборник студии / сост. Е. Маринова. В. Търново: Фабер, 2015. 527 с.
7. *Маринова Е.* Этический практикум. Делови игри между колеги // *Философски алтернативи.* 2014. бр. 4. С. 137—150.
8. *Минева С.* Постмодерни дискурси на етиката 2. София: Проектория, 2013. 262 с.
9. *Сотирова Д.* Бизнес етика. София: Стоп. фак. СУ Св. Климент Охридски, 2005. 296 с.
10. *Сотирова Д.* Бизнес етика. Управление на деловото поведение. В. Търново: Фабер, 2014. 392 с.
11. *Bayertz K.* Self-Enlightenment of Applied Ethics // *Applied Ethics. Practical concepts* // Chadwick R., Schroeder D. (eds.) *Philosophy.* London: Routledge, 2002. P. 36—49.
12. *Gasper Des.* Introduction: Working in Development Ethics — a Tribute to Denis Goulet // *Ethics and Economics.* 2006. № 4 (2). P. 1—24.
13. *Goulet D.* On the Ethics of Development Planning // *Studies in Comparative International Development.* 1976. № 11 (1). P. 25—43.

References

Aleksandrova-Yankulovska, C. (2014) Obuchenieto po bioetika v Bъlgariya, [Training in bioethics in Bulgaria], in *Etika i razvitie: bolgarskiyat kontekst* [Ethics and development: balgarskiyat context], V. Tyrnovo: Faber, pp. 425—449.

Bakshatanovski, Vl. (1989) Humanitarna ekspertiza i konsultirane: zvezdnyat chas na prilozhnata etika [Humanitarian expertise and consultants: an hour for the application of ethics], in *Sovremennata etika — problemi i pozicii* [Contemporary ethics — problems and positions], Sofia: Narodna Molodezh, pp. 25—31.

Bayertz, K. (2002) Self-Enlightenment of Applied Ethics. Applied Ethics. Practical concepts, in Chadwick, R., Schroeder, D. (eds.) *Philosophy*, London: Routledge, , pp. 36—49.

Dramalieva, V. (2014) *Biznes etika — filosofski pročit* [Business ethics — philosophical reading], Sofia: IR-UNSS.

Dramalieva, V. (2015) Kak da se prepodava biznes etika? [How can you teach business ethics?], in *Etika i razvitie: bolgarskiyat kontekst* [Ethics and development: balgarskiyat context], V. Tyrnovo: Faber, pp. 449—457.

Gasper, Des. (2006) Introduction: Working in Development Ethics — a tribute to Denis Goulet, *Ethics and Economics*, no. 4 (2), pp. 1—24.

Goulet, D. (1976) On the Ethics of Development Planning, *Studies in Comparative International Development*, no. 11 (1), pp. 25—43.

Koneva, V. (sost.) (2013) *Granicite na bioetikata* [Granice on bioethics], Sofia: Publishing house on SU «St. Clement Ohridski».

Marinova, E. (2014) Eticheskiyat praktikum. Delovi igri mezhdu kolegi. [Ethics workshop. Business games between colleagues], *Filosofski alternativni* [Philosophical alternatives], no. 4, pp. 137—150.

Marinova, E. (sost.) (2015) *Etika i razvitie: bъlgarskiyat kontekst. Sbornik studii* [Ethics and development: balgarskiyat context. Collection of the papers], V. Tyrnovo, Faber.

Mineva, S. (2013) *Postmoderni diskursi na etikata 2* [Postmodern discourse on etikata 2], Sofia: Projection.

Sotirova, D. (2005) *Biznes etika*, [Business ethics], Sofia: Virtualen cent'r za muzika, kultura i nauchni izsledvaniya.

Sotirova, D. (2014) *Biznes etika. Upravlenie na delovoto povedenie*, [Business ethics. Business-like behavior management], V. Tyrnovo: Faber.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Маринова Эмилия Васильевна — доктор философских наук, профессор, Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, г. София, Болгария, ema_marinova@abv.bg

Information about the author

Marinova Emilia Vasilievna — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy and Sociology of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria, ema_marinova@abv.bg

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МИРЫ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

УДК 37.014.3(470+571)
ББК 74.041(2Рос)

А. В. Ерахтин

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В XX—XXI ВЕКАХ

В статье представлен анализ положения российского образования и его трансформаций в последнее столетие. Рассмотрены основные направления государственной политики в системе начального, среднего и высшего образования накануне Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 года, в СССР и в современной России. Дана критика реформ в сфере образования и науки, проводимых в России в последние два десятилетия, проанализированы причины их негативных последствий. Сделан вывод, что для успешного решения проблем в сфере образования и науки, от чего во многом зависит будущее России, необходим диалог между властью и гражданским обществом.

Ключевые слова: политика и образование, системы образования, образовательные реформы, ЕГЭ, РАН, Федеральное агентство научных исследований, статус и материальное положение учителей, преподавателей вузов и ученых в России.

А. V. Erahtin

TRANSFORMATION OF RUSSIAN EDUCATION IN THE XX—XXI CENTURIES

The analysis of provision of Russian education and its transformations in the last century is presented in article. The main directions of public policy in system of primary, secondary and higher education on the eve of the First World War and the October revolution of 1917, in the USSR and in modern Russia are considered. The criticism of reforms in education and science, which are carried out in Russia in the last two decades, is given; the reasons of their negative consequences are analyzed. The conclusion is drawn that dialogue between the state power and civil society is necessary for the successful solution of problems in education and science what the future of Russia in many respects depends on.

Key words: policy and education, education systems, educational reforms, the USE, RAS, Federal Agency for scientific research, the status and financial position of teachers, teachers of higher education institutions and scientists in Russia.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.19-31

Ссылка для цитирования: Ерахтин А. В. Трансформации российского образования в XX—XXI веках // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 19—31.

Citation Link: Erahtin, A. V. (2020) Transformacii rossijskogo obrazovaniya v XX—XXI vekah [Russian education reformations in the XX—XXI centuries], *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 19—31.

© Ерахтин А. В., 2020

Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 19—31 •

Для анализа глобальных изменений в области российского образования в течение последнего столетия необходимо объективное представление о его состоянии, предшествующем революциям 1917. К сожалению, в современной отечественной литературе наметилась тенденция к «лакировке» реалий тогдашней жизни. Например, в монографии Д. Л. Сапрыкина «Образовательный потенциал Российской империи» утверждается: «Российская система образования гимназического и высшего уровня при Николае II была более «прогрессивной», чем в современных ей системах ведущих стран Европы, в частности в Англии, Франции и Германии» [5, с. 20]. Но, как показывает И. В. Пыхалов, такая оценка образования в России накануне Первой мировой войны не соответствует действительности. По уровню народного образования Российская империя намного отставала от ведущих мировых держав (см.: [4, с. 196—197]).

Одним из главных пороков системы и высшего и среднего образования Российской империи было сословное неравенство. На 1 января 1914 года в Российской империи имелось 10 университетов, подавляющее большинство студентов которых состояло из детей привилегированного сословия (дворянство, духовенство, купечество). У сыновей рабочих и ремесленников шансов поступить в университет было на порядок меньше, у сыновей крестьян — еще на порядок меньше. Что касается средней школы, то, как свидетельствует Пыхалов, «кому не посчастливилось родиться в семье дворянина, священника или купца, шансов получить среднее образование были в разы, а для крестьянских детей — в десятки раз меньше» [4, с. 200].

Бурное развитие науки и техники начала XX века поставило Россию перед необходимостью срочно догонять ведущие державы в сфере образования. Для этого было необходимо обеспечить равный доступ к образованию всех слоев населения России. Успешно решить эту задачу стало возможным только после Октябрьской революции 1917 года. Принципы образования, реализованные в Советском Союзе, были сформулированы еще на II съезде РСДРП: всеобщее бесплатное обязательное образование до 16 лет; ликвидация сословных школ и ограничений в образовании по национальным признакам; отделение школы от церкви; обучение на родном языке и др.

С момента создания советского государства вопросам образования уделялось особое внимание. Уже 9 ноября 1917 года совместным Декретом ВЦИК и СНК была учреждена государственная комиссия по просвещению, на которую возлагалась задача руководить всей системой народного образования и культуры. Советское руководство считало достижение всеобщей грамотности одной из приоритетных своих задач. В июне 1920 года Совнарком РСФСР образовал чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Несмотря на гражданскую войну, голод и разруху во многих сферах экономики, как отмечается в Википедии, «к сентябрю 1930 года появились основания констатировать, что всеобщее начальное образование детей фактически введено». За предшествующие годы расходы на образование стабильно росли, ежегодно составляя 12—13 % от бюджета. Количество высших учебных заведений с 91 в 1914 увеличилось до 197 в 1928 году, а количество студентов вузов по сравнению с предвоенным 1914 годом возросло со 127 000 до 272 000 в 1930 году. В 1933—37 годах было осуществлено обязательное 7-летнее образование в городах и рабочих поселках. Высшее образование в СССР в 1940/41 учебном году было представлено 817 учебными заведениями, в которых обучалось 812 000 студентов.

Образование в СССР было тесно связано с воспитанием и формированием нравственных качеств личности. Советская школа была призвана не только решать общеобразовательные задачи, давая знания законов природы, общества и мышления, трудовым навыкам и умениям, но и формировать на этой основе коммунистические взгляды и убеждения учащихся, воспитывать их в духе высокой нравственности, советского патриотизма.

Основой внешкольного образования в СССР была пионерская организация, и на начало 1974 года на территории страны действовало более 4000 дворцов и домов пионеров, более 1000 студий юных техников, почти 600 станций юных натуралистов и других кружков. Любой школьник мог выбрать занятие по интересам, ведь они были бесплатными. Кроме того, занятия в подобных организациях могло не только разнообразить досуг, но и обучить ребенка реальным профессиям и дать знания, которые могли бы пригодиться в будущем.

В советский период в сфере образования и науки СССР занимал лидирующее положение в мире. После запуска первого спутника Земли и первого человека в космос шокированная общественность США потребовала разобраться в причинах своего отставания. Они обнаружили в слабости американского образования. США тратили на образование 4 % от валового национального дохода, а в СССР в период, когда ковался ядерный щит и закладывалась фундаментальная научная база, доля расходов на образование и науку была сопоставима с расходами на оборону. Поэтому в 1958 году в США был принят «Закон об образовании в целях национальной обороны», а Джон Кеннеди сказал: «или мы срочно займемся математикой и физикой, или всем нам придется изучать русский язык». Позднее Рональд Рейган также отдал дань интеллектуальному оружию русских, заявив, что «самое мощное оружие русских — это их образование».

Начиная с перестройки, образование в России находится в состоянии непрерывного процесса реформирования. Реформа образования изначально была направлена на принципиальный разрыв с советской традицией образования, в которой особый акцент делался на фундаментальную теоретическую подготовку студентов и задачи школы ставились исходя из этой цели. Главное место в психологии и педагогике образования занимала проблема формирования личности и самостоятельного мышления.

Либеральная система образования в современной России началась с резкого сокращения поля гуманитарного образования. Еще в 1999 году по распоряжению министра образования и науки В. Филиппова из образовательных стандартов подготовки педагога и учителя были исключены предметы «Эстетика» и «Эстетическое воспитание». Успех развития той или иной сферы общества в немалой степени зависит от того, кто возглавляет эту сферу. В США на министерских должностях утверждены уже четыре Нобелевских лауреата. Например, министром энергетики США является Стивен Чу — лауреат Нобелевской премии в области физики. Он руководит американским атомпромом. У нас же при назначении министров их знания и образование не имеют никакого значения. Министров назначают по принципам родственных связей, дружеских отношений и личной преданности. Ярким примером этого является деятельность и судьба А. Э. Сердюкова, назначенного в свое время В. В. Путиным на должность министра обороны РФ, и его помощницы, экс-чиновницы Минобороны Е. Н. Васильевой.

Вот что о назначении А. Фурсенко на должность министра образования и науки писал Н. И. Киященко: «Честно перед всей Россией прошу прощения за

то, что в 2004 году составленным на имя Президента страны письмом, подписанным тридцатью философами Москвы, способствовал освобождению от поста министра образования В. Филиппова. Я совсем забыл при этом о старом русском принципе, который гласит: «Каждый последующий хуже предыдущего», и просто не знал того, что у нашего Президента имеется в «загашнике» сосед по даче под Санкт-Петербургом А. Фурсенко, совершенно ничего не понимающий ни в образовании, ни в науке» [1, с. 59].

Реформа образования, продолженная А. А. Фурсенко в 2004 году, касалась не только школьного, но и высшего образования. Высшее образование в СССР было бесплатным, а студентам на основании их оценок выплачивалась стипендия. Средняя стипендия составляла 40 рублей. Учитывая, что заработная плата инженера составляла 130—140 рублей, студенты могли позволить себе жить достаточно неплохо. Государство заботилось о здоровье и физическом состоянии студентов. В СССР существовало большое количество спортивных организаций, стадионов, спортивных залов и других сооружений, в которых студенты занимались различными видами спорта. Например, сразу же после открытия в городе Томске плавательного бассейна студенты томских вузов могли посещать его четыре раза в неделю, при этом инструкторы бассейна обучали их различным видам спортивного плавания (кроль, брасс, баттерфляй) совершенно бесплатно.

Советская высшая школа сохраняла традиции классического образования: в начальный период обучения шла общеобразовательная подготовка студентов, а затем, во второй его половине, проводилась углубленная специализация. В итоге человек выходил из вуза высокообразованным специалистом, сочетая в себе высокую общую культуру с глубоким знанием своей специальности. Имея солидную общеобразовательную подготовку, такой специалист мог при необходимости легко переквалифицироваться. Но такая система образования не устраивала нынешних руководителей и хозяев нашей страны, а также их заокеанских покровителей. Сегодня уже не является секретом, что основные преобразования в системе отечественного образования проводились под руководством и при непосредственном участии американских советников. Они активно работали в России с 1992 года. Именно при их непосредственном участии была разработана программа «Модернизация российского образования». Именно они предложили новый принцип финансирования образовательных учреждений, при котором деньги должны следовать за учеником. Тем самым был открыт старт к массовому уничтожению школ. Модернизация обернулась закрытием 15 тысяч сельских школ, а это, в свою очередь, привело к гибели многих сел.

За годы реформ было уничтожено почти 80 % средних профессиональных учебных заведений. Возникает вопрос: почему побудительным мотивом реформирования стало не повышение качества образования, а желание следовать последней европейской моде? Кому и зачем все это было нужно? Вот что об этом говорит президент Всероссийского фонда образования С. Комков: «Еще в августе 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Об отношении к России». Фактически это был проект уничтожения нашего государства». В 1987 году Конгресс США, реализуя данную директиву, утвердил «Русский проект», на который из бюджета было выделено 350 миллионов долларов. Одной из важнейших задач в рамках «Русского проекта» было уничтожение интеллектуального потенциала российской науки [2].

Американские советники стояли у истоков эксперимента по внедрению ЕГЭ. Советская школа вела жесткую борьбу с зубрежкой. Она требовала, чтобы до любой истины ученики доходили процессом собственной мысли, что развивало мыслительные способности обучающихся и формировало человека, способного осознанно принимать решения в различных жизненных ситуациях.

Навязанная нам американо-канадская система образования узко прагматична, она ориентирована на подготовку не профессионалов, а роботов разных специальностей. Ориентация на тестирование блокирует самостоятельную работу мысли. Обучаемый должен бездумно принимать на веру то, что написано в учебнике или что внушает учитель. Не случайно система тестирования, разработанная в США первоначально для армии, затем была перенесена в образовательный процесс. Очень уж эффективной она оказалась для превращения человека в бездумный и бездушный автомат, которым легко манипулировать. Несмотря на сопротивление учителей, учащихся и их родителей, директоров школ и ректоров вузов, в 2009 году единый государственный экзамен был введен федеральным законом.

Либеральная реформа образования в России строится вокруг определенной мировоззренческой установки, четко сформулированной А. Фурсенко: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». Смысл социального заказа, который был поставлен перед системой образования, хорошо выражен в термине «сфера услуг». Если советская система просвещала и воспитывала, то теперь она должна оказывать услуги. А это значит, что именно заказчик будет диктовать ей условия. Система образования призвана обслуживать бизнес. Не производство, не экономику, а именно бизнес. Это близкие, но все же разные понятия. Экономика работает на общество, бизнес — на прибыль. Бизнесу вообще, а современному в особенности, не нужна личность, не нужен человек самостоятельный, творческий. Ему нужен робот, человек-функция, способный совершать лишь ту или иную операцию. Таким человеком легко манипулировать. По мнению Т. В. Панфиловой, правительство РФ последовательно проводит стратегию развития образования в интересах олигархов, живущих за счет разбазаривания наших природных богатств и не желающих вкладывать деньги в будущее страны. Эта стратегия полностью согласуется с мерами по развалу отечественной науки и сохранения России в качестве сырьевого придатка других стран. Т. В. Панфилова пишет: «Нынешних «хозяев жизни» устраивает лишь такая система образования, которая обеспечивала бы уровень образованности, достаточный только для выполнения функций по обслуживанию нужд господствующей прослойки, но исключающий как возможность самостоятельного анализа сложившегося положения вещей, так и потребность в нем» [3, с. 6].

Уже 15 лет в нашей стране продолжается либеральная реформа образования. Каковы же ее результаты?». Если раньше на изучение литературы в 10—11 классах давалось 400 часов уроков, сегодня — в два раза меньше. Заслуженный учитель, д-р пед. наук, директор Московского центра образования № 109 Е. А. Ямбург пишет: «Когда фашисты строили планы оккупации СССР, они планировали открывать школы для русских рабов. В них на литературу тоже отводилось 200 часов. И к этому мы сейчас пришли...» [8]. Согласно исследованию

экспертных мнений, проведенному Центром научной политической мысли и идеологии в сентябре 2015 года, с введением ЕГЭ существенно снизился уровень подготовки школьников и студентов, эффективность системы образования в целом упала более чем в два раза. Красноречиво об этом свидетельствуют и результаты последних школьных олимпиад: в международном зачете количество медалистов среди российских школьников резко снизилось. Лучшие российские школьники стали сильно уступать своим сверстникам из других стран. Это говорит, конечно, не об отсутствии рвения и талантов у ребят, а о кризисе системы их подготовки. Одной из целей реформы (особенно введение ЕГЭ) было искоренение коррупции, но она не просто искоренилась, а наоборот, выросла. Просто изменился ее уровень — с вузовского на школьный.

Одним из наиболее спорных «достижений» высшей школы является введение двух уровней образования. Первый уровень длится четыре года, и в результате выпускник получает диплом бакалавра, второй уровень — магистратура, длится два года. Но большинство студентов завершает свое обучение на первом этапе, ведь бюджетных мест в магистратуре по некоторым специальностям не предусмотрено, а стоимость обучения крайне велика. В отличие от времен СССР высшее образование для многих стало непозволительной роскошью.

После развала СССР творческие школы, колледжи и вузы, подчиненные Министерству культуры, полностью перешли в ведение министерства образования и науки и были отнесены к системе дополнительного образования. Чиновники от образования решили, что нет никакой разницы между музыкальной школой и кружком кройки и шитья. Бывший министр культуры М. Швыдкой говорит о полном непонимании специфики творческих вузов со стороны руководства Минобрнауки: «Яркий пример — попытки затащить учебные заведения в Болонский процесс и поделить артистов с музыкантами на бакалавров и магистров».

Большой проблемой для творческих вузов стала замена творческих испытаний пресловутым ЕГЭ. Экзамены по специальности перешли в разряд «дополнительных», а цифры в сертификатах ЕГЭ для поступления в творческий вуз стали значить больше, чем музыкальная или художественная одаренность.

Известно, что музыкально одаренный ребенок имеет возможность начать учебу в 5—6 лет в музыкальной школе, очень рано дети начинают заниматься и в балетных училищах. Однако, как пишет газета «Аргументы недели», в ноябре 2010 года из недр Минобрнауки «выплыл» документ, гласящий: **до 15 лет никакого предпрофессионального обучения.** Для российской хореографии это означало полную ликвидацию балета как вида искусства. Ни один педагог не возьмется обучать вращениям и прыжкам подростка. В открытом письме ведущих российских мастеров культуры президенту РФ Д. А. Медведеву, премьер-министру В. В. Путину, в Министерство культуры РФ, в Генеральную прокуратуру РФ, в Следственный комитет РФ, в Общественную палату РФ с горечью констатируется: «Учебные заведения творческой направленности на грани гибели. Причиной тому — вопиющая некомпетентность Министерства образования и науки РФ, которое предпринимает все, чтобы от лучшего в мире творческого образования ничего не осталось» [6].

В результате такой политики в России за последние два десятилетия исчезло более 40 000 драматических театров, хоровых и хореографических коллективов. Закрыты десятки тысяч муниципальных и заводских домов культуры,

исчезли дома пионеров. А ведь все эти организации выполняли важную социальную функцию: они приобщали к азам культуры, отваживали народ от водки, а подростков — от подворотни, воровской романтики и наркотиков.

В дальнейшем из недр ведомства А. Фурсенко вышел проект нового закона «Об образовании в РФ» — Федеральный государственный образовательный стандарт. Согласно этому проекту предложено сократить число предметов в старших классах с 16—21 до 9—10. Выделены три обязательных предмета «Россия в мире», ОБЖ и физкультура. По остальным (необязательным) предметам учащимся предлагается выбор, то есть математика, физика, химия, биология, русский язык и литература выпали из числа образовательных предметов. У каждого блока школьник вправе выбрать только два предмета, а остальные автоматически переходят в разряд дополнительных образовательных услуг, за которые учащийся должен платить. **Реформа ставит своей целью сэкономить на образовании.** ФГОС лишает российских детей возможности получить даже базовые знания о мире, запрещает преподавание детям полного курса наук, считающихся на протяжении последних 200 лет необходимыми для нормального существования в цивилизованном обществе.

Кроме того, предложенный проект ведет к уничтожению единого образовательного пространства в России. Согласно ему, обязательная часть программы, которая формируется на федеральном уровне, составляет 40 % учебного времени, а часть, которая формируется другими участниками образовательного процесса, — 60 %. По оценкам специалистов, для сохранения единства требуется, чтобы обязательная часть программы составляла не менее 70 %. От предлагаемой реформы невозможно будет укрыться даже в частных школах, поскольку требования федерального стандарта распространяются и на них. Единственная возможность получения качественного образования остается у тех, кто может отправить детей за границу.

В проекте закона заявлено, что новая образовательная программа нацелена на воспитание и развитие таких личностных качеств, которые будут отвечать требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения в России гражданского общества. В частности, провозглашается, что выпускник средней школы должен любить свой край и свою Родину, активно и заинтересованно познавать мир, осознавать ценность труда, науки и творчества. Но содержание образовательного стандарта находится в явном противоречии с провозглашенной стратегической задачей. Ведь для того чтобы система образования соответствовала этой задаче, она должна формировать человека глубоко и всесторонне образованного, владеющего навыками самостоятельного, а потому и творческого мышления. Именно на это и была ориентирована классическая система образования, которая была воссоздана в СССР. Многогранность школьного образования, его фундаментальность — главное условие развития творческого мышления, отказ от «ненужных» предметов нанесет большой вред его развитию. Да и кто будет разрабатывать «инновационную экономику», если система образования будет воспитывать только потребителей? Параллельно с реформой средней школы планируется резкое сокращение числа вузов. Количество студентов, бесплатно обучающихся в университетах, резко сокращается. Это одно из требований законопроекта «Об образовании в РФ». Таким образом, основная масса населения России лишается возможности продолжить учебу после окончания школы.

В 2012 году на смену А. А. Фурсенко пришел новый министр образования и науки Д. В. Ливанов, который, продолжая разгром вузовского образования, подверг «реформированию» Российскую академию наук. 1 июля 2013 года, за несколько дней до ухода Госдумы на каникулы, на ее рассмотрение был вынесен законопроект «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Этот законопроект был подготовлен без публичного обсуждения, но премьер РФ Д. Медведев объявил, что он его поддерживает, и 5 июля законопроект оказался принятым уже в двух чтениях. Все это вызвало крайне негативную реакцию в российском научном сообществе, но, несмотря на многочисленные протесты ученых 27 сентября 2013 года он был подписан президентом РФ В. В. Путиным и вступил в силу.

В законопроекте предлагалось отобрать у Российской академии наук все научные учреждения, т. е. фактически уничтожить ее. Отныне РАН должна обеспечивать только научно-методическое управление институтами, а созданное Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), распоряжаться всем остальным: имуществом и деньгами. Сейчас под Академией подразумевается лишь ее Президиум. То есть выделяются те деньги, которые идут на содержание аппарата, а институты уже не подведомственны РАН, что в зародыше уничтожает все академическое самоуправление. Ведь невозможно определять приоритеты развития, не распределяя ресурсы. Под давлением ученых президент объявил мораторий на имущественные изменения, но суть дела от этого не изменилась.

Подводя итоги трехлетнего реформирования РАН, ее Президент В. Е. Фортков констатирует, что после создания ФАНО академия утратила значительную часть своих полномочий. ФАНО без консультаций с РАН проводит ряд реформ отечественной науки, в том числе реструктуризацию институтов «путем силового слияния разнопрофильных учреждений», сокращает финансирование НИИ, разрабатывает приоритеты и программы фундаментальных и прикладных исследований.

Профсоюз АН провел опрос российских ученых по результатам трехлетних преобразований РАН. По мнению многих ученых, в целом реформа РАН ничего хорошего ученым так и не принесла. Наоборот — опрос выявил ряд проблем, основная — хроническое недофинансирование. Не хватает средств на приобретение нужных приборов и нового современного оборудования, резко упали возможности экспериментальных и экспедиционных работ, без которых невозможно получение новых данных. Экспедиции и научные командировки стали почти недоступной роскошью. Ученых изолировали от мировой научной мысли, они сетуют на то, что у них нет доступа к базам данных научной литературы. Ряд библиотек академических институтов не имеют возможности выписывать не только зарубежные, но и отечественные журналы. Это не позволяет своевременно знакомиться с достижениями мировой науки, ее новыми перспективными направлениями. Неприлично низкая зарплата ученого отталкивает молодежь¹.

¹ Продолжается «утечка мозгов». Научные работники, получившие образование в России, уезжают в США, Германию, Канаду, Финляндию и другие страны. Если после реформ 90-х годов «утечка» носила хронический характер, то в последнее время цифры становятся все более пугающими. В 2011 году страну покинули 36 000 человек.

По мнению лауреата Нобелевской премии Ж. Алферова, главной целью реформирования Российской академии наук была не забота об отечественной науке, а «рейдерский захват находящейся в оперативном управлении РАН федеральной собственности», которая составляет десятки триллионов рублей. В. Захаров, один из наиболее авторитетных академиков РАН, говорит: «...нигде, кроме России, нет правительства, столь откровенно пренебрегающего собственными национальными интересами и столь откровенно презиращего демократические нормы поведения» [7].

Нынешнее правительство РФ, возглавляемое Д. А. Медведевым, опустило самую образованную часть нашей страны «ниже плинтуса». Не будем говорить о США, где годовой доход профессора занимает второе место после юристов. Их заработная плата составляет 110—150 тыс. долл. в год, без грантов на исследование. А как дела обстоят в других странах? Газета «New York Times» провела сравнение заработной платы профессора в 28 странах. Оказалось, что Россия находится на последнем месте, ниже только Армения, а Эфиопия — выше!

Еще в мае 2012 года президент В. В. Путин подписал акт о поднятии заработных плат всем работникам бюджетной сферы, в том числе учителям и вузовским преподавателям. При этом именно система образования была в приоритете согласно данному указу. Но правительство Д. А. Медведева все эти годы игнорировало майские указы президента. 3 августа 2016 года на вопрос одного из участника форума «Территория смыслов» на Клязьме, почему учителя в России получают зарплату в 10—15 тыс. руб. в месяц, Медведев посоветовал учителям, которых не устраивает такая зарплата, уходить в бизнес.

На следующий день в утреннем эфире на радиостанции «Вести FM» выступил журналист В. Соловьев, его не случайно называют «рупором власти». В. Соловьев, который делает фильм о президенте страны и получает от него награды, оказался человеком принципиальным. Вопреки мнению В. В. Путина, который считает, что учителя и преподаватели вузов должны получать достойную зарплату, он на всю страну заявил: «С какой пьяной радости учитель должен получать не меньше моего». Защищая позицию Медведева, он унижил и оскорбил российских учителей, заявив, что «педагогические вузы набиты всяким сбродом», а потом этот «сброд» обучает наших детей. Наши дети дурно воспитаны, плохо образованы. В этом, по его мнению, виноваты учителя, поэтому они не заслуживают уважения и достойной зарплаты.

В. Соловьеву, видимо, действительно не повезло с учителями, иначе как объяснить его поведение. Ведь он на всю страну с хамским презрением говорит о людях, которые его обучали. Он не настолько глуп, чтобы не понять, почему профессия учителя в современной России не пользуется уважением. Нынешний учитель не потому плох, что «в педвузы идут отбросы», а потому, что лучшие, смотря на нищенскую подачку от государства, вынуждены отказываться от своего призвания и идти в другие сферы, где платят более достойную зарплату. И в царской России, и в СССР учитель никогда не был так унижен, как сегодня.

В 2012 — 122 571 человек, в 2013 — 186 382. С января по август 2014 года Россию покинули 203 659 человек. Уезжают те, кто хочет «капитализировать» свои мозги, а именно этому учит новая система образования. Разве это не преступление перед будущими поколениями россиян?

В школах Российской империи учителям не было необходимости «идти в бизнес» или совмещать несколько ставок. По данным счетной палаты, зарплата учителя в царской России была выше зарплаты чиновников. Например, учитель гимназии получал в 1913 году 85 рублей ежемесячно, что равноценно примерно 125 тысячам сегодняшних рублей, а чиновник среднего класса — 62 тысячи, что соответствует 93 364 современных рублей. В СССР зарплата учителя была достойной, она давала возможность сосредоточиться на образовании, а не на поиске дополнительного заработка.

В. В. Путин удивился, когда узнал зарплату лучшего учителя России, который, работая на полторы ставки, получает 26—28 тыс. руб. в месяц, хотя официально средний оклад учителя в 2015 году составлял 32,5 тыс. руб. Он поручил разработать прозрачную систему информирования учителей о начислении им заработной платы. Эта ситуация, на которую обратил внимание президент, касается не только учителей, но и преподавателей вузов. Доктор наук, профессор государственного университета, получая на руки 21 тыс. руб. в месяц, с удивлением узнает, что, согласно официальной статистике Росстата, средняя зарплата преподавателей российских вузов составляет 45 тыс. руб. Непонятно, для кого и для чего публикуются эти лукавые цифры.

Профессор — это элита высшего образования. В царской России профессора и приват-доценты были весьма почитаемыми и материально обеспеченными членами общества. Они могли жить в особняке и содержать прислугу. И в советские времена профессор относился к элите общества как по статусу, так и по оплате труда. Профессора и доценты обеспечивались квартирами с дополнительной площадью без вложения личных средств. Они каждые пять лет повышали квалификацию в ведущих вузах страны, сохраняя зарплату и получая дополнительные деньги. Не было проблем с командировками на конференции и научные стажировки. Публикации монографий и научных статей в журналах были бесплатными, а авторы публикаций в центральной печати получали немалые гонорары.

Д. Медведев в ответ на вопросы о низких зарплатах и пенсиях, обычно отвечает, что «денег нет». Но так ли это на самом деле? По данным журнала «Forbes», количество долларовых миллиардеров с 7 в 2002 году увеличилось до 111 в 2014. Наши олигархи занимают уже третье место в мире после США и Китая. Их совокупный доход в 2017 году составил 386 млрд долл., увеличившись по сравнению с прошлым годом на 100 млрд. По сведениям газеты «Московский комсомолец», за последние 14 лет наши олигархи вывезли из России более 500 млрд долларов. Огромные деньги уходят на подкуп чиновников. По уровню коррупции Россия в 2016 году занимала 136-е место (вместе с Нигерией) из 174.

Согласно еженедельнику «Аргументы недели» (2017, № 9) 10 членов правления «Роснефти» в 2016 году заработали 3, 696 млрд руб., из них 2 млрд составили премии. Вышло около 370 млн в год на человека, т. е. почти 31 млн руб. в месяц, или по миллиону в день. Не сильно отстает от нефтяников верхушка «Газпрома» и другие члены правительства. Например, министр сельского хозяйства А. Ткачев является крупнейшим землевладельцем не только Европы, но и США, поскольку там нет ни одного человека, который владел бы 200 тыся-

чами гектаров земли. Владения, которые приписывают его клану, тянут на 16,78 млрд руб. Газета «Совершенно секретно» (2011, № 1) подробно описывает, каким непосильным трудом было сколочено это состояние. На этом фоне заявление Д. Медведева, что денег в стране нет, выглядят весьма цинично. Деньги есть, но они распределяются чудовищно несправедливо².

2 марта 2017 года «Фонд борьбы с коррупцией» А. Навального показал в Интернете фильм-расследование «Он вам не Димон», посвященный объектам недвижимости Д. Медведева. В нем утверждалось, что премьер-министр РФ владеет элитной недвижимостью в различных частях света. Эта недвижимость принадлежит различным благотворительным фондам, которые обладают большим капиталом и управляются друзьями и родственниками Д. Медведева. Эти фонды, вопреки существующим правилам, не отчитываются о своей деятельности и о своих расходах в Минюсте. Поскольку опровержения о фактах коррупции со стороны Медведева не последовало, 26 марта во многих городах России прошли антикоррупционные выступления. В Москве на призыв бороться с коррупцией по разным оценкам вышли от 8 до 25 тысяч человек, среди которых было много молодежи. Более тысячи из них были задержаны полицией.

Расследования ФБК получили обсуждение в Госдуме. Лидер фракции «Справедливая Россия» С. Миронов раскритиковал Д. Медведева за молчание в ответ на обвинения в коррупции и призвал его ответить, но не перед А. Навальным, который инициировал расследования в политических целях, а перед гражданами России. Политик, заявил он, должен знать, что волнует людей, и почему на призыв одного человека откликнулись десятки тысяч в 24 городах. Депутат КПРФ В. Рашкин направил обращение в СК, ФСБ, МВД и Генпрокуратуру с просьбой проверить данные ФБК.

Можно по-разному относиться к личности А. Навального, однако факты, приведенные в его фильме, властью не были официально опровергнуты. По логике вещей Д. Медведев как честный человек должен подать в суд на Навального за клевету, если он коррупционером не является. А если Д. Медведев промолчит, значит, это правда. Через месяц после расследования А. Навального, которое увидели 20 млн чел., Д. Медведев назвал его фильм «компроматом» и «провокацией», сделанной для преследования «бесчестных» политических целей, но от расследования фактов отказался.

Спикер Совета Федерации В. Матвиенко на пленарном заседании напомнила депутатам, что основной причиной двух революций в России (Февральской

² Россия, имея самые большие в мире природные богатства, сегодня не в состоянии обеспечить большинству своих граждан достойного уровня жизни. По словам директора Всероссийского центра уровня жизни проф. В. Бобкова минимальный размер оплаты труда в России примерно в 10 раз ниже, чем в Европе. Половина населения в России — бедные и низкооплачиваемые люди, еще 30 % населения не дотягивают до так называемого среднего класса. Оставшиеся 20 % населения приходятся на средне- и высокообеспеченных людей. Причем последних 4—5 %, остальные 15 % — средний класс. Ситуацию с таким крайне несправедливым распределением доходов могла бы исправить не плоская, а прогрессивная шкала подоходного налога. Но как отмечает В. Бобков: «Правительственные чиновники работают только в интересах тех финансовых олигархических групп, которые и привели их к власти» (см.: Чуйков А. Пусть слабый проиграет // Аргументы недели. 2015. № 22).

и Октябрьской) было отсутствие диалога между властью и гражданским обществом. Наша власть, сказала она, перестала разговаривать с обществом, но мы не должны уподобляться федеральным каналам на ТВ, которые ни словом не обмолвились о событиях в стране, произошедших 26 марта.

Действительно, диалог власти с обществом крайне необходим. Ведь создается впечатление, что многие руководители страны страдают политическим дальтонизмом. Они действуют по принципу «после нас хоть потоп», и что будет в России через 50 лет, их совершенно не волнует. Реформа российского образования и науки, от которой во многом зависит будущее страны, происходит по инициативе «сверху», фактически без учета мнения российской общественности. Получается, что не чиновники находятся на службе общества, а общество на их службе. Может быть, настало время прекратить бездумные и бесконечные реформы в сфере образования и науки, которые ничего позитивного стране не дали, обеспечить учителей, преподавателей вузов и ученых достойной зарплатой, поднять престиж их профессий. Но это возможно только при условии уважительного отношения государства к его наиболее образованной части.

Библиографический список

1. Киященко Н. И. Есть ли у России будущее при нынешнем состоянии системы образования // *Философия и общество*. 2008. № 4. С. 58—70.
2. Комков С. Вот тебе, внучек, и ЕГЭ? // *Союзное вече*. 2008. № 38.
3. Панфилова Т. В. Какая образовательная стратегия нужна России? // *Философия и общество*. 2011. № 1. С. 5—16.
4. Пыхалов И. В. Образование в российской империи: факты и мифы // *Общество, среда, развитие*. 2011. № 2. С. 196—200.
5. Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
6. Театр абсурда имени Фурсенко (Минобрнауки губит российское творческое образование) // *Аргументы недели*. 2011. № 9.
7. Шаракианэ С. Покушение на убийство РАН // *Аргументы недели*. 2013. № 1.

References

- Kiyashchenko, N. I. (2008) Est' li u Rossii budushchee pri nyneshnem sostoyanii sistemy obrazovaniya [Does Russia have a future in the current state of the education system?], *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], no. 4, pp. 58—70.
- Komkov, S. (2008) Vot tebe, vnuchek, i EGE? [Here's to you, my grandson, and exam?], *Soyuznoe veche* [The Federal Assembly], no. 38.
- Panfilova, T. V. (2011) Kakaya obrazovatel'naya strategiya nuzhna Rossii? [What educational strategy does Russia need?], *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], no. 1, pp. 5—16.
- Pyhalov, I. V. (2011) Obrazovanie v rossijskoj imperii: fakty i mify [Education in the Russian Empire: facts and myths], *Obshchestvo, sreda, razvitie* [Society, environment, development], no. 2, pp. 196—200.
- Saprykin, D. L. (2009) *Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj imperii* [Educational potential of the Russian Empire], Moscow: Institut istorii yestestvoznaniya i tekhniki imeni S. I. Vavilova RAN.

Teatr absurda imeni Fursenko (2011) (Minobrnauki gubit rossijskoe tvorcheskoe obrazovanie) [Fursenko theater of the absurd (the Ministry of education and science is ruining Russian creative education)], *Argumenty nedeli* [Arguments of the week], no. 9.

Sharakshane, С. (2013) Pokushenie na ubijstvo RAN [Attempted murder of the Russian Academy of Sciences], *Argumenty nedeli* [Arguments of the week], no. 1.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Ерахтин Арнольд Валентинович — доктор философских наук, профессор, Ивановский государственный политехнический университет, г. Иваново, Россия, erakhtinav@mail.ru

Information about the author

Erakhtin Arnold Valentinovich — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russian Federation, erakhtinav@mail.ru

УДК 1:001
ББК 87.257.6

О. Б. Куликова

ФИЛОСОФИЯ И СУДЬБА УНИВЕРСИТЕТА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

В статье анализируются проекты, в которых была обоснована необходимость организации университета как научно-образовательного центра, генерирующего и транслирующего высшие духовные ценности общества. В центре внимания — роль университетской философии в обеспечении единства научной и образовательной деятельности. Подчеркивается, что фундаментальность университетского образования в целом обусловлена тем, насколько эффективно философия выполняет эту функцию.

Ключевые слова: философия, университет, единство науки и образования, философский факультет, фундаментальность образования, непрерывное самообразование.

О. В. Kulikova

PHILOSOPHY AND DESTINY OF UNIVERSITY AS AN EDUCATIONAL PROJECT AND SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

The article analyzes projects, in which it was substantiated necessity of organizing university as scientifically-educational center, generating and transmitting the highest intellectual values of society. The focus is on the role of university philosophy in ensuring unity of scientific and educational activities. It is emphasized that fundamental nature of university education as a whole is determined by how effectively philosophy fulfills this function.

Key words: philosophy, university, the unity science and formation, philosophical department, fundamentality of education, continuous self-education.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.32-40

Ссылка для цитирования: Куликова О. Б. Философия и судьба университета как образовательного проекта и социокультурного феномена // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 32—40.

Citation Link: Kulikova, O. B. (2020) *Filosofiya i sud'ba universiteta kak obrazovatel'nogo proekta i sociokul'turnogo fenomena* [Philosophy and fate of the University as an educational project and socio-cultural phenomenon], *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 32—40.

Современное общество предполагает наличие множества институций и структур, которые выражают его идентичность и обеспечивают возможность адекватно отвечать на различные вызовы времени. В их ряду особое место занимает университетское образование, являясь той средой, где непрерывно культивируются и транслируются в эстафете поколений важнейшие социокультурные

смыслы, где сосредоточен основной потенциал для прорыва в новое будущее. Осуществление данной миссии, обоснованной в соответствующих проектах конца XVIII — начала XIX века, было возложено на весь комплекс вузовских дисциплин. Для философии здесь изначально была определена специфическая, но крайне значимая роль, обусловленная многими культурно-историческими обстоятельствами.

Формирование идеи классического университета и его последующая институционализация находились в русле основных тенденций развития европейского общества конца XVIII — начала XIX века, оказавшегося перед лицом серьезных социально-политических вызовов. Последствия Великой французской революции и наполеоновские войны в первую очередь здесь имеются в виду. Надо отметить также, что идеология Просвещения к концу XVIII века постепенно утрачивала потенциал европейского духовного мейнстрима.

Среди интеллектуальных исканий Просвещения важное место занимал идеал универсальной философии, оптимистичной по общему настрою, предполагавший открытие истинного познавательного метода, с помощью которого будет побежден всякий скептицизм [3, с. 142—143]. Первоначальное воодушевление в связи с чрезвычайно завышенным (по справедливому мнению Гуссерля) идеалом универсальной философии обусловило «и страстный порыв к образованию, и энтузиазм в осуществлении философской реформы системы воспитания и всех социальных и политических форм существования человечества» [3, с. 140—141]. Как ни парадоксально, результатом всего этого стало отделение в XIX веке так называемой позитивной науки от философии («устаревшей» метафизики), что существенно сказалось на судьбе обеих духовных систем.

Членов первых профессиональных научных сообществ (научных академий) объединило стремление к единой — фундаментальной — истине. Конкуренция науки с философией (как, впрочем, и с религией) по большей части проходила по линии отстаивания своих преимуществ именно как фундаментального познания. Наука в данном отношении сумела существенно укрепить свои позиции, чему в целом и способствовала вся атмосфера Просвещения. Преимуществом же философии было то, что она изначально была необходимым элементом университетского образования, пусть и не вполне самостоятельным, а наука все еще находилась на периферии образовательной сферы.

Идеология Просвещения приобрела особый радикализм как раз в обосновании необходимости расширения полномочий науки и включения ее в образовательную деятельность. Все это стало истоком будущего позитивизма, а одновременно привело к исчерпанию идейного потенциала самого Просвещения. Не случайно уже в начале XIX века Ф. В. Й. Шеллинг отмечал, что «...идейной пустоте, которая скрывается под именем Просвещения, философия противоположна более всего» [17, с. 46].

В этот исторический момент философская мысль все более стала фокусироваться на проблеме построения оптимальной модели общественного прогресса, на поиске путей развития национального самосознания в соответствии с такой моделью. В большей степени надежды связывались с обновлением системы образования и именно университетского (высшего). Пример подала революционная и послереволюционная Франция, где начала реализовываться модель практически — инженерно-технически — ориентированного образования (см.: [1, с. 283—284]). Наиболее ярким выражением этого стало создание проек-

та и учреждение в 1794 году Парижской политехнической школы. В Германии же основные усилия были направлены на разработку и реализацию модели научно-образовательного учреждения — *классического университета*.

Ключевое место среди разработок такого рода, конечно же, занимает университетский проект В. фон Гумбольдта, представленный в меморандуме 1810 года «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине». По замыслу автора новый (отличающийся от средневековых аналогов) университет должен был базироваться на принципах единства науки и образования, а также академической свободы. Следует отметить, что европейское университетское образование в XVII—XVIII веках переживало серьезный кризис. Престиж его неуклонно падал, а открытая критика схоластически-догматического формата университетской деятельности со стороны общественного мнения нарастала вплоть до предложений полного отказа от нее. Престиж университета падал, и «актуальные научные силы начиная с XVII в. преимущественно находились вне университетских стен» (см.: [1, с. 282]). Исследователи подчеркивают, что «в 1700-х гг. университет <как институт в целом> был близок к упразднению» [7, с. 830].

Гумбольдтовский проект, как известно, предполагал единение в университетской деятельности научно-образовательных и культурно-просветительских функций. Проект стал своеобразной кульминацией разработок, к которым были причастны выдающиеся представители немецкой классической философии: И. Кант, Ф. В. Й. Шеллинг, И. Г. Фихте. Модель классического университета, как верно отмечено, выросла из специфики немецкого идеализма, где вызрела идея этой институции, «в которой настоящее могло бы сплавить традицию прошлого с честолюбивой устремленностью в будущее, поместив их в единое поле культуры» [13, с. 112]. Кроме того, как справедливо подчеркнул Р. Коллинз, «идеализм стал боевой доктриной первых поколений борцов за секуляризацию, промежуточной стадией при преобразовании теологии и передаче философии в светские руки» [7, с. 802].

Одним из необходимых условий в деятельности нового университета признавалось дистанцирование от религиозных разногласий, существенно осложнявших процесс объединения германской нации. Внимание на науку было обращено именно потому, что она уже вполне зарекомендовала себя позитивно в социокультурном пространстве Европы и стала рассматриваться платформой для духовной консолидации и обновления общества. На науку делали ставку практически все, кто принадлежал к прогрессистски и патриотически настроенным общественным кругам. Надо отметить, и сама наука в тот исторический момент нуждалась в специальной поддержке, точнее, в защите от претензий богословия на владение единственной истиной (в университетской сфере — от монополизма богословского факультета). Потому на философию была возложена основная функция по поддержке науки, по укреплению ее позиций в университетском образовании.

Если в понимании того, что университет должен стать центром *научно-образовательной* деятельности в целом все создатели проектов были солидарны, то в понимании роли философии по отношению к науке не было полного единодушия. Статус философии в целом предполагалось повысить, освободив философский факультет от давления тех университетских подразделений, которые имели статус высших. Как подчеркивают исследователи, немецкая университетская

революция конца XVIII — начала XIX века довела до логического конца мятеж философии против теологии, который разгорался в средневековых университетах и был ранее проигран философией (см.: [7, с. 835]). В начале XIX века для самой философии стало возможным занять достойное место в качестве базовой университетской дисциплины.

В структуре средневекового университета философия, как известно, выступала в качестве пропедевтического курса, в рамках которого осваивались так называемые семь свободных искусств. Вслед за этим становилось возможным перейти к обучению на трех высших факультетах: богословском, медицинском или юридическом. Такая система долгое время казалась незыблемой. В конце XVIII века быстрыми темпами происходил процесс дифференциации и профессионализации научного познания. И этот непрерывно разрастающийся массив знания стал преимущественно «достоянием философского факультета, тогда как старшие факультеты, по существу, не менялись» [5, с. 6].

Даже в предложенном И. Кантом в 1798 году проекте реформирования университета («Спор факультетов») прежнюю систему еще не предлагается сломать полностью, хотя некоторые авторы именно Канта видят создателем модели нового университета [13, с. 90]. Он действительно «первым осознал методологическую роль философии в отношении научного знания, его теоретического характера и практического применения» [5, с. 7]. По мысли выдающегося немецкого мыслителя, роль философии состояла в предварительной обработке сознания для последующего усвоения знаний специального характера на других факультетах. Однако Кант все-таки наметил стратегию постепенного усиления значения философии в университете в противостоянии обскурантизму, обусловленному верховенством богословского факультета [6, с. 38—39]. Он был совершенно уверен в обязательности философского факультета [6, с. 70], который «служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего *истина* (существенное и первое условие учености вообще); *полезность* же, которую обещают правительству высшие факультеты, есть лишь второстепенный момент» [6, с. 70].

И. Г. Фихте также разрабатывал программу обновления университетского образования, с которым он напрямую связывал возрождение немецкой нации. Его модель наукоучения предстала в первую очередь и именно как «образовательная программа развития общества» [2, с. 120]. По мысли Фихте, новое образование «есть образование способности познания воспитанника» о существующем порядке вещей, познание высокого философского уровня «о законах, в соответствии с которым необходим данный порядок вещей» [15, с. 76]. Для философии Фихте определил особую функцию — формирование у молодого поколения установок на непрерывное познание мира и, значит, на саморазвитие [15, с. 231—232]. Его обращение к нации имело серьезный общественный резонанс. Р. Коллинз со всей определенностью подчеркнул, что «именно программу Фихте, очищенную от политической утопии, стал осуществлять Вильгельм фон Гумбольдт, один из слушателей лекции Фихте в 1808 г.» [7, с. 840]. Фихте, как известно, по рекомендации Гумбольдта и стал первым ректором Берлинского (нового) университета.

Одним из «самых значительных первопроходцев, развернувших знамя нового университета», стал также и Ф. В. Й. Шеллинг [16, с. VII], проект которого в определенной степени созвучен кантовскому. Шеллинг с сожалением конста-

тировал, что университеты еще не являются «всеобщими образовательными учреждениями» [17, с. 25], но должны стать базой для реализации модели *научного образования*. Миссия университета, утверждал немецкий философ, состоит в том, чтобы передать (преподать) не готовые знания, а способ их достижения, приобщить студента к *научному Целому* (см.: [17, с. 24]).

Шеллинг особо остановился и на роли философии, которая, по его мнению, «есть *наука об идеях*, или вечных прообразах вещей» [17, с. 44]. Без нее, утверждал философ, наука невозможна, и «нет такой науки, которая представляла бы в самой себе противоположность философии — скорее, все науки едины именно благодаря философии и в философии» [17, с. 49]. Он считал, что от философии нельзя ожидать непосредственную пользу, это унизило бы «достоинство данной науки», которая «сама признала себя свободной от отношения полезности», она существует ради себя самой, ибо «быть ради чего-то другого означало бы непосредственное упразднение ее сущности» [17, с. 44].

Усилиями классиков немецкой философии, таким образом, была проведена огромная работа по формированию позитивного общественного мнения в отношении университетов. Каждый из них при этом внес свой вклад в обоснование взаимосвязи научной и образовательной деятельности в университете, а главное, значимости философии для такого единения. И если «Канта интересовал вопрос о порядке наук в университете, а Фихте — вопрос о направлении и методах университетской Науки, Шеллинг пытается объединить эти вопросы университетских наук и образования под единым руководством философского знания» [16, с. LV].

Университетская философия обеспечивала определенный «уровень абстракции и рефлексии», что создает и сохраняет естественную интеллектуальную среду для научно-исследовательской деятельности. Иначе, как отмечал Коллинз, место философов — «интеллектуала общего назначения» — заняли бы «литературные или политические интеллектуалы», что означало бы низведение культуры до уровня мирской аудитории [7, с. 834]. Мирские интеллектуалы с сырой неразработанной аргументацией, как справедливо указывал он, — это непрофессионально ориентированные интеллектуалы (см.: [7, с. 836]).

Развитие самой философии в целом «зависело от выживания университета» [7, с. 834]. С другой стороны, судьба нового — научно ориентированного — университета во многом определялась развитием философии. Не случайно «основная битва, которая шла в Германии с 1780-х до начала 1800-х гг., велась за реформирование положения философского факультета в университете» [7, с. 835].

В создании проекта классического университета заметное и весьма неординарное место принадлежит М. В. Ломоносову. Свой замысел, как известно, он осуществил значительно раньше немецких аналогов — еще в середине XVIII века. Русский ученый, безусловно, связывал с деятельностью университета решение в России ключевых социокультурных и политических задач. Задумывался он также и о роли философии в университете, признавая необходимость ее как особой образовательной дисциплины. Для него философия являлась системой знаний о природе высокого теоретического уровня. По сути, теоретическую физику он и считал *натуральной философией*, отведя ей ключевое место в университетском образовании [10, с. 534—535]. То есть он мыслил еще вполне по-ньютоновски, в духе «Математических начал натуральной философии».

Потому атомизм Ломоносов называл *методом философствования*, который, как никакой другой, по его словам, может «яснее и полнее объяснить сущность материи и всеобщего движения» [8, с. 119].

Знаменательным здесь является то, что в проекте М. В. Ломоносова о теологическом факультете речи вообще не шло. Такое «умолчание» можно объяснить тем, что русский ученый был хорошо знаком со всеми издержками европейского университетского образования и стремился избежать этого на российской почве. Еще в 1748 году (он уже тогда вынашивал соответствующий замысел) в одном из писем великий русский ученый заявлял: «В университете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам)» [9, с. 460]. В официально принятом проекте университета прямо указывалось: «Хотя во всяком Университете кроме философских наук и юриспруденции должно также предлагаться быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется святейшему Синоду» [11, с. 289].

Отсутствие богословского факультета в университетах России обусловлено было также тем, что большинство первых профессоров составляли иностранцы, а еще точнее — иноверцы. Потому «Российское правительство, понимая необходимость такой зависимости на начальном этапе, хотело оградить православное богословское образование от инославных влияний и предпочло стимулировать его самостоятельное развитие под попечением Русской православной церкви» [14, с. 273].

История российских университетов была тесным образом связана со всеми коренными поворотами российской жизни. Статус университетской философии при этом был в особой и весьма тесной зависимости от идеологических факторов. Философии, по сути, государством напрямую предписывалась идеологическая функция. При этом, однако, именно она чаще всего назначалась ответственной за рост нежелательных общественных настроений (например, в середине XIX века), и потому налагался запрет на преподавание философии в университетах. Или же, напротив, она подвергалась резкой критике за служение неким отжившим идеалам, как стало считаться в послеоктябрьский период XX века.

Справедливо отмечено, что в многотрудной истории отечественной культуры примечательна именно судьба философии, которая «то изгонялась из вузов, когда власть в ней узревала источник опасности для себя, то принудительно насаждалась, когда опять же власть видела в ней инструмент для изготовления пригодной для своего существования культурно-социальной среды» [12, с. 141].

Вузовская реформа в современной России остро ставит проблему обеспечения должного интеллектуального развития общества, культурной идентичности, технологической, экономической независимости. Странно, что в связи с этим в определенной мере ставится под сомнение необходимость университетской (вузовской) философии. Это находится в противоречии с самой идеей формирования интеллектуала, ориентированного на непрерывное самообразование.

Наиболее уязвимым в этой связи может оказаться будущее науки. Университетская наука является своеобразным драйвером научного познания в целом. Именно в вузовской среде концентрируются активные интеллектуальные ресурсы общества, а значит, здесь всегда присутствует дух свободного научного поиска. Вузовская и академическая формы развития научной деятельности находятся в неразрывной связи. Академическая наука выступает в определенной

мере основанием вузовской, благодаря чему в систему университетских исследований прививаются научные традиции. В вузовской же научно-исследовательской деятельности заключен потенциал обновления — своеобразная прививка против неизбежно возникающих в академической среде элементов догматизма.

Философия не может здесь утратить своих значимых функций. Нельзя в угоду «новым тенденциям» отказаться от того, что составляет ее сущность — возможность выходить на уровень всеобщего в отношениях с миром и открывать новые горизонты в освоении мира. Философ, по словам Д. И. Дубровского, осознает то, что «всегда стоит на краю бездны незнания», а также и то, что «чем шире и глубже становятся знания, тем больше возникает проблем» [4, с. 148]. В этом состоит преимущество философского мировидения с его неизменно критической и одновременно конструктивной установками.

Фундаментальность университетского образования не может не быть обусловлена ролью философии, которая сделала возможным единение обучающего и научно-исследовательского компонентов в подготовке профессионалов высокого уровня. Занятия философией способствуют приобретению особого опыта — опыта построения интегральных смыслов человеческого бытия. В условиях, когда многие выпускники вузов трудоустраиваются в сферах, не связанных напрямую с полученной специальностью, это становится крайне необходимым. Философское основание обеспечивает системность и в равной мере многоплановость творчества, способствуя мотивации будущего специалиста к непрерывному самообразованию и эффективной самоорганизации, открывая тем самым и новые перспективы для развития общества. В этом и состоит главная миссия университета, о которой вели речь в своих проектах великие мыслители и ради которой он учреждался.

Библиографический список

1. *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. *Громыко Н. В.* Немецкая система университетского образования: вклад И. Г. Фихте // Высшее образование в России. 2009. № 2. С. 120—126.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136—176.
4. *Дубровский Д. И.* «Самодельные» философы наступают! // Вестник РФО. 2008. № 3. С. 145—150.
5. *Калинников Л. А.* О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско-мировоззренческом, валеолого-диететическом // Кант И. Спор факультетов: пер. с нем. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 3—24.
6. *Кант И.* Спор факультетов: пер. с нем. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.
7. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
8. *Ломоносов М. В.* [276 заметок по физике и корпускулярной философии; темы будущих работ] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950—1983. Т. 1: Труды по физике и химии, 1738—1746. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 103—167.
9. *Ломоносов М. В.* Письмо В. К. Тредиаковскому // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734—1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 460.

10. Ломоносов М. В. Программа // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1: Труды по физике и химии. 1738—1746 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 534—535.
11. Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением Высочайше утвержденного прозкта по сему предмету // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XIV. № 10346. СПб., 1830. С. 284—287, 289—294.
12. Порус В. Н. Странная солдатская песня — соло в пустоту // Вестник РФО. 2008. № 3. С. 133—141.
13. Ридингс Б. Университет в руинах: пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
14. Сухова Н. Ю. Государственная политика России в сфере высшего духовного образования (XVIII — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/4 (64/4). С. 235—242.
15. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации: пер. с нем. СПб.: Наука, 2009. 350 с.
16. Фокин И. Л. Университетская реформация Шеллинга // Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования: пер. с нем. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. 352 с.
17. Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования / пер. с нем. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. 352 с.

References

- Andreev, A. U. (2009) *Rossijskie universitety XVIII — pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities of the XVIII — first half of the XIX century in the context of European University history], Moscow: Znak.
- Gromyko, N. V. (2009) Nemeckaya sistema universitetskogo obrazovaniya: vklad I. G. Fihte [The German system of University education: the contribution of Fichte], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], no. 2, pp. 120—126.
- Husserl, E. (1992) *Krizis evropejskih nauk i transcendent'naya fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu (glavy iz knigi)* [The crisis of European Sciences and transcendental phenomenology. Introduction to phenomenological philosophy (chapters from the book)], *Voprosy filosofii* [Question of philosophy], no. 7, pp. 136—176.
- Dubrovskij, D. I. (2008) «Samodel'nye» filosofy nastupayut! [«Self-made» philosophers are coming], *Vestnik RFO* [Bulletin of the Russian philosophical society], no. 3, pp. 145—150.
- Kalinnikov, L. A. (2002) О «Spore fakul'tetov» kak itoge: professorsko-pedagogicheskom, filosofsko-mirovozzrencheskom, valeologo-dieteticheskom [About the «dispute of faculties» as a result: professorial-pedagogical, philosophical-ideological, valeological-dietetic], in Kant, I. *Spor fakul'tetov* [The dispute of the faculties], Kaliningrad: Izd-vo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 3—24.
- Kant, I. (2002) *Spor fakul'tetov* [The dispute of the faculties], Kaliningrad: Izd-vo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kollinz, R. (2002) *Sociologiya filosofij. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of philosophies. Global theory of intellectual change], Novosibirsk: Sibirskij hronograf.
- Lomonosov, M. V. (1950) 276 zametok po fizike i korpuskulyarnoj filosofii; temy budushchih rabot [276 notes on physics and corpuscular philosophy; topics for future work], in Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 1: Trudy po fizike i himii. 1738—1746 [Works in physics and chemistry. 1738—1746], pp. 103—167.
- Lomonosov, M. V. (1957) Pismo V. K. Trediakovskomu [Letter To V. K. Trediakovsky], in Lomonosov, M. V. *Polnoye sobraniye sochinenij* [Complete works]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, vol. 10: Sluzhebnye dokumenty. Pis'ma. 1734—1765 [Complete works in 10 volumes, vol. 10: Official documents. Letters. 1734—1765], p. 460.

Lomonosov, M. V. (1950) Programma [Program], in Lomonosov, M. V. Poln. sobr. soch.: v 10 t. [Lomonosov M. V. complete works in 10 volumes.], Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, vol. 1: Trudy po fizike i himii. 1738—1746 g [Vol. 10: Official documents. Letters. 1734—1765], pp. 534—535.

Ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dvuh gimnazij. S prilozheniem Vysochajshe utverzhdennogo proekta po semu predmetu (1830) [About the establishment of the Moscow University and two gymnasiums. With the application of a Highly approved project on this subject (1830)], in Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire], St. Petersburg, collection 1vol. XIV, N 10346, pp. 284—287, 289—294.

Porus, V. N. (2008) Strannaya soldatskaya pesnya — solo v pustotu [Strange soldier's song — solo into the void], *Vestnik RFO* [Bulletin of the Russian philosophical society], no. 3, pp. 133—141.

Ridings, B. (2010) *Universitet v ruinah* [The University in ruins], per. s angl. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshej shkoly ekonomiki.

Suhova, N. U. (2009) Gosudarstvennaya politika Rossii v sfere vysshego duhovnogo obrazovaniya (XVIII — nachalo XX vv.) [State policy of Russia in the sphere of higher spiritual education (XVIII — early XX centuries)], *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai state University], no 4/4 (64/4), pp. 235—242.

Fihte, I. G. (2009) *Rechi k nemeckoj nacii* [Speeches to the German nation], St. Petersburg: Nauka.

Fokin, I. L. (2009) Universitetskaya reformaciya SHellinga [Schelling's University reformation], in Schelling, F. Lekcii o metode universitetskogo obrazovaniya [Lectures on the method of University education], St. Petersburg: Izdatel'skij dom «Mip».

Schelling, F. (2009) Lekcii o metode universitetskogo obrazovaniya [Lectures on the method of University education], St. Petersburg: Izdatel'skij dom «Mip».

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Куликова Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, kulickovaolg@yandex.ru

Information about the author

Kulikova Olga Borisovna — Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, kulickovaolg@yandex.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

УДК 37.013
ББК 74.00

Т. А. Воронова, Г. А. Засобина

ПЯТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

В контексте идей гуманитаристики рассмотрены вопросы взаимосвязи общества и образования, раскрыты основные черты естественнонаучной и гуманитарной парадигм в рамках научно-педагогических исследований, определены роль и значение субъектного подхода в образовании, показаны возможности влияния гуманитарного подхода на изменения в педагогической практике.

Ключевые слова: общество и образование, естественнонаучная и гуманитарная парадигма, субъектный подход, гуманитарный подход, педагогическая практика.

Т. А. Voronova, G. A. Zasobina

FIVE PEDAGOGICAL NOTES IN THE SPACE OF MODERN HUMANITIES

In the context of the ideas of the Humanities is considered the interrelationship between society and education, describes the main features of natural-science and humanitarian paradigms in the framework of scientific and educational research, identified the role and importance of the subjective approach in education, shows the influence the humanitarian approach to changes in teaching practice.

Ключевые слова: society and education, natural science and humanitarian paradigm, subject approach, humanitarian approach, pedagogical practice.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.41-48

Ссылка для цитирования: Воронова Т. А., Засобина Г. А. Пять педагогических заметок в пространстве современной гуманитаристики // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 41—48.

Citation Link: Voronova, T. A., Zasobina, G. A. (2020) Pyat' pedagogicheskikh zametok v prostranstve sovremennoj gumanitaristiki [Five pedagogical notes in the space of modern Humanities], *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 41—48.

1. Об идее названия статьи и актуальности темы

Название статьи связано с ассоциациями, которые возникли после изучения работы В. Кравцова «5 тезисов о гуманитаристике будущего» [6]. Автор отмечает, что «дебаты о гуманитаристике — это дебаты о будущей социальности»,

© Воронова Т. А., Засобина Г. А., 2020

Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 41—48 •

то есть о будущем человека в обществе и будущем всего человечества. Сам термин «гуманитаристика» фиксирует в русском языке различное содержание, которое ученые «вкладывают» в это понятие [2]. Из всего разнообразия определений этого феномена в контексте наших заметок можно выделить две ключевые идеи: роль и значение гуманитарного знания в развитии личности человека на современном этапе общественного бытия, а также особый, гуманитарный подход в исследовательской и педагогической практике, связанный с такими категориями, как гуманитарные измерения, гуманитарные ценности, субъектность, личностное развитие и т. д.

Проблемы образования уже во второй половине XX века перестают быть только проблемами педагогическими. Разнообразные общественные институты, национальные или международные академии образования, группы исследователей разного уровня и ранга выражают обеспокоенность вопросами формирования человека, обладающего планетарным мышлением, осознающего себя и индивидуальностью, и членом общества, и представителем человечества, понимающего взаимосвязь между природой, человеком и обществом, осознающего свою ответственность перед миром, людьми и собой. Человеческий мир «содержит в себе мир природы, мир искусства, мир вещей, действий с ними, мир деятельностей, мир (миры) других людей, мир образов, сознания, аффектов, нравственности, морали, совести, мир общения, человеческих отношений и взаимодействий» [5, с. 3]. Мир образования предназначен для образования человека.

Продолжая разговор о ценностях и целях образования, В. П. Зинченко обращает внимание на то, что система образования, сталкиваясь с неисчерпаемостью мира ценностей, мира идеалов, сама вынуждена доопределять общечеловеческие ценности, ставить цели и искать средства образовательной деятельности. Он подчеркивает, что «главным в перспективе развития образования должно стать живое знание... оно отличается от мертвого или ставшего знания тем, что оно не может быть усвоено, оно должно быть построено. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение...» [5, с. 12]. А это значит, что цели образования доопределяются, достраиваются в самом процессе образования, в том числе и теми, кто сознательно и направленно образовывает самого себя. Особый интерес представляет обсуждение вопроса, способно ли образование изменить общество?

2. О взаимосвязи общества и образования как феноменов гуманитаристики

Можно выделить, по крайней мере, три основных позиции, высказываемых по этому вопросу. 1) Образование само по себе не может рассматриваться как преобразующая сила общества, поскольку служит отражением самого этого общества и выполняет его главную функцию — обеспечивать передачу новым поколениям сложившегося социального опыта, воспроизводить соответствующие существующему обществу системы социальных отношений. 2) Многие авторы единодушно сходятся в том, что образование не только может стать, но и бесспорно является одним из важнейших факторов преобразования общества. Основой для этой точки зрения послужила популярная в 60-е годы XX века теория человеческого капитала. Суть ее можно сформулировать так: вложения в образование — ключ к экономическому, а значит, социальному прогрессу.

В соответствии с этой концепцией в ряде стран серьезные образовательные реформы получили не только идеологическое обоснование, но и экономическую и законодательную поддержку. 3) Третья точка зрения рассматривает развитие общества и образования в их диалектическом единстве и взаимосвязи при опережающей роли образования.

Обратим внимание на то, что речь идет об обществе, а не о государстве. Как подчеркивает Б. С. Гершунский, государство и общество — понятия не идентичные, а взаимоотношения между ними могут быть весьма непростыми. Те, кто от имени государства управляет образованием страны, «в персональном плане временщики. Они приходят и уходят... Образование же вечно. Оно обладает непреходящей ценностью и по самой сути своей работает на будущее... Зрелость общества... определяется тем, насколько ему удастся лоббировать образовательные приоритеты в государственных инстанциях» [4, с. 41].

Анализируя проблемы взаимосвязи общества и образования в современной России, можно отметить, что у российского образования есть два пути поиска своего места в общественной жизни. Первый: следовать сложившейся в обществе норме и объявлять себя транслятором этой нормы. Второй путь: задавать норму общественного сознания. Образование может полагать себя как возможность общественного будущего, а не только прошлого или настоящего. «Школа в широком смысле слова и есть гражданское общество, во всяком случае, его ядерная часть, которой больше, чем любым другим частям общества, свойственны широта культурного кругозора, влечение к таким “бесполезным” ценностям, как свобода, добро, знание, понимание, искусство, человеческая мысль... Образование России, культура России — это ее достояние и неотъемлемая часть. Пока они живы, будет жива и Россия» [5, с. 12].

Таким образом, связь между обществом и образованием может служить характеристикой как общества, так и образования: взаимодействуя, воздействуя и сопротивляясь, они имеют общую цель: принимая в свой мир человека, дать ему возможность стать живой, органической частью этого мира, помочь ему в присвоении человеческой культуры, выращивании собственной богатой индивидуальности, способствовать тому, чтобы прирожденные стремления человека, вступившего в мир культуры, в мир образования, позволили ему внести и свой вклад в культуру человечества. Если этот вывод справедлив, то справедливо ли вести разговор об обществе, культуре, образовании, не поставив в центр внимания человека? Почему наличие человека как бы подразумевается, он «мыслится», но все-таки остается как бы на периферии сознания?

3. О гуманитарной и естественнонаучной парадигмах в рамках научно-педагогических исследований

Современные научно-педагогические исследования строятся на двух парадигмах: естественнонаучной и гуманитарной. Эти подходы отражают два основных направления развития в методологии научного поиска.

В естественнонаучной парадигме организация научного исследования, обработка и интерпретация результатов эмпирических исследований должны соответствовать критериям проверяемости, достоверности, воспроизводимости; присутствуют контрольные и экспериментальные группы, проводится статистическая обработка полученных данных, приветствуется большой статистический

материал и т. д. Гуманитарная парадигма имеет свои особенности: она ориентирована на изучение образовательного процесса, самих субъектов этого процесса с позиций «человеческого измерения». В. П. Зинченко очень образно отмечает эти особенности, говоря о том, что гуманитарное познание человека принципиально не может быть «окончательным, оно всегда неполно, не определено, всегда «вчерашнее», постоянно в движении, самоизменении. Это процесс понимания, переосмысления. Оно то имеет главенствующее значение, то вообще «теряет смысл». Оно пристрастно и заинтересованно. Оно — живое, в процессе познания оно вживается в изучаемую реальность, устанавливает живые связи. Оно включает в себя не только собственно знание в его обычном понимании, но и еще соучастие, сопереживание, сочувствие, оно пристрастно, а потому необъективно, с точки зрения рационального мышления, соответствующего естественнонаучной парадигме. Гуманитарное знание «живет» в культуре, принадлежит ей [5].

Гуманитарная парадигма по-новому раскрывает позиции педагога относительно ребенка. Понимание, познание, принятие ребенка (обучающегося) таким, каков он есть — основная идея гуманитарной парадигмы, именно в этой части происходит соединение с понятием гуманизации. В основе педагогических убеждений — глубокая вера возможности и потенциал человека. Ш. А. Амонашвили писал: «Природа закладывает в ребенка не пассивные возможности и способности, которые так и могли бы лежать в нем без движения и ждать, когда какую-нибудь из них зацепит Среда и выведет наружу, а такие, которые снабжены собственным же импульсом к движению. Эти импульсы, эти унаследованные от Природы двигатели с энергетической базой составляют смысл того, что я назвал стремлением от рождения стать человеком, познавать мир» [1, с. 81].

Личностно-ориентированное образование и обучение основывается на идеях гуманитарной парадигмы, то есть современная педагогика ориентируется на растущего и развивающегося человека как на главную ценность. Поэтому при планировании и организации научно-педагогического исследования ученые должны решать вопрос о выборе методологических основ научного поиска. В контексте гуманитаристики все большее значение приобретают исследования, направленные на выявление эффективных условий развития личности каждого ребенка (обучающегося) в зависимости от своеобразия его социально личностных качеств и особенностей, поиск инструментов помощи и психолого-педагогической поддержки детей, которые испытывают трудности в обучении и социализации. Монографические наблюдения, лонгитюдные методы исследования становятся значимыми в современных условиях. Обоснование нововведений в образовательной практике с точки зрения их пользы для всех субъектов образовательного процесса — непереносимое условие взаимодействия науки и практики.

4. О роли и значении субъектного подхода в образовании

Целевые установки современного образовательного процесса ориентируются на способность личности к свободному и ответственному самоопределению в стремительно меняющемся мире, что означает формирование субъектной позиции человека в отношении к миру, людям, себе и своей деятельности. Субъектная позиция рассматривается при этом как условие, обеспечивающее устойчивость личности, ее способность к отказу от соблазна принятия сомнительных

решений и готовность применять аппарат базовых компетенций для решения множества повседневных задач, не имеющих однозначных решений в рыночно свободном информационном пространстве.

Проблемы, которые встают сегодня перед всем человечеством, заставляют каждого человека ощущать себя не только активно действующим самостоятельным субъектом, ответственным за принятие собственных решений и их последствия, но они еще требуют и объединенных усилий для их решения. Возникает принципиально новое общественное явление, связанное с тем, что принятие наиболее значимых решений происходит через интегрирование индивидуальных и групповых потребностей действующих субъектов, поэтому общество становится все более полисубъектным. Готовность каждого слышать другого, умение выстраивать полифонический диалог, переходить от конфронтации к соглашениям, от способности убедительно отстаивать свою позицию и принимать ответственность за решение и т. д. — от этого зависит судьба и жизнь каждого человека и жизнь человечества. В этих условиях острое проблемы направлено, как справедливо считает Б. М. Бим-Бад, в сторону воспитания и образования, педагогов и педагогики. «Опасность человечеству исходит прежде всего от неправильного воспитания, укореняющего самодовольное и не подозревающее о себе скудоумие, жадность, безответственную недалекость. Обществу приходится опасаться нового деспотизма. Ибо оно столкнулось с ростом невежества, научившегося добиваться власти, — властвующего невежества серых, поверхностно образованных людей» [3, с. 8].

Рассмотрение феномена деятельности и ее субъекта — характерная черта современного деятельностного подхода в образовании. Ракурс понимания ребенка как субъекта учебной деятельности означает, что он осознанно, активно осуществляет эту деятельность, изменяя ее и изменяясь сам. Понимание этого тезиса педагогами дает им в руки обоснование тех педагогических инструментов, которые необходимо использовать для формирования учащегося как субъекта учения, создает условия для личностно-ориентированного обучения.

5. О влиянии гуманитарного подхода на изменение педагогической практики

С точки зрения гуманистики, по выражению В. П. Зинченко, мир образования предназначен для образования человека, человеческого и человеческого [5]. Цель образования — воспитание человека культуры, имеющего взаимосвязанные природную, социальную и культурную сущности. Чтобы реализовать эту цель, надо представить ее как цель-задание, как направление, по которому должен идти учитель, сопровождая ребенка, реализуя весь спектр задач, через решение которых цель может быть осуществлена. Важно только подчеркнуть, что педагогический процесс опирается не на внешние ориентиры, не на начальствующие указания «сверху», а на растущие внутренние стремления самого ребенка на его пути к взрослости. Среди наиболее важных задач назовем следующие: развитие природных сил и способностей, индивидуальных особенностей, проявляющихся во всех сферах жизни и деятельности ребенка, раскрытие творческого потенциала личности, возможность выстраивать свой образовательный маршрут, обучение способам самосовершенствования, самообразования, помощь в овладении рефлексивными практиками и т. д.

Каждая из этих задач должна быть не только поставлена, но и понята, принята и конкретизирована взрослым. Эти же задачи должны быть приняты и ребенком как свои собственные, не навязанные сверху взрослыми. Ведь выбор целей и ценностей — это прерогатива ребенка, растущего человека. Кроме того, ценности не столько выбираются человеком, сколько формируются, даже можно образно сказать «выращиваются» им самим.

Решение поставленных выше задач на каждом уровне образования имеет свою специфику. Так, на уровне общего образования, имея в виду школьное образование, педагоги реализуют личностно-деятельностный подход при проектировании и организации урочной и внеурочной деятельности учащихся. Включение всех субъектов образовательного процесса в рефлексивную деятельность по анализу и оценке образовательной ситуации, среды — важнейшие направления в современной школе.

На уровне высшего образования, как показывают наши исследования, важнейшим ресурсом, обеспечивающим реализацию субъектного подхода в педагогическом процессе, является сотрудничество и сотворчество преподавателя и студентов как полноправных субъектов в разных формах проектно-исследовательской деятельности.

Сотрудничество преподавателя со студентом — это сложная многоуровневая система совместной деятельности, представленная в виде взаимодействия их как субъектов в целостном педагогическом процессе.

Сотрудничество в проектно-исследовательской деятельности мы рассматриваем как особую образовательную технологию, реализующую идеи связи, диалога, взаимодействия, партнерства, объединения в деловом общении и совместной деятельности, результатом которой является профессионально-личностный рост и преподавателя, и студента. Реализация этой технологии в реальном педагогическом процессе требует создания специальных дидактических средств, поддерживающих и стимулирующих многообразную информационную деятельность студента. Это и опора на элементарную компьютерную грамотность студента, и создание условий для творчества в разработке собственных образовательных продуктов; освоения каждым субъектом диалоговых технологий взаимодействия, обеспечивающих становление их готовности принимать активное участие в коллективной и групповой коммуникации. Но самое главное — это изменение педагогической позиции преподавателя с традиционно сдерживающей (авторитарной) на стимулирующую (консультант, фасилитатор), что и обеспечивает становление субъектной позиции студента. В процессе многолетнего наблюдения за совместной деятельностью преподавателей и студентов по реализации учебно-исследовательских проектов нами были выделены следующие виды этого взаимодействия:

1. Гипертрофированная субъектная позиция преподавателя в процессе взаимодействия со студентом, которая проявлялась: а) в развитии собственной инициативы преподавателя в условиях низкой активности студента; б) в избрании преподавателем тактики активной самозащиты, пресечения манипулирования собой в условиях соперничества и конфронтации.

2. Субъект-объектное взаимодействие: а) преподаватель предложил, а студент выбрал тему и задание к исследовательскому проекту, выполнение которого возлагается на студента при минимальном контроле и коррекции преподавателя, избирающего тактику самоустранения, предоставления полной свободы

действий студенту с соответствующим делегированием полномочий и ответственности за результат предполагаемой деятельности; б) в ходе работы на всех этапах преподавателем используется тактика содействия, создания благоприятных условий, обеспечивающих, по крайней мере, поддержку предложений студента по ходу выполнения проекта.

3. Субъект-субъектное взаимодействие: тактика помощи со стороны преподавателя, прямое заинтересованное участие (советом, идеями, информационными ресурсами) при доминировании самостоятельности, активности и творчества самого студента; в процессе совместного обсуждения темы проекта, преподаватель стремится выяснить позицию студента, его «видение проблемы», совместно выстраивать замысел работы, основные, стратегически важные этапы; обеспечивается самостоятельность студента при поддержке его активности и творчества на всем протяжении выполнения проекта; тактика взаимодействия, соучастия и сотрудничества, при которой четко определяются функции и ответственность каждого из субъектов за общий процесс и результат деятельности. Все это и обеспечивает в педагогической практике субъект-субъектное взаимодействие, которое является наиболее продуктивным с точки зрения поставленных выше задач.

Таким образом, тот мир образования, который был бы построен в соответствии с гуманитарной парадигмой, только еще рождается. Это рождение требует сил, внимания, заботы, финансовых ресурсов, интенсивных исследований, серьезных социально-педагогических экспериментов с надежным психологическим сопровождением. Чтобы этот мир существовал в реальной педагогической практике, необходимо коренным образом изменять подготовку и систему повышения квалификации учителей и преподавателей вузов, которая должна быть направлена на максимальное удовлетворение профессиональных и личностных запросов субъектов образовательного процесса.

Библиографический список

1. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1995. 496 с.
2. Афанасьев А. И. Гуманитаристика: научные притязания // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3222> (дата обращения: 24.09.2018).
3. Бим-Бад Б. М. Воспитание человека обществом и общества человеком // Педагогика. 1996. № 5. С. 3—10.
4. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. М.: Совершенство, 1998. 697 с.
5. Зинченко В. П. О целях и ценностях образования // Педагогика. 1997. № 5. С. 3—16.
6. Кравцов В. 5 тезисов о гуманитаристике будущего. URL: <http://gefter.ru/archive/15467> (дата обращения: 24.09.2018).

References

Afanas'ev, A. I. (2013) Gumanitaristika: nauchnye prityazaniya [Humanities: scientific claims], *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities research], no. 5. [electronic resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3222> (date of the application: 24.09.2018).

Amonashvili, Sh. A. (1995) *Razmyshleniya o gumannoj pedagogike* [Reflections on humane pedagogy], Moscow: Shalva Amonashvili Publishing House.

Bim-Bad, B. M. (1996) *Vospitanie cheloveka obshchestvom i obshchestva chelovekom* [Education of man by society and society by man], *Pedagogika* [Pedagogy], no. 5, pp. 3—10.

Gershunskij, B. S. (1998) *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka* [Philosophy of education for the 21st century], Moscow: Sovershenstvo.

Kravcov, V. 5 tezisov o gumanitaristike budushchego [5 theses about the Humanities of the future], [electronic resource]. URL: <http://gefter.ru/archive/15467> (date of the application: 24.09.2018).

Zinchenko, V. P. (1997) *O celyah i cennostyah obrazovaniya* [About the goals and values of education], *Pedagogika* [Pedagogy], no. 5, pp. 3—16.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторах

Воронова Тамара Александровна — кандидат педагогических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, Vta5519@yandex.ru

Засобина Галина Александровна — доктор педагогических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.

Information about the authors

Voronova Tamara Aleksandrovna — Cand. Sc. (Pedagogy), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, Vta5519@yandex.ru

Zasobina Galina Aleksandrovna — Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation.

УДК 37:004
ББК 74с51

Е. В. Мельникова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЕК: ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ

В центре внимания автора статьи специфика современной образовательной среды, испытывающей серьезное влияние со стороны технологической квазивиртуальной реальности. Рассмотрен процесс формирования образовательной информационной среды вуза в контексте средоориентированного и системно-деятельностного подходов. Проанализированы требования к предметно-пространственной среде на всех уровнях образовательной системы. Выявлена тенденция определения государством требований к контенту содержания образовательной информационной среды, которая накладывает на педагогов и преподавателей новые цифровые обязательства по ее «администрированию».

Ключевые слова: образовательная информационная среда, цифровой контент, цифровизация образовательного процесса.

E. V. Melnikova

EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE MEDIA AGE: CONTENT PECULIARITIES

The author of the article focuses on the specifics of the modern educational environment, which is seriously influenced by the technological quasi-virtual reality. The process of formation of the educational information environment of the university in the context of the environment-oriented and system-activity approaches is considered. The requirements for the subject-spatial environment at all levels of the educational system are analyzed. The tendency of the state to determine the requirements for the content of the educational information environment, which imposes on teachers and teachers new digital obligations to "administer" it, is stated.

Key words: educational information environment, digital content, digitalization of the educational process.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.49-54

Ссылка для цитирования: Мельникова Е. В. Образовательная среда в информационный век: особенности содержания // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 49—54.

Citation Link: Melnikova, E. V. (2020) Obrazovatel'naya sreda v informacionnyj vek: osobennosti soderzhaniya [Educational environment in the information age: content features], *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 49—54.

В настоящее время в психолого-педагогической литературе уделяется внимание понятию «образовательная среда». Возможность существования этого понятия обусловлена изменением взглядов на образование — теперь оно трактуется как сфера социальной жизни и включает в себя признание активной роли

© Мельникова Е. В., 2020

среды в процессе формирования личности ребенка. Под образовательной средой педагоги и психологи понимают социально-психологическую, физическую среду школы, дома, улицы и т. д., в которой проходит жизнь учащегося и педагога; систему влияний и условий формирования и возможностей для развития личности, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении; результат взаимоотношения в образовательном процессе «двух полюсов» — предметности культуры и внутреннего мира человека; совокупность социальных, культурных, а также специально организованных в образовательном учреждении психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности, ее мировосприятия. Современные школьники и студенты — молодое поколение, для которого технологическая среда и виртуальная реальность — естественная среда обитания. Обучающие свойства среды выражаются в формировании новых адаптивных качеств в психофизиологической системе человека, норм и правил поведения, новой системы ценностей, которые позволяют ему ориентироваться в классе новых задач и более эффективно решать прежние.

В проекте «Концепции совершенствования (модернизации) единой информационной образовательной среды, обеспечивающей реализацию национальных стратегий развития РФ» информационная образовательная среда представляет собой совокупность разнообразных образовательных и информационных печатных и электронных учебных материалов, электронных информационных ресурсов, средств информационно-коммуникационных сетевых технологий и автоматизированных систем, прорывных образовательных технологий, обеспечивающих удовлетворение перспективных образовательных потребностей личности, общества и государства [1].

Средоориентированный подход позволяет перенести акцент с активного педагогического воздействия на личность обучающегося в область формирования среды, в которой происходит его самообучение и саморазвитие, когда включаются механизмы внутренней активности обучаемого.

Среди всего многообразия сред, которые функционируют в образовательной организации, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает образовательная информационная среда. Под *образовательной информационной средой* мы понимаем систему психолого-педагогических условий и программно-аппаратных средств, способствующих информационному взаимодействию между субъектами образовательного процесса, в результате которого происходят развитие их личности и повышение качества образования [2].

Под *формированием образовательной информационной среды образовательной организации* (ОИСОО) мы понимаем оптимизацию взаимодействия всех компонентов среды, направленную на усиление непосредственного и опосредованного образовательного влияния на объект образования. В качестве объекта образования могут выступать разные категории. Среди них, во-первых, обучающиеся, на которых направлена образовательная деятельность организации, во-вторых, сама организация, а также все то, что является местом образовательной деятельности [2].

Процесс формирования ОИСОО включает следующие структурные компоненты: цель, информационное взаимодействие субъектов, содержание информации, средства, методы, формы работы с информацией, результат. Стержнем формирования такой среды является персонализация образования, которая

предполагает переход от модели образования «передачи знаний» к формированию и непрерывному обновлению компетенций. Таким образом, целью процесса формирования ОИСОО является создание системы организационно-педагогических условий, изменяющих характер традиционного информационного взаимодействия между субъектами образовательного процесса и способствующих повышению качества образования.

Что лежит в основе выделения содержания образовательной информационной среды образовательной организации? Основанием для определения содержания ОИСОО служат федеральные государственные образовательные стандарты разных уровней образования.

Методологической основой ФГОС общего образования является системно-деятельностный подход, который обеспечивает:

- формирование готовности обучающихся к саморазвитию и непрерывному образованию;
- проектирование и конструирование развивающей образовательной среды организации, осуществляющей образовательную деятельность;
- активную учебно-познавательную деятельность обучающихся;
- построение образовательной деятельности с учетом индивидуальных, возрастных, психологических, физиологических особенностей и здоровья обучающихся.

Образовательная информационная среда рассматривается как среда одновременного формирования личностных качеств, компетенций, базовых знаний и навыков обучающихся.

Необходимость формирования и функционирования образовательной информационной среды отражена в требованиях к условиям реализации образовательных программ, зафиксированных в ФГОС всех уровней образования.

ФГОС дошкольного образования определяет требования к развивающей предметно-пространственной среде, обеспечивающей максимальную реализацию образовательного потенциала пространства организации, возможность общения и совместной деятельности детей и взрослых, двигательной активности детей, а также возможности для уединения. Среда должна быть содержательно насыщенной, трансформируемой, полифункциональной, вариативной, доступной и безопасной.

Комфортная развивающая образовательная среда — интегративный результат реализации требований ФГОС НОО.

Результатом реализации требований ФГОС ООО и СОО должно стать создание образовательной среды как совокупности условий:

- обеспечивающих достижение целей общего образования, его высокое качество, доступность и открытость для обучающихся, их родителей (законных представителей) и всего общества, воспитание и социализацию обучающихся;
- гарантирующих сохранение и укрепление физического, психологического здоровья и социального благополучия обучающихся;
- преемственных по отношению к предыдущему уровню общего образования и соответствующих специфике образовательной деятельности при получении общего образования, а также возрастным психофизическим особенностям развития обучающихся.

В соответствии с ФГОС СОО образовательная информационная среда школы должна обеспечивать возможность осуществлять в электронной (цифровой) форме следующие виды деятельности:

- планирование образовательной деятельности;
- размещение и сохранение материалов образовательной деятельности, в том числе работ обучающихся и педагогов, используемых участниками образовательных отношений информационных ресурсов;
- фиксацию хода образовательной деятельности и результатов освоения основной образовательной программы начального общего образования;
- взаимодействие между участниками образовательных отношений, в том числе дистанционное посредством сети Интернет, возможность использования данных, формируемых в ходе образовательной деятельности для решения задач управления образовательной деятельностью;
- контролируемый доступ участников образовательных отношений к информационным образовательным ресурсам в сети Интернет (ограничение доступа к информации, несовместимой с задачами духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся);
- взаимодействие организации, осуществляющей образовательную деятельность с органами, осуществляющими управление в сфере образования, и с другими организациями, осуществляющими образовательную деятельность.

Информационно-методические условия реализации основной образовательной программы общего образования должны обеспечиваться современной информационно-образовательной средой.

Информационно-образовательная среда организации, осуществляющей образовательную деятельность СОО, включает:

- комплекс информационных образовательных ресурсов, в том числе цифровые образовательные ресурсы;
- совокупность технологических средств информационных и коммуникационных технологий: компьютеры, иное ИКТ-оборудование, коммуникационные каналы;
- систему современных педагогических технологий, обеспечивающих обучение в современной информационно-образовательной среде.

В соответствии с ФГОС высшего образования каждый обучающийся должен быть обеспечен индивидуальным неограниченным доступом к электронной информационно-образовательной среде.

Электронная информационно-образовательная среда организации высшего образования должна обеспечивать:

- доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин (модулей), программам практик, электронным учебным изданиям и электронным образовательным ресурсам, указанным в рабочих программах дисциплин (модулей), программах практик;
- формирование электронного портфолио обучающегося, в том числе сохранение его работ и оценок за эти работы.

Анализ ФГОС различных уровней образования выявил тенденцию определения государством требований к контенту содержания образовательной информационной среды образовательной организации. К необходимости проекти-

рования педагогами образовательного процесса в образовательной информационной среде приводят:

- изменения способов создания, передачи и фиксации знания, процесса личностного развития человека, его самоидентификации;
- общедоступность знаний за счет цифровых технологий;
- возникновение быстрорастущего рынка образовательных услуг системы образования;
- рост спроса на новые компетенции и формы подготовки, провоцируемый динамикой развития экономики в условиях неопределенности, быстрой сменой технологий;
- развитие процессов управления идентичностью обучающихся в условиях использования цифровых технологий;
- совершенствование и дальнейшее развитие единой информационной образовательной среды (как формы социальной сети);
- появление нового типа обучающихся, самостоятельно формирующих свою образовательную информационную среду самообразования.

Деятельность педагогов по совершенствованию и обновлению содержания образовательной информационной среды направлена:

- на экспертизу цифрового контента;
- создание условий для развития личности обучающегося, обеспечивающих позитивную социализацию;
- повышение эффективности образовательного процесса за счет использования ИКТ при хранении и обработке информации;
- создание условий для оперативного мониторинга и информационно-коммуникативного взаимодействия всех участников образовательных отношений;
- формирование навыков и компетенций XXI века, необходимых для успешной интеграции обучающихся в современную профессиональную деятельность.

Библиографический список

1. Концепция совершенствования (модернизации) единой информационной образовательной среды, обеспечивающей реализацию национальных стратегий развития Российской Федерации // Педагогика. 2018. № 4. С. 98—125.
2. Мельникова Е. В. Образовательная информационная среда университета как средство развития информационной компетентности студента // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2016. № 1. С. 44—48.

References

Koncepciya sovershenstvovaniya (modernizacii) edinoj informacionnoj obra-zovatel'noj sredy, obespechivayushchej realizaciyu nacional'nyh strategij razvitiya Rossijskoj Federacii (2018) [The concept of improving (modernizing) the unified information educational environment that ensures the implementation of national development strategies of the Russian Federation], *Pedagogika* [Pedagogy], no. 4, pp. 98—125.

Melnikova, E. V. (2016) *Obrazovatel'naya informacionnaya sreda universiteta kak sredstvo razvitiya informacionnoj kompetentnosti studenta* [Educational information environment of the University as a means of developing student's information competence], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki* [Bulletin of Ivanovo state University. Series: Natural and social Sciences], no. 1, pp. 44—48.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Мельникова Елена Валерьевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mel.ev@mail.ru

Information about the author

Melnikova Elena Valerievna — Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mel.ev@mail.ru

УДК 371.3
ББК 74.202.42

И. А. Дельцова

ИНКЛЮЗИВНОСТЬ КАК НОВЫЙ ОРИЕНТИР ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается разворачивание идей инклюзивности в контексте российских образовательных реалий. Определена теоретическая основа инклюзивной парадигмы в виде культурно-исторической и экзистенциально-гуманистической концепций. Зафиксированы причины запаздывания новой инклюзивной модели образования. Показан социокультурный потенциал включенного обучения. Продемонстрирована эвристичность соединения представлений об инклюзивности и гуманистических идей. Рассмотрен спектр педагогических технологий, релевантных целям и ценностям инклюзивного образования. Сделан вывод о необходимости секьюритизации образовательной среды, адаптированной к его особенностям и потребностям учащихся с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: инклюзивное образование, методология инклюзивного образования, гуманистическая концепция, дети с ограниченными возможностями здоровья, технологические инструменты инклюзивного образования.

I. A. Deltsova

INCLUSIVENESS AS A NEW EDUCATIONAL FOCUS

The article examines the unfolding of ideas of inclusiveness in the context of Russian educational realities. The theoretical basis of the inclusive paradigm in the form of cultural-historical and existential-humanistic concepts has been determined. The reasons for the delay in the new inclusive education model are fixed. The sociocultural potential of the included learning is shown. The heuristicity of combining the concepts of inclusiveness and humanistic ideas is demonstrated. The spectrum of pedagogical technologies relevant to the goals and values of inclusive education is considered. It is concluded that it is necessary to securitize the educational environment, adapted to its characteristics and the needs of students with disabilities.

Key words: inclusive education, methodology of inclusive education; humanistic concept, children with disabilities, technological tools of inclusive education.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.55-58

Ссылка для цитирования: Дельцова И. А. Инклюзивность как новый ориентир образования // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 55—58.

Citation Link: Del'cova, I. A. Inklyuzivnost' kak novyj orientir obrazovaniya [Inclusiveness as a new educational focus], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 55—58.

О том, что современному российскому обществу нужна новая модель инклюзивного образования, говорят многие ученые. Однако тенденции изменения образования в контексте идей инклюзивности проявляется лишь в незначительной степени. Возможно, это связано с боязнью кардинальных изменений, кото-

© Дельцова И. А., 2020

рые приведут к перестройке привычного уклада национальной образовательной системы, что неизбежно повлечет пересмотр удобных социально-экономических отношений.

Торможение развития новой инклюзивной модели образования также связано с недопониманием неизбежности формирования «включенного общества» [5] как последовательного этапа эволюции современной цивилизации. Если индивидуальные особенности человека будут восприниматься как проблема, то это неизбежно приводит к отчуждению и разобщению. По этой причине с конца прошлого века наблюдается мировая тенденция развития и распространения идей инклюзивного образования в мире.

Точкой отсчета этих изменений стал 1990 год, связанный с принятием в Таиланде Всемирной декларации по образованию для всех. О необходимости реформирования «обычной школы» было заявлено на Всемирной конференции по образованию детей с особыми потребностями в Саламанке. И глобальная вежа развития инклюзивного образования началась с принятия ООН конвенции о правах инвалидов (ст. 24 «Государства-участники признают право инвалидов на образование. В целях реализации этого права без дискриминации и на основе равенства возможностей государства-участники обеспечивают инклюзивное образование на всей уровнях и обучение в течение всех жизни»). Россия ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов только в июне 2012 года, что нашло отражение в федеральном законе об образовании и в государственной программе «Доступная среда» на 2016—2020 годы.

Методологической основой создания инклюзивного образования являются идеи культурно-исторической школы Л. С. Выготского и экзистенциально-гуманистическая теория К. Роджерса.

В рамках культурно-исторического анализа российские ученые рассматривают среду как фактор развития высших психических функций человека, акцентируя внимание на то, что детское развитие подчиняется не столько биологическим, сколько общественно-историческим законам. Включая ребенка с ограниченными возможностями здоровья в условия совместного образовательного взаимодействия со здоровыми сверстниками, инклюзивное образование обеспечивает качественное изменение социальной картины его развития. В инклюзивных образовательных учреждениях обогащающий опыт социализации получают не только дети с нарушениями развития, у их здоровых сверстников появляется возможность приобретения опыта отношений с теми, кто по состоянию здоровья отличается от них. Следуя идеям Л. С. Выготского, детерминанты психического развития человека находятся именно в ситуации социального взаимодействия. Таким образом, исходя из концепции Л. С. Выготского возможно принять инклюзивную модель обучения как один из путей культурного развития ребенка с ОВЗ, расширяющего его социальное пространство.

Еще одним направлением социокультурного развития в трудах Л. С. Выготского [1] является нравственное воспитание, которое, по мнению ученого, выстраивается через проектирование ребенком правильной координации своего поведения с поведением других, так как в основе нравственного воспитания человека лежат организованные межличностные отношения. Эти идеи созвучны философии инклюзивного образования, определяемого как социально значимое в социализации и развитии любого ребенка.

Продолжателем идей Л. С. Выготского стал его ученик А. Н. Леонтьев [2], который считал, что отношения ребенка к миру всегда опосредованы, так как его деятельность всегда включена в общение с другими людьми. В инклюзивном образовании — это совместная деятельность, в которой происходит речевое и мысленное общение, составляющие необходимое условие развития человека и формирование навыков социальной деятельности.

Продвижение гуманистической теории в образовании продолжилось в работах К. Роджерса [4], для которого принципиальной позицией стал новый подход к роли учителя в отношении к ученику. Психолог-гуманист определяет способ поведения учителя через личностно-смысловые понятия: «взаимодействие», «взаимоотношения», «фасилитация», «создание условий», «оказание помощи» и т. п. Этот подход становится ключевой идеей для развития теории инклюзивного образования.

Одним из направлений развития гуманистических идей в инклюзивном образовании является «процесс взаимосвязанных изменений в рациональной и эмоциональной сферах» [3]. Акцентирование внимания на гармонизации отношения между самостью и социумностью в последнее десятилетие стало стратегически определяющим направлением инклюзивного обучения и воспитания. Если понимание самости выстраивается через отражение внутреннего вектора развития личности, раскрывающего глубину ее индивидуальности, то социумность представляет внешний вектор — социальное развитие. Основными механизмами гармонизации самобытности личности ребенка и социумности в инклюзии являются адаптации в новой среде, самоутверждение в социуме, коррекция и реабилитация через самореализацию индивидуальности в обществе.

Гуманистические идеи наиболее ярко и эффективно находят осуществление в инклюзивном образовании, когда основные усилия учителей направляются на создание условий, способствующих гармоничному саморазвитию и самореализации личности в согласии с самой собой и обществом. Для достижения этого результата у современных педагогов есть возможность выбора соответствующих педагогических технологий. Критерием отбора становится эффект, усиливающий дифференциацию и индивидуализацию образовательного процесса. Одним из технологических инструментов является внедрение вариативных программ, направленных на вовлечение учеников с ОВЗ в совместную работу со сверстниками через командно-игровые турниры, коллективные и групповые исследования, обучение в сотрудничестве, разновозрастное обучение, взаимное обучение и др. Другим технологическим инструментом педагога в инклюзивном образовании становится разработка индивидуального образовательного маршрута для каждого ребенка с участием родителей и внедрением моделей педагогического взаимодействия: профессиональное сотрудничество, консультационная, командная, параллельное обучение, кооперативное обучение. Комплексный педагогический инструментарий, ориентированный на гуманистическую траекторию образования, снижает риски эксклюзии и расширяет диапазон участников инклюзивного образования, повышая качество сотрудничества между ними.

Таким образом, следуя гуманистической концепции, главной фигурой воспитания является ребенок, поэтому в основу инклюзивного образования должна быть положена личная деятельность ребенка. Данная идея получила развитие в нормативных документах современности, ориентация на развитие само-

стоятельности ребенка проходит через федеральные государственные образовательные стандарты. При этом процесс развития будет протекать успешно только тогда, когда любой ребенок будет чувствовать безопасность образовательной среды, адаптированной к его особенностям и потребностям. Наибольший эффект инклюзивного образования достигается, если мировоззренческие позиции общества по отношению к личности и своему будущему гуманистически ориентированы (принимает человека как уникальное явление природы, признают приоритет его субъектности, развитие которой является целью жизни).

Библиографический список

1. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология / под ред. Л. М. Штутиной, Л. М. Маловой. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
2. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Деятельность. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
3. *Нигматов З. Г.*, Инклюзивное образование: история, теория, технологии / З. Г. Нигматов, Д. З. Ахметова, Т. А. Челнокова. Казань: Познание, 2014. 220 с.
4. *Роджерс К. Р.* Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 415 с.
5. *Mittler P.* Overcoming Exclusion. Social Justice Through Education. Routledge, 2012. 240 p.

References

- Vygotskij, L. S. (1999) *Pedagogicheskaya psihologiya* [Pedagogical psychology], Moscow: Pedagogika-Press.
- Leont'ev, A. N. (2005) *Deyatel'nost'. Soznanie. Deyatel'nost'* [Activity. Consciousness. Activity], Moscow: Academiya.
- Nigmatov, Z. G. (2014) *Inklyuzivnoe obrazovanie: istoriya, teoriya, tekhnologii* [Inclusive education: history, theory, technology], Kazan: Poznanie.
- Rodzhers, K. R. (2001) *Stanovlenie lichnosti. Vzglyad na psihoterapiyu*, [Formation of personality. A look at psychotherapy], Moscow: Eksmo-Press.
- Mittler, P. (2012) *Overcoming Exclusion. Social Justice Through Education*. Routledge.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Дельцова Ирина Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, deltsova@yandex.ru

Information about the author

Deltsova Irina Alekseevna — Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, deltsova@yandex.ru

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ББК 60.023
УДК 1:316

К. Л. Ерофеева

ФОРСАЙТ-МЕТОД В СТРАТЕГИЯХ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу двух противоположных подходов к соотношению природы и общества в современной техногенной цивилизации — натурализма и манганизма. Зафиксировано, что манганизм является господствующим, будучи основан на абсолютизации мира искусственного. В статье анализируются метафизические причины этого явления, показана их преемственность в современном сознании от техницизма начала XX века. Утверждается необходимость альтернативного форсайт-проекта, в котором произошли бы возвращение к природе, реабилитация принципа натурализма. Автор выделяет четыре собственно философских аспекта при формировании альтернативного проекта взаимоотношений общества и природы: онтологический, этический, эстетический и социально-философский. В заключение вычлняются роль философии в формировании альтернативного образа будущего, обязанности философа перед обществом.

Ключевые слова: прогностические методы, форсайт, природопользование, экологический кризис, организм и организация, натурализм и манганизм.

К. Л. Erofeeva

FORESIGHT METHOD IN NATURE MANAGEMENT STRATEGIES: TOPICAL ASPECTS

The article is devoted to the analysis of two opposite approaches to the relationship between nature and society in modern technogenic civilization — naturism and manganism. It is fixed that manganism is dominant, being based on the absolutization of the artificial world. The article analyzes the metaphysical reasons for this phenomenon, shows their continuity in modern consciousness from the technicalism of the early twentieth century. The need for an alternative foresight project is argued, in which there would be a return to nature, the rehabilitation of the principle of naturism. The author identifies four philosophical aspects in the formation of an alternative project of the relationship between society and nature: ontological, ethical, aesthetic and socio-philosophical. In conclusion, the role of philosophy in the formation of an alternative image of the future, as well as the duties of a philosopher to society are determined.

Key words: prognostic methods, foresight, nature management, environmental crisis, organism and organization, naturism and manganism.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.59-65

Ссылка для цитирования: Ерофеева К. Л. Форсайт-метод в стратегиях природопользования: актуальные аспекты // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 3. С. 59—65.

Citation Link: Yerofeyeva, K. L. (2020) Forsayt-metod v strategiyakh prirodopol'zovaniya: aktual'nyye aspekty [Foresight method in environmental management strategies: topical aspects] *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 59—65.

© Ерофеева К. Л., 2020

Философия, как и наука в целом, с необходимостью включает в себя прогностическую функцию. Со времен Конфуция и Платона она предлагает модели развития общества и человека. Также философия формулирует парадигмы оптимального сосуществования мира людей с миром природы.

Форсайт-метод можно рассматривать в ряду прогностических методов конкретных и даже прикладных наук. Он направлен на разработку мер по реализации той или иной стратегии развития. Сама же стратегия не может разрабатываться без участия философии. В современном мире философия обязана осуществлять «интеллектуальный аудит» масштабных начинаний в области экономики, политики, образования. Область природопользования также с необходимостью предполагает философское осмысление стратегий и тактик всех занятых в ней субъектов и институций. Это осмысление должно включать, как минимум, три момента: критический анализ текущего состояния, выявление возможных моделей будущего, предложение стратегии решения основных проблем. В отличие от частных наук, философия может и должна решать эти задачи на основе приоритета общечеловеческих интересов и ценностей.

Насколько же правомерно говорить об использовании именно форсайт-методов в философском осмыслении какой-либо проблемы? Представляется, что вполне правомерно. Директор направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив РФ Д. Н. Песков утверждает: «Форсайт — это, прежде всего, инструмент коммуникации людей по поводу своего будущего. Чем больше влияние людей на это будущее — тем более сильный случается форсайт. В ситуации, когда борется много разных структурированных образов будущего, важны люди, которые за ними стоят. В ситуации, когда конкурирующих образов будущего немного или практически нет, вы способны выходить в будущее и его формировать не за счет ваших капиталов, власти, силы, связей, а за счет формирования своей повестки дня» [1, 4]. В современной техногенной глобализирующейся цивилизации прослеживаются два основных конкурирующих образа будущего. Их истоки лежат еще в идеях рубежа XIX—XX веков. Немецкий философ техники и теоретик в области механики Франц Рело (1829—1905), который был не только ученым, но и практиком, выделил два основных способа отношения вооруженного техникой общества к природе. Он назвал эти способы *натуризм* и *манганизм*. Второй термин происходит от древнегреческого «*manganon*», т. е. механизм магов, нечто искусственное и таинственное. В древности это название давалось всякому искусственному приспособлению, «устройству, с помощью которого могло производиться что-нибудь необыкновенное, всему, что было умно и искусно придумано, вызывая уважение и страх у неразумных». Манганизм, по мнению Рело, — это такое использование сил природы, когда добыто знание их законов и умение этими силами управлять. Противоположностью манганизму является натуризм, при котором люди лишь обороняются от грозных сил природы, таинственно и безотчетно подслушивая у нее кое-какие секреты и рецепты. Этими двумя понятиями Рело обозначает два направления в современном ему культурном развитии, разделяя с их помощью манганистические и натурастические культурные нации и народы. Рело провозглашает, что господство на земле принадлежит нациям, практикующим манганизм, а те нации, которые не захотят перейти к нему, должны заранее смириться с постепенным своим подчинением или исчезновением. Рело иллюстрирует это утверждение конкретными историческими примерами. В частности, по его мне-

нию, Япония — это пример сознательного и целенаправленного перехода от туризма к манганизму [5]. В этих идеях явственно прослеживается характерная черта умонастроений начала XX века — безоглядный технизм и сциентизм, вера в правоту и всеислие технологического разума. М. О. Гершензон, литературный критик и оригинальный мыслитель этого периода, так выразил подобные умонастроения с поэтическим вдохновением и пафосом: «Не рукотворные вещи нужны человеку, а самосознание своего господства над внешним миром, не для комфорта несет он великие труды, но для того, чтобы ощущать свою власть и ежеминутно видеть ее возрастающей. В каждом своем техническом действии он говорит природному созданию: «Ты не реально в целом, реальна в тебе только та частица, которая однородна мне, все же остальное в тебе — призрак, свое я по праву возьму из тебя, а все остальное обращаю в прах, чтобы доказать себе и тебе, что оно действительно прах... Но пусть владычество над природой — самообман: видно, не может человек не желать. И кто знает, в этой пожирающей жажде власти не руководит ли человеком некое тайное знание? Не почуял ли он в стихиях готовность и радость служить ему и бессознательно следует голосу своей царственной крови?» [3, с. 637].

Сегодня мы видим торжество «манганизма» в большинстве культур и регионов планеты, включая те, которые сам Рело считал практикующими натуризм. В странах арабского востока, в юго-восточной Азии мы наблюдаем поражающие воображение чудеса техники (небоскребы, мосты, автострады). Приходится констатировать, что сегодня практически единственным образом будущего в массовом сознании (за исключением, конечно, катастрофических) является мир манганов, мир без природных объектов как таковых. Подобный «форсайт-проект» имеет под собой почву. Например, освоение других (необитаемых) космических объектов возможно только на основе полностью искусственной среды. Да и на самой Земле есть неудобные для жизни человека места, в которых необходимо продолжать наращивать «удельный вес» искусственного начала.

Но если человек как биологический вид хочет сохраниться на своей родной планете, отношение общества к природе необходимо радикально изменить. Не будем вдаваться в подробную аргументацию того очевидного факта, что глобальный экологический кризис не преодолен. Кризис этот обнаружился более полувека тому назад, но за это время проявлений его стало только больше. Например, возникла проблема утилизации отходов, нарастает скорость истребления лесов и загрязнения мирового океана...

За эти десятилетия сформировался массивный корпус научной, в том числе, философской литературы по экологической проблематике. В частности, ивановская ноосферная философская школа в своих опубликованных трудах предложила немало интересных и продуктивных проектов. Здесь можно найти и серьезный анализ причин экологического кризиса, и программы по экологическому воспитанию и образованию, и критический анализ практического опыта в сфере оптимального природопользования [2, 6, 7]. Казалось бы, это и составляет базу для масштабного социального проекта, который должен представлять альтернативу «ведущему форсайт-проекту» современной цивилизации. Последний, как мы отмечали, базируется, как и столетие назад, на принципах технизма и тотального наступления мира искусственного. Но база существует, а проекта по-прежнему нет.

Возможно, одной из причин тому является отмеченная рядом русских мыслителей метафизическая черта: техника и «организация» имеют глубокий символический смысл. Кроме утилитарного значения, они имеют значение как символ могущества Человека-Творца. Кроме приведенной цитаты из работы Гиршензона, здесь необходимо упомянуть работу Н. А. Бердяева «Человек и машина» (1933). В ней, в частности, философ останавливается на проблеме соотношения понятий «организм» и «организация». По поводу этих соотносимых категорий он писал: «Новая природная действительность, перед которой ставит человека современная техника, совсем не есть продукт эволюции, а есть продукт изобретательности и творческой активности самого человека, не процесса органического, а процесса организационного. С этим связан смысл всей технической эпохи. *Господство техники и машины есть, прежде всего, переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности*» [1, с. 11]. И это в полной мере верно, в том числе, и по отношению к «конструированию» живого, будь то эксперименты с технологиями выращивания растений, или генетические манипуляции с животными организмами. Начавшись «господством техники и машины», этот процесс перехода к «конструктивности» на рубеже XX—XXI веков распространился на живую природу.

В наши дни «организация» — это отнюдь не всегда «механизм». Сегодня, в эпоху бурного развития наук о живом, проблема решается не столь однозначно. Например, возникает вопрос: считать ли организмом такой объект, как «медузоид», в котором неорганический материал соединен с кровяными клетками млекопитающего, а своими функциями он повторяет биение человеческого сердца? (О таком чуде биологической науки повествует научно-популярный сериал «Будущее с Джеймсом Вудсом», показанный в 2014 году на канале «Discovery»). В данном случае приходится говорить о новом феномене материального мира — *об искусственно организованном организме*. Подобные возможности манипулирования с живыми объектами и завораживают, и пугают общественное сознание. Для философа же как аналитика новых тенденций жизни общества и науки важно искать и находить оптимум в этой ситуации. Этот оптимум заключается в гармонии, балансе противоположностей — движения по пути развития высоких технологий с одной стороны и по пути сбережения масштабных и локальных природных объектов — с другой.

В свете всех непростых проблем и противоречий в соотношении естественного и искусственного особую актуальность приобрела проблема защиты прав тех жителей земли, которые не желают расставаться с миром природных организмов — хотят быть окруженными ими, созерцать их, питаться ими. Должна существовать повестка дня, альтернативная тотальному манганизму и засилью организации в ущерб организмам. В самом общем виде она состоит в реабилитации натурализма, в возвращении «назад к природе». Разумеется, не в той форме, которую предполагал Руссо, ибо «глобальная экологическая проблема... выражает наиболее важные противоречия современного этапа развития человеческой цивилизации, материальной жизни общества, логики его хозяйственной эволюции, эволюции общественного бытия» [6, с. 105].

Речь идет о новом витке спирали; не об отрицании техники и мира искусственного, а о диалектическом синтезе двух обозначенных Францем Рело тенденций человеческой цивилизации. Природопользование должно уступить место природосбережению, восстановлению, почитанию. Ценное начинание представляет

собой в этом отношении опыт «снизу», например, описанный в книге Е. Н. Пряничниковой и М. П. Шилова «И расцветут лесосады в поместьях родовых». В ней авторы излагают свой практический опыт создания комплексного семейного хозяйства с оптимальным решением экологических проблем. В других работах М. П. Шилова показана деятельность садоводов, селекционеров, которая имеет и практическое, и в не меньшей степени воспитательное значение [8, 9].

В процессе реализации альтернативного форсайт-проекта, который не может не быть длительным и трудным, прослеживаются четыре философских аспекта.

Аспект **онтологический/экологический** — связан с самим бытием человечества и других форм земной жизни.

Философия в современном мире обязана напоминать об опасностях мандризма в его современных формах. Создав оружие массового уничтожения, человечество уже сегодня обладает технической возможностью уничтожения если не всей жизни на Земле, то, по меньшей мере, высших ее форм (включая самого человека). Но и не военная деятельность современного общества, в том случае, если не изменится его экологически значимая практика, может вскоре привести к глобальной катастрофе для всего живого.

Аспект **этический/воспитательный** — включает комплекс мер по изменению ценностных ориентаций взрослых и детей по поводу природных объектов всех форм и уровней.

Прежде всего, здесь может идти речь о понятии моральной ответственности. Экологический императив должен стоять в основании всех прочих моральных норм современного человека. Этический аспект также включает в себя изменение отношения к труду. Следует помнить, что труд по культивированию растений и содержанию животных требует другого качества внимания, ответственности и терпения, чем труд по взаимодействию с техническими объектами.

Аспект **эстетический** — также предполагает изменение ценностей, но на уровне не столько рациональном, сколько на уровне эмоционально-чувственного восприятия живой природы.

Именно воспитание чувств личности, особенно в период детства, является залогом адекватной системы ее ценностей. Благоговейное восхищение природой, в определенной степени родственное религиозному чувству, было свойственно человеку традиционного общества. Тогда оно выросло из полной зависимости от природы в силу неразвитости техник и технологий. Теперь же, когда глазами ученых и космонавтов человечество увидело хрупкость и уязвимость нашей планеты, это благоговейное чувство имеет иные, но не менее действенные причины. Не случайно современный британский философ Д. Купер одну из глав своей монографии «Философия сада» назвал «Сад как Богоявление». Этот автор показывает диалектическую зависимость природы и человека в процессе культивирования сада [10, р. 135—136]. Не случайно именно сад становится образом гармонии человека с природой. Гармонии, которая не достигается сама собой, а нуждается в постоянных усилиях человека для ее поддержания и производства.

Аспект **политический/социально-философский** — предполагает комплекс решений на уровне правительств и международных организаций (повышение оплаты и престижа соответствующих профессий, ужесточение наказаний за вред, наносимый природе и т. п.).

Разумеется, без поворота проблемы в социально-политическую сферу все прочие аспекты останутся на уровне деклараций. Необходима политическая воля как «сверху», так и «снизу». Но и в этой, сугубо практической области философии принадлежит значительная роль. Философ может и обязан всеми доступными средствами, со всех трибун (университетская кафедра, СМИ и др.) доводить до массового и индивидуального сознания важность разработки альтернативного комплексного проекта взаимодействия общества и природы.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Путь. Май 1933. № 38. С. 3—38.
2. Буровский А. М. Ноосферное образование — причины невостребованности // Ноосферное образование в России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. С. 221—224.
3. Гершензон М. О. Тройственный образ совершенства. Избранные произведения: в 4 т. Т. 4. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. 640 с.
4. Песков Д. Н. Форсайт-школа НТИ RAPID FORSIGHT методология. Версия 03. Рабочие материалы. URL: https://srosovet.ru/content/editor/Metodichka_fore sight.pdf (дата обращения: 12.08.2020).
5. Розин В. М., Горохов В. Г., Аронсон О. В., Алексеева И. Ю. Философия техники: история и современность: коллективная монография / отв. ред. В. М. Розин. М.: Институт философии РАН, 1997. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3369/3371> (дата обращения: 17.06.2020).
6. Смирнов Г. С. Образование ноосферы: локальное мебиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 416 с.
7. Халудорова Л. Е. Вопросы ноосферного образования и природный национальный парк // Ноосферное образование в России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. С. 215—218.
8. Шилов Ю. М. Культура сада и формирование ноосферного человека // Рождение культурологи в России: сб. науч. тр. / науч. ред. В. П. Океанский. Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. С. 247—264.
9. Шилов М. П. Красные книги спасения природы и культуры // Аграрный вестник Верхневолжья. 2015. № 4. С. 53—64.
10. Cooper D. A Philosophy of Gardens. Oxford: Oxford University Press. 2006. 173 p.

References

- Berdyayev, N. A. (1933) Chelovek i mashina. Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki [Man and machine. The problem of sociology and metaphysics of technology], *Put'* [Path], no. 38, pp. 3—38. .
- Burovskiy, A. M. (2001) Noosfernoye obrazovaniye — prichiny nevestrebovannosti [Noospheric education — reasons for lack of demand], in *Noosfernoye obrazovaniye v Rossii* [Noospheric education in Russia], Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 221—224.
- Cooper D (2006) *A Philosophy of Gardens*. Oxford: Oxford University Press.
- Gershenzon, M. O. (2000) *Troystvennyy obraz sovershenstva. Izbrannyye proizvedeniya* [The triple image of perfection. Selected works], vol. 4, Moscow: Iyerusalim: Universitetskaya kniga.
- Khaludorova, L. Ye. (2001) Voprosy noosfernogo obrazovaniya i prirodnyy natsional'nyy park [Issues of noospheric education and natural national park] in *Noosfernoye obrazovaniye v Rossii* [Noospheric education in Russia], Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy univeritet, pp. 215—218.

Rozin, V. M., Gorokhov, V. G., Aronson, O. V., Alekseyeva, I. YU. (1997) *Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost': kollektivnaya monografiya* [*Philosophy of technology: history and modernity: collective monograph*], Moscow: Institut filosofii Rossiyskoy Akademii nauk.

Shilov, M. P. (2015) *Krasnyye knigi spaseniya prirody i kul'tury* [Red Data Books for the Rescue of Nature and Culture], *Agrarnyy vestnik Verkhnevolzh'ya* [Agrarian Bulletin of the Upper Volga Region], no. 4, pp. 53—64.

Shilov, Yu. M. (2011) *Kul'tura sada i formirovaniye noosfernogo cheloveka* [The culture of the garden and the formation of the noospheric man] in Okeanskiy, V. P. (ed.) *Rozhdeniye kul'turologi v Rossii: sbornik nauchnykh trudov* [Christmas culturologists in Russia: collection of scientific papers], Ivanovo; Shuya: Tsentr krizisologicheskikh issledovaniy Shuyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 247—264.

Smirnov, G. S. (2017) *Obrazovaniye noosfery: lokal'noye mebius global'noye* [Education (Formation) of the noosphere: local mobius global], Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy univeritet.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, [Xenia.erofeeva@mail.ru](mailto: Xenia.erofeeva@mail.ru)

Information about the author

Erofeeva Ksenia Leonidovna — Dr. Sc. (Philosophy) Professor, Ivanovo State Energy University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, [Xenia.erofeeva@mail.ru](mailto: Xenia.erofeeva@mail.ru)

УДК 372.857
ББК 74.262.8

Г. М. Суворова

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

В центре внимания автора региональный дискурс концепция образования для устойчивого развития. Зафиксированы средства регионального экологического образования. Приведены результаты тестирования студенчества Ярославского региона на предмет сформированности экологической культуры. Проанализированы показатели «экологического следа» у областной молодежи. Сформулированы идеи новой экологической политики в контексте региона. Сделан вывод о том, что рост экологизации сознания связан с актуализацией модели непрерывного образования и повышения квалификации кадров в области охраны окружающей среды и экологической безопасности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологическое образование, экологический след, проект, тест, концепция новой экологической политики.

G. M. Suvorova

REFLECTION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT IDEA IN ENVIRONMENTAL EDUCATION OF THE YAROSLAVL REGION

The author focuses on the regional discourse on the concept of education for sustainable development. The means of regional environmental education are fixed. The results of testing the students of the Yaroslavl region on the subject of the formation of ecological culture are given. The indicators of the «ecological footprint» of the regional youth are analyzed. The ideas of a new environmental policy in the context of the region are formulated. It is concluded that the growth of the greening of consciousness is associated with the actualization of the model of continuous education and professional development of personnel in the field of environmental protection and ecological safety.

Key words: sustainable development, environmental education, ecological footprint, project, test, concept of new environmental policy.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.66-70

Ссылка для цитирования: Суворова Г. М. Отражение идеи устойчивого развития в экологическом образовании Ярославской области // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 66—70.

Citation Link: Suvorova, G. M. (2020) Otrazhenie idei ustojchivogo razvitiya v ekologicheskom obrazovanii YAroslavskoj oblasti [Reflection of the sustainable development idea in environmental education of the Yaroslavl region], *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 66—70.

В 1992 году Россия в числе 179 государств стала членом программы по обеспечению устойчивого развития. Концепцию перехода к устойчивому развитию в России приняли в 1996 году. В 2016 году Аналитический центр при Правительстве подготовил доклад о человеческом развитии, который посвящен Целям в области устойчивого развития. ООН приняла программу действий в области развития на период после 2015 года, в основе которой — образование для устойчивого развития (ОУР). Одна из задач программы действий — сделать оценку реализации идеи ОУР: акцентировать и укрепить ведущую роль на осознании и понимании идеи ОУР [2], установить готовность педагогов к реализации идеи ОУР [3].

Если мы принимаем за основу концепцию сильной устойчивости, то можно использовать показатель *экологического следа* — площадь продуктивных земель и водных экосистем, которые необходимы для производства всего того, что человечество потребляет, при условии, что оно восстанавливает все экосистемы, которые были нарушены в результате экономической деятельности. Экологическим следом (*ecological footprint*) принято считать показатель давления человеческой деятельности на природу. Он измеряет объем потребляемых людьми ресурсов и производимых ими отходов по отношению к площади продуктивной земли и моря, необходимых для производства указанных ресурсов [4]. Термин был предложен в 1992 году Уильямом Ризом, специалистом по городскому планированию из университета Британской Колумбии. Расчет экологического следа на одного человека представляет собой сумму шести площадей, независимо от того, где именно на планете они находятся: 1) площадь пашни для выращивания зерновых; 2) площадь пастбищ для животноводства; 3) площадь лесов для производства древесины и бумаги; 4) площадь моря для производства рыбы и морепродуктов; 5) площадь, занятая под жилье и инфраструктуру; 6) площадь лесов для абсорбции выбросов CO₂. Рассчитывается экологический след в «мировых» гектарах на душу населения (мга). Всемирная сеть экологического следа (Global Footprint Network) ежегодно рассчитывает величину «экологического следа» для всех стран мира. Так, экологический след среднего потребителя из стран с низкими душевыми доходами в 4 раза ниже соответствующего показателя потребителя из развитых стран мира. Согласно данным 2015 года глобальный экологический след человечества составил 2,7 мга на человека, при том, что планета может дать лишь 1,8 мга на человека [4, 6].

Для оценки экологического следа каждому из студентов предлагалась анкета «Насколько велик Ваш "экологический след"» из 6 блоков: качество жилья; использование энергии; транспорт; питание; использование воды и бумаги; бытовые отходы [5]. Каждый ответ оценивался в баллах. В пункте «Качество жилья» предполагалось деление полученных баллов на всех проживающих на территории квартиры или дома жильцов, поэтому полученные цифры включались только в итоговую сумму баллов. Вопросы теста касались источников электроэнергии в доме (квартире) и способов ее сбережения. Часть опрошенных подтвердила, что всегда выключает бытовые приборы, не оставляя их в дежурном режиме, и гасит свет, выходя из комнаты (44,0 %). Показатели использования транспорта (хождение пешком, на общественном или личном автомобиле, путешествие во время отпуска на самолете или поезде) распределились следующим образом: 68,0 % предпочитают добираться до вуза и/или работы пешком, на велосипеде или городским транспортом, 8,0 % — на автомобиле; путешествовать

на поезде — 45,0 %, на самолете — 4,0 %. Анализ предпочтений в питании свидетельствует, что 80,0 % покупают свежие продукты, из которых сами готовят обед; 8,0 % предпочитают полуфабрикаты, консервы, свежемороженые готовые блюда, нуждающиеся только в разогреве; 16,0 % выбирают готовые или почти готовые к употреблению продукты; 64,0 % едят мясо ежедневно или 2—3 раза в неделю; 12,0 % любят вегетарианскую пищу. Принимают ванную 1—2 раза в неделю (а не ежедневно) 32,0 %, вместо ванны ежедневно используют душ 76,0 %, 8,0 % время от времени поливают приусадебный участок или моют автомобиль водой из шланга. Всегда покупают желаемые книги 24,0 %, ходят в библиотеку или обмениваются книгами с друзьями 40,0 %, выбирают оба варианта — 28,0 %, прочитав газету, выбрасывают ее — 4,0 %, отдают другим для повторного использования — 20,0 %. Сдают макулатуру 16,0 %, выбрасывают в отдельный контейнер пластиковую упаковку 8,0 %, стараются покупать в основном не фасованные, а развесные товары — 40,0 %, 4,0 % использует отходы для удобрения садового участка. Проживание в городе с населением в полмиллиона и более удваивало набранный в тесте результат. В итоге средний размер пространства, необходимого для жизни большинства опрошенных студентов, составил 2,42 мга. Разброс показателей — от 1,053 до 4,92 мга. Исходя из того, что одна наша планета Земля может дать 1,8 мга на человека, то опрошенные нуждаются в среднем в 1,27 планеты. Среди предложений по уменьшению экологического давления на природу использовались: «разделять отходы», «учитывать ценность пресной воды», «предусматривать повторное использование бумаги» и т. д. Все эти выводы абсолютно очевидны, но, к сожалению, не находят должного отражения в образе жизни современных людей [1]. Как показывают данные Всемирной сети экологического следа, человечество потребляет услуги, которые предоставляет ему природа, быстрее, чем успевает восстанавливаться природный потенциал для их производства.

Реализация экологической политики Ярославской области по повышению уровня экологического образования и просвещения достигается посредством обеспечения направленности процесса воспитания и обучения в образовательных организациях на формирование экологически ответственного поведения и экологической культуры [7]. Стратегическими задачами экологического просвещения и формирования экологической культуры являются:

— реализация Закона Ярославской области «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Ярославской области»;

— обеспечение направленности процесса воспитания и обучения в образовательных учреждениях на формирование экологически ответственного поведения, в том числе посредством включения в региональный компонент государственных стандартов требований к формированию основ экологической грамотности у обучающихся;

— включение вопросов формирования экологической культуры, экологического образования и воспитания в региональные образовательные программы;

— разработка системы подготовки и повышения квалификации в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности руководителей организаций и специалистов, ответственных за принятие решений при осуществлении экономической и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду;

— разработка научно-методической литературы для учителей, педагогов дополнительного образования по созданию развивающей эколого-образовательной среды на основе индикаторов устойчивого развития, включающей все направления организации школьной жизни как учащихся, так и учителей, родителей.

По формированию экологической культуры необходимо:

— разработать и внедрить в региональный компонент образовательного стандарта для общеобразовательных школ межпредметный курс «Экология Ярославской области», положения об обязательном преподавании курса «Основы экологии» в образовательных организациях высшего образования независимо от их профиля;

— разработать и внедрить во всех детских садах региона специальную программу по экологическому воспитанию дошкольников;

— создать на базе школ или учреждений дополнительного образования экологические лаборатории по мониторингу окружающей среды.

Среди студентов первого курса ЯГПУ им. К. Д. Ушинского факультета социального управления был проведен тест на определение сформированности уровня экологической культуры. Участвовал 41 студент, направление обучения: социальная работа, организация работы с молодежью, психолого-педагогическое образование. Высокий уровень сформированности экологической культуры показали 50 % из тестируемых (17 баллов и выше), 30 % — средний уровень (11—16 баллов), 20 % — низкий уровень (до 10 баллов). В частности, были следующие ответы:

вопрос 1. Каков мотив участия в природоохранных мероприятиях:

в) считаю своим долгом помочь природе;

вопрос 2. Какова роль экологических знаний в жизнедеятельности человека:

в) экологические знания дают возможность оценить экологическую ситуацию и найти пути решения проблемы;

вопрос 3. При участии в мероприятиях по охране и восстановлению природы для меня главное:

в) помочь природе;

вопрос 4. Правила поведения в природе я воспринимаю как:

в) жизненные ориентации;

вопрос 5. В процессе природоохранной деятельности мне важно:

в) внести свой собственный вклад в сохранение природы;

вопрос 6. Если бы тебе представилась возможность решить право на жизнь змей, как бы лично ты:

в) оставил все как есть в природе;

вопрос 7. После того как экологическая проблема рассмотрена на занятии:

в) возвращаюсь к проблеме, ищу самостоятельно в литературе новые аргументы, пытаюсь сам найти пути решения;

вопрос 8. В процессе загородной поездки на природу для меня важно:

в) любоваться природой, выразить природу в сильном творчестве (рисунков, сочинение и т. д.).

Таким образом, в настоящее время образование устойчивого развития в Ярославской области предстоит расширить на основе системы мониторинга экологического образования, чтобы проводить анализ уровня идеи ОУР.

Библиографический список

1. Безух К. Е., Мамедова Д. Д. Анализ результатов анкетирования студентов ЕГФ по методике «Экологический след» // *Естествознание: исследования и обучение: материалы конференции «Чтения Ушинского» / ЯГПУ. Ярославль, 2018. С. 41—45.*
2. Ермаков Д. С. Оценка прогресса и перспектив образования для устойчивого развития в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 2. С. 99—104.*
3. Ермаков Д. С. Готовность педагогов к реализации образования устойчивого развития // *Педагогическое образование в России. 2016. № 2. С. 30—36*
4. Россияне получили «счет» от планеты Земля. URL: <https://new.wwf.ru/resources/news/iz-zhizni-fonda/rossiyane-poluchili-schet-ot-planety-zemlya/> (дата обращения: 23.11.2019).
5. Экологический след России и россиян / под ред. Д. А. Славинского, С. А. Черниковой. СПб.: ВВМ, 2005. 24 с.
6. Экологический след. URL: <https://new.wwf.ru/what-we-do/green-economy/ecological-footprint/> (дата обращения: 23.11.2019).
7. Утверждена концепция новой экологической политики Ярославской области. URL: https://www.yarregion.ru/depts/doosp/tmppages_copy/news.aspx?newsID=153/ (дата обращения 23.11.2019).

References

- Bezukh, K. E. (2018) Analiz rezul'tatov anketirovaniya studentov YEGF po metodike «Ekologicheskij sled» [Analysis of the results of the questionnaire survey of EHF students according to the methodology "Ecological footprint"], in Bezukh, K. E. Mamedova, D. D. (eds.) *Yestestvoznaniye: issledovaniya i obucheniye* [Science: research and teaching], Yaroslavl', Izdatel'stvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 41—45.
- Ermakov, D. S. (2010) Ocenka progressa i perspektiv obrazovaniya dlya ustojchivogo razvitiya v Rossii [Assessment of progress and prospects of education for sustainable development in Russia], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], no. 2, pp. 99—104.
- Ermakov, D. S. (2016) Gotovnost' pedagogov k realizacii obrazovaniya ustojchivogo razvitiya [The willingness of teachers to implement education for sustainable development], *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical education in Russia], no. 2, pp. 30—36.
- Slavinskii, D. A., Chernikova, S. A. (eds.) (2005) *Ekologicheskij sled Rossii i rossiyan* [Ecological footprint of Russia and Russians], St. Petersburg: VVM.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Суворова Галина Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, suvorova@76.ru

Information about the author

Suvorova Galina Mikhailovna — Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, suvorova@76.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

УДК 165
ББК 87.228.1

Ф. И. Карташкова, Е. А. Вансяцкая

ТИПЫ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД (К ПРОБЛЕМЕ КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОГО ОПИСАНИЯ)

Для более адекватного понимания языка как средства трансляции мыслей в процессе когниции наряду со знаниями о мире представляется возможным выделить разные типы знаний о языке. Исходя из положения Л. В. Щербы о том, что существуют различия между индивидуальным и социальным, можно говорить о мыслительной языковой и речемыслительных типах ментальной деятельности. Первый из них относится к собственно языковым процессам и отражает их динамику, а второй — к социальной интеракции.

Ключевые слова: ментальный процесс, индивидуальное и социальное, когниция, деятельность.

F. I. Kartashkova, Ye. A. Vansyatskaya

TYPES OF MENTAL PROCESSES: ACTIVITY APPROACH (THE PROBLEM OF COGNITIVE ASPECTS OF LANGUAGE DESCRIPTION)

For a more adequate understanding of a language as a means of idea transfer in a cognition process it is necessary to define not only knowledge about the world but also different types of knowledge about a language. Taking into account L. V. Tscherba's point that there exist differences between the individual and the social, it is possible to speak about two types of mental activity: mental-linguistic and mental-verbal. The former refers to language processes themselves and reflect their dynamics, the latter — is connected with social interaction.

Key words: mental process, the individual and the social, cognition, activity.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.71-77

Ссылка для цитирования: Карташкова Ф. И., Вансяцкая Е. А. Типы ментальных процессов: деятельностный подход (к проблеме когнитивных аспектов языкового описания) // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 71—77.

Citation Link: Kartashkova, F. I., Vansyatskaya, Ye. A. (2020) Tipy mental'nykh protsessov: deyatel'nostnyy podkhod (k probleme kognitivnykh aspektov yazykovogo opisaniya) [Types of mental processes: activity approach (to the problem of cognitive aspects of language description)], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 71—77.

© Карташкова Ф. И., Вансяцкая Е. А., 2020

Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 71—77 •

Всякое познание, по мнению ряда философов и лингвистов, неразрывно связано с языком; без языка невозможно становление знания о структуре действительности. В фокусе внимания ученых различных гуманитарных наук в последнее время все чаще оказываются различные вопросы: как именно человек входит в мир языка и коммуникативных норм, как они, в свою очередь, взаимодействуют с познавательными и аффективно-мотивационными структурами его психики. Подобные исследования отражают возросший интерес к изучению того, как человек, который живет в мире, осваивает и познает этот мир. Роль языка, прежде всего, как средства передачи мысли в познании мира трудно переоценить, однако, как признают ученые в последние десятилетия в рамках новой междисциплинарной когнитивной науки, знания, используемые при декодировании языка, кроме знаний о мире, включают также и разнообразные знания о языке. В свете этого становится понятно, почему изучение способов взаимодействия и организации всех типов знаний, используемых в ходе языкового общения, оказалось в фокусе внимания ученых, работающих в области когнитологии.

Первым, кто обратил внимание на тот факт, что адекватное описание языка возможно лишь путем изучения языковых процессов, протекающих в сознании человека, был Л. В. Щерба. Исходя из методологически принципиального разграничения индивидуального и социального, предложенного ученым, мы полагаем возможным говорить о мыслительной языковой деятельности, при описании которой акцент делается на собственно языковых процессах, с одной стороны, и о речемыслительной деятельности, в центре которой находится социальное взаимодействие. Данное противопоставление (в известной мере вызванное необходимостью более четко разграничить различные виды ментальной языковой деятельности — мыслительной языковой и речемыслительной) не вступает, на наш взгляд, в противоречие с тремя аспектами языковых явлений, выделенных Л. В. Щербой.

К первому аспекту ученый относил, как известно, процессы говорения и понимания, или речевую деятельность: «процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем «языком», и обуславливают возможность процессов говорения» [8, с. 24].

Второй аспект языковых явлений составляет языковая система, то есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, которые возникают под влиянием конкретного языкового материала [8, с. 28].

В качестве третьего аспекта выступает языковой материал, представляющий собой неупорядоченный лингвистический материал: в этой связи Л. В. Щерба писал: «все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции «языковым материалом» [8, с. 25].

Следует подчеркнуть, что в отличие от Ф. де Соссюра, для которого язык есть социальное явление, а речь — индивидуальное, Л. В. Щерба говорил о социальной природе языка в целом во всех его аспектах. Так, он подчеркивал, что хотя единичные процессы говорения и понимания сами по себе являются чисто биологическими (в какой-то мере и психологическими), однако они становятся

языком лишь в условиях общественной жизни их носителей, а потому язык в целом следует считать социальным явлением. Эта социальная природа языка и сказывается в единстве процессов говорения и понимания [8, с. 16]. Ученый считал бесспорным тот факт, что «сама психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом» [8, с. 25].

Таким образом, если во главу угла поставить социальную детерминированность того, что Л. В. Щерба называл языковым материалом (то есть совокупность говоримого и понимаемого), то можно говорить, как представляется, о речемыслительной деятельности человека. Как процессы говорения, так и процессы понимания в рамках теории речевой деятельности были определены как виды речевой деятельности в общей сфере коммуникативно-общественной деятельности людей, что по сути совпадает с трактовкой речевой деятельности Л. В. Щербой.

Осознание социального характера языковой способности человека, понимание социального как того, что усваивается человеком в ходе онтогенетического развития, может быть в известном смысле (в целях более полного исследования речемыслительной деятельности человека) противопоставлено изучению того, что берет человек из языка, в каком виде он черпает сведения о языке, что он сам привносит в порождаемое высказывание. Обсуждая данный круг вопросов, мы следуем идеям Л. В. Щербы, который полагал, что дать адекватное описание синхронного состояния языка можно только изучая языковые процессы, протекающие в сознании человека, причем синхронное состояние языка представлялось ученому не статическим, а динамическим [8, с. 35].

Предметом особой важности считал реконструкцию процессов речевой деятельности, опосредующих переход от элементов сознания к речевым текстам в процессе мышления-говорения и от готовых текстов к элементам сознания в процессе слушания-понимания, и известный отечественный лингвист С. Д. Кацнельсон. При этом ученый также исходил из функционального понимания языка как динамической структуры, служащей целям отчуждения и усвоения мыслительной информации [2, с. 142].

Задачу выяснить природу мыслительных процессов, предвещающих речь, поставила перед собой Е. С. Кубрякова. При этом автор рассуждает следующим образом: тот факт, что мышление представляет собой интеллектуальный поиск, выход из любой проблемной ситуации, служит доказательством деятельности сознания, а следовательно, и динамики языковых мозговых структур [3, с. 51]. В этой связи подчеркнем важность для обсуждаемого вопроса о мыслительно-языковой деятельности понятия внутреннего слова, которое рассматривается в динамике перехода внутренней речи на внешний план. Данное понятие, бесспорно, является одним из ключевых в исследовании проблемы порождения речи. Особую важность понятие внутреннего лексикона приобретает при исследовании глубинных механизмов номинации.

Важным компонентом ментальной деятельности человека, наряду с языком мозга (*lingua mentalis*) и языком мысли (универсально-предметным кодом по Н. И. Жинкину) Е. С. Кубрякова считает внутренний лексикон, под которым автор понимает особым образом вербализованные знания, знания, опосредованные языком и знания о языке и его единицах.

Необходимо отметить, что Е. С. Кубрякова придерживается расширительного понимания внутреннего лексикона — как совокупности вербальных сетей, имеющих подвижный характер. Стимулом, который активизирует определенный участок этих сетей, или другими словами, пусковым механизмом процесса речи служит интенция говорящего.

Мыслительная деятельность, предшествующая речевому высказыванию, может иметь место на предметно-схемном уровне, когда сознание активизирует невербальный слой памяти (подробнее об этом см.: [6]) или же на вербальном уровне, когда активизируется вербализованная часть концептуальной системы человека, что и приводит в движение вербальные сети [3, с. 91].

Основу внутреннего лексикона составляют вербальные сети, которые материализуют объективно существующий язык, в существенной части одинаковый у людей, говорящих на одном языке и которые далее используются в моделях динамических состояний, когда по ходу речевого процесса активизируются одни и тормозятся другие структуры указанных вербальных сетей.

Рассматривая понятие внутреннего лексикона, предложенного Е. С. Кубряковой, представляется особенно важным в соответствии с целями и задачами настоящей статьи подчеркнуть подвижный, динамический характер лексикона. Единицы лексикона, указывает Е. С. Кубрякова, постоянно участвуют в деятельности, а само строение лексикона обеспечивает функциональную сторону своих единиц, легкость их использования в актах порождения речи и восприятия речи [3, с. 104]. Таким образом, внутренний лексикон представляет собой динамическую систему, характеризующуюся определенным строением и структурой и ответственную за все операции со словом. Здесь мы вплотную подходим к вопросу, который возникает каждый раз, когда речь идет о путях формирования высказывания.

В концепции Е. С. Кубряковой формирование высказывания начинается с внутреннего слова; иначе говоря, построение коммуникативных единиц начинается с номинационных процессов, что представляется особо важным в соответствии с целью данной работы. Исходя из тезиса, высказанного Л. С. Выготским, относительно того, что «всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то» [1, с. 376], Е. С. Кубрякова полагает, что данный глубинный процесс отражается во внутренней речи в нахождении внутреннего слова или группы слов, выполняющих функции обозначения любого из компонентов подобной мысли. В такой трактовке любое внутреннее слово оказывается опорным, или ключевым, то есть предопределяющим развертывание будущего высказывания.

Итак, в качестве составной части речевой деятельности можно рассматривать собственно языковую, или мыслительноречевую, деятельность, которая отражает индивидуальное начало говорящего человека. В данной ситуации акцент ставится на динамику речевых процессов, точнее говоря, внутренних языковых процессов, что, безусловно, не покрывает всю речевую деятельность человека. Мыслительной деятельности предшествует этап, на котором активизирующееся сознание принимает решение высказать нечто и когда в преддверии акта речи совершается формирование мысли и планирование речевого высказывания. При этом говорящий выступает как представитель человеческого рода, отличающийся от других живых существ и наделенный совокупностью биологических, физических, физиологических, психологических и прочих существенных характеристик. Вместе с тем необходимо помнить, что, как

отмечается в философских трудах, «мышление реально существует как развивающееся мышление бесчисленных индивидов прошлого, настоящего и будущего и все значения и понятия социальны, интерсубъективны, иначе они не могли бы быть сообщены и поняты» [6, с. 298].

Главная особенность другого вида речевой деятельности заключается в том, что в данном ракурсе в говорящем человеке акцентируется его общественная направленность, его тесная связь с тем социумом, в рамках которого он существует. Суть данного — речемыслительного вида деятельности — наилучшим образом объясняет теория речевой деятельности, разработанная отечественными учеными.

Важной чертой речевой деятельности является то, что она представляет собой основной вид знаковой деятельности, который логически и генетически предшествует остальным ее видам. Речь как составная часть деятельности более высокого порядка представляет собой не замкнутый акт деятельности, а совокупность речевых действий, которые представляют собой «своего рода взаимодействие общих характеристик деятельности и конкретных условий и обстоятельств ее осуществления» [4, с. 26]. Ученый полагает, что общая операционная структура речевого действия может быть представлена следующим образом:

- 1) звено ориентировки;
- 2) звено программирования (программа существует в «предметно-изобразительном коде» в терминологии Н. И. Жинкина);
- 3) переход от программы к реализации в языковом коде, которую обеспечивает ряд важных механизмов.

Теория деятельности, разработанная А. Леонтьевым и его последователями, явилась психологической интерпретацией материалистического понимания деятельностного подхода к объяснению природы и общества, что, в свою очередь, позволило создать объяснительные схемы анализа социальной обусловленности речевого общения [4, 5].

Концепция отечественного философа Л. Ф. Чертова вписывает знаки и знаковую деятельность в систему человеческой деятельности. Исследователь показал, что одним из важнейших свойств информационных процессов, включенных в систему человеческой деятельности, является дифференциация субъектно-объектных и субъектно-субъектных связей. Именно это и отличает знаковую коммуникацию между людьми от сигнально-индексальной коммуникации животных.

Философ Л. Ф. Чертов пишет: «Всякий коммуникативный акт реализует некоторое предварительное «коммуникативное намерение». Оно может быть произвольно осуществлено субъектом в тот или иной момент времени или, наоборот, заторможено им. Даже когда выражаются только эмоции человека, близкие, казалось бы, содержанию коммуникации животных, используемые людьми для выражения этих эмоций знаки не могут быть сведены к генетически исходным для них естественным симптомам и признакам... В той мере, в какой они действительно являются знаками, они уже перестают быть подлинными «индексами» (по Пирсу), а намеренно создаются субъектом по правилам принятого в культуре кода, отличающегося от «естественного» кода произвольностью «выразительных движений» [7, с. 211]. К специфическим особенностям знаковых средств коммуникации автор относит также и способность выражать заведомо ложные или недостоверные суждения.

Особое внимание уделяется пониманию «информационной реакции» на полученное от другого субъекта сообщение, понимание смысла которого требует от субъекта-«приемника» такой же готовности к усвоению чужой мысли, как и готовность «отправителя» реализовать свое «коммуникативное намерение». Данные положения позволяют автору сделать вывод о том, что «как в начальном, так и конечном звене коммуникативной знаковой цепи обнаруживается та свобода сознательного управления поведением, то есть та «произвольность» действия, которая отличает действия субъекта вообще и его коммуникативные действия в частности [7, с. 212].

Следующим важным моментом обсуждаемой концепции является осмысление того факта, что знаковая коммуникация между людьми строится как такая информационная связь, в которой и источник, и приемник участвуют как субъекты деятельности. Способность понять смысловое содержание знакового сообщения, «реконструируя» мысль субъекта-отправителя с помощью общего с ним культурного кода, определяет статус адресата коммуникативной связи как субъекта деятельности. Таким образом, коммуникация между людьми понимается как информационная связь субъектов деятельности, которые трансформируют функции источника и приемника сообщения в «роли совместно действующих партнеров коммуникации». Л. Ф. Чертов подчеркивает, что диалектика субъектно-субъектных отношений состоит в том, что, интерпретируя знаковое сообщение, «человек не может оказаться в позиции объекта или средства деятельности иначе, чем через серию своих сознательных действий по осмыслению этого сообщения, в которых он выступает уже в качестве субъекта деятельности» [7, с. 214].

Язык — это явление, характеризующееся тем, что оно присуще только человеку, а человек отличается от других живых существ тем, что владеет языком. Развивая данную мысль, можно сказать, что мыслительная языковая тип ментальной деятельности направлен на изучение языкового процесса и отражает индивидуальное, в то время как речемыслительный тип направлен на изучение факторов, влияющих на речевые процессы. И это находит отражение в социальной деятельности человека.

Библиографический список

1. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. 519 с.
2. *Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 218 с.
3. *Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В.* Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.
4. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 2007. 214 с.
5. Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. 368 с.
6. *Портнов А. Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 371 с.
7. *Чертов Л. Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. 388 с.
8. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: URSS, 2007. 432 с.

References

Chertov, L. F. (1993) *Znakovost': opyt teoreticheskogo sinteza idey o znakovom sposobe informatsionnoy svyazi* [Signity: an experience of theoretical synthesis of ideas about the sign method of information communication], St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Katsnel'son, S. D. (2009) *Obshcheye i tipologicheskoye yazykoznanie* [General and typological linguistics], Moscow: LIBROKOM.

Kubryakova, E. S., Shakhnarovich, A. M., Sakharney, L. V. (1991) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazyk i porozhdeniye rechi* [Human factor in language: Language and speech generation], Moscow: Nauka.

Leont'yev, A. A. (ed.) (1974) *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity], Moscow: Nauka.

Leont'yev, A. A. (2007) *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity], Moscow: Prosveshcheniye.

Portnov, A. N. (1994) *Yazyk i soznaniye: osnovnyye paradigmy issledovaniya problemy v filo-sofii XIX—XX vv.* [Language and Consciousness: the Basic Paradigms of Problem Research in Philosophy of the 19th—20th Centuries], Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet.

Shcherba, L. V. (2007) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity], Moscow: URSS.

Vygotskiy, L. S. (1956) *Izbrannyye psikhologicheskiye issledovaniya* [Selected Psychological Research], Moscow: Izdatel'stvo Akademii Pedagogicheskikh nauk Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki (RSFSR).

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторах

Карташкова Фаина Иосифовна — доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kartashkova@rambler.ru

Вансяцкая Елена Александровна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, e_vansyatskaya@yahoo.com

Information about the authors

Kartashkova Faina Iosifovna — Dr. Sc. (Philology), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kartashkova@rambler.ru

Vansyatskaya Elena Aleksandrovna — Cand. Sc. (Philology), Head of Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, e_vansyatskaya@yahoo.com

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)64-00

Н. П. Крохина

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РЕЦЕПЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XX ВЕКА

Тема антропологического кризиса объединяет отечественных писателей конца XX века самых разных художественных ориентаций. Литература исследует мутации и симуляции общественного сознания, поколенческую деградацию и потерю идентичности, феномен жестокости и экзистенциальной усталости современного человека. Если литература Серебряного века противопоставляла общественному хаосу бессмертные истины христианства как религии свободы и любви, литература конца XX века показывает, как нельзя искупить жестокость жертвой хриstopодобного героя: жертва не спасает, а становится бессмысленной.

Ключевые слова: антропологический кризис, мутации, хаос-космос, дегуманизация.

N. P. Krokhina

ANTHROPOLOGICAL CRISIS IN THE RECEPTION OF RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE TWENTIETH CENTURY

The topic of the anthropological crisis unites domestic writers of the late twentieth century in a variety of artistic orientations. Literature examines mutations and simulations of social consciousness, generational degradation and loss of identity, the phenomenon of cruelty and existential fatigue of modern man. If the literature of the Silver Age contrasted the social chaos with the immortal truths of Christianity as a religion of freedom and love, the literature of the end of the twentieth century shows how cruelty cannot be redeemed by the victim of a Christ-like hero: the victim does not save, but becomes meaningless.

Key words: anthropological crisis, mutations, chaos-cosmos, dehumanization.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.78-83

Ссылка для цитирования: Крохина Н. П. Антропологический кризис в рецепции отечественной литературы конца XX века // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 78—83.

Citation Link: Krokhina, N. P. (2020) Antropologicheskij krizis v recepcii otechestvennoj literatury konca XX veka [Anthropological crisis in the reception of Russian literature at the end of the XX century], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 78—83.

© Крохина Н. П., 2020

Тема антропологического кризиса объединяет отечественных писателей конца XX века самых разных художественных ориентаций — реалистов, постреалистов и постмодернистов. Антиутопия конца XX века исследует необратимые мутации человеческого сознания — после Взрыва (Т. Толстая «Кысь»). И не только сознания, но и внешнего вида голубчиков-мутантов: у кого жабры, у кого петушиные гребни по всей голове, у главного героя Бенедикта — хвостик, у Оленьки и ее семейства — когти. Мир вернулся в средневековое состояние. Старопечатные книги сжигают санитары. Бенедикт, главный герой, и переписывавшая книги, и читая их — без разбора, без числа — пытается приобщиться к прежней культуре, но ничего не получается. Смыслы утрачены, перевернуты. «Жили были дед да баба, — строчил Бенедикт, — и была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко, не простое, а золотое... Да, Последствия! У всех Последствия!» [12, с. 40]. Роман пронизывает тема разрыва связи времен. Человек становится мутантом духа. «Отчего это у нас всё мутирует!.. Язык, понятия, смысл... Всё вывернуто!» [12, с. 273]. Главная причина в сказочно-пародийном романе Толстой — «мясорубка истории» [12, с. 159].

Вторая причина необратимых мутаций, вторая беда XX века — нарушение «совершенного круга природы и бытия», говоря словами героя романа А. Битова «Пушкинский дом» [5, с. 62]. Или говоря языком Г. Гачева — «ургия» заменила «гонюю»: насильственная переделка мира и человека заменила естественный ход вещей и привела к необратимым последствиям. Роман Битова — о поколенческой деградации: от героя-нонконформиста, деда, выразителя культуры Серебряного века к внуку-конформисту, живущему в мире симуляции, тотальной подмены истинных ценностей ложными. Дед Модест Одоевцев, пройдя ссылку, размышляет: «Принято, что человечество набрело на путь прогресса, меж тем как оно сбрело со своего пути... Задача разума — успеть во что бы то ни стало, до критической точки (необратимости) разорения Земли прогрессом, развенчать все ложные понятия» [5, с. 64—65].

«Совершенный круг природы и бытия» изображен в романе Анат. Кима «Отец-Лес». Все три поколения Тураевых возвращаются в спасительный Отец-Лес. В романе противопоставлены хаос человеческой жизни, человеческого леса и космос жизни природы, Отца-Леса: «то временное и человеческое, почти до смерти замученное войной, пленом, концлагерями, гноем и сукровицей ран, беспощадностью людей, согнанных в огромных количествах, чтобы убивать друг друга... теперь захвачено и растворено иной стихией, которая не ведает ни пощады, ни беспощадности и вечно пребывает в самой себе, отринув время, историю, смерть одинокого человека» [9, с. 16]. Сына Степана Тураева Отец-Лес возрождает к жизни. «Лес растворял их души субстанцией, в которой не было ощущения быстротекущего времени, разлагал их волю к самоутверждению... Человек жил и дышал всей глубиной необъятной зелёной груди тысячелетнего Леса» [9, с. 28]. В романе Кима также звучит тема человечества, которое «сбрело со своего пути». Внук Глеб Тураев полагал, что «человечество на Земле выпало именно из того Леса, как птенцы выпадают из гнезда», став строителем «Вавилонской башни» [9, с. 49, 283]. Системе гармонических закономерностей космоса противостоит человеческий «дебилизм ненависти» [9, с. 115], человеческая история, наполненная бесконечной борьбой — империй, цивилизаций,

идеологий, «страстью самоистребления» [9, с. 145] — «мясорубка истории» (Т. Толстая). «Энергия саморазрушения начала бушевать в Лесах человечества» [9, с. 145]. И во всех видах кровавой борьбы человечество терпит поражение. Если для деда, человека Серебряного века Николая Тураева, «в человеке явлен Бог» [9, с. 205], то для сына, прошедшего концлагерь, и внука, причастного к разработке оружия массового поражения, «человечество сошло с ума» [9, с. 289]: в своём истреблении Леса, поругании Деметры (Матери-Земли), попытке самоубийства через войны.

Литература Серебряного века общественному хаосу, мареву противопоставляла бессмертные истины христианства как религии свободы и любви: К. Бальмонт «Марев», Б. Пастернак «Доктор Живаго» («жизнь символична ибо значительна»). В литературе конца XX века и христианская традиция мутирует. Распятие нового Христа не завершается воскрешением. Героя ждет только Голгофа — и в поэме Вен. Ерофеева «Москва — Петушки», и в романе Ч. Айтматова «Плаха». В обоих романах Айтматова конца XX века («Плаха» и «Тавро Кассандры»), названных апокалиптической дилогией, полюс космоса поглощен общественным хаосом. Конец света «от вражды людей грядёт» — от их сверхволчьей жестокости. «Подлинная история, история расцвета человечности, ещё не началась на земле» [1, с. 561, 557]. Если «Плаха» повествует о трагической судьбе двух главных героев в их столкновении с общественным злом и о поражении христороподобного героя, «Тавро Кассандры» — роман планетарного масштаба, роман о перспективах современной глобальной цивилизации. Рост социальной энтропии символизируют киты, которые выбрасываются на берег, — «реакция мирового разума на земные события» [2, с. 43]; Кассандро-эмбрионы, не желающие родиться, — «следствие всё возрастающей концентрации зла в поколениях» [2, с. 62], ибо зло, совершённое субъектом, остаётся в генетической памяти; обезумевшая толпа. «Конец света — в непрерывном накоплении зла в нас самих, в наших деяниях и мыслях» [2, с. 169]. Эсхатологическими мотивами пронизан и роман Л. Леонова «Пирамида»: творение человека — ошибка Бога во вселенской борьбе сил добра и зла.

Духовный кризис современного мира осмысляет трилогия Ю. Бондарева «Берег», «Выбор», «Игра». В своих романах-дискуссиях писатель размышляет об обесценении слова и человека в современном мире: «Современному миру машин не нужны ни Шекспир, ни Толстой, ни Достоевский», «Сейчас в мире никому не нужен человек», «люди потеряли веру в самих себя» [6, с. 260, 343, 363]. Примитивнее становятся их чувства. «Чего достойны люди — ненависти, лечения, наказания? — размышляет главный герой романа «Выбор» художник Васильев. — Кто они, люди? Венцы творения, цари мироздания или раковые клетки на теле земли?.. Всё приобрело смысл, который не имеет смысла» [6, с. 521]. И вновь звучит тема заблудшего человечества: «Сумасшедшее человечество утратило высший смысл своего существования и заблудилось... Найдёт ли и спасет себя само человечество? Оно дискредитировало себя» [6, с. 530]. Современная цивилизация повела мир «по ложному пути». Мутировавшая современность измеряется ценностями военного поколения: «В войну погиб цвет народа. В живых из лучших сохранились немногие. А дети не стали лучше отцов» [6, с. 713].

Один из самых ярких представителей «поколения сорокалетних», поколения, в отличие от шестидесятников, лишённого иллюзий, Вл. Маканин в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» представляет этого героя нашего времени. Им становится человек андеграунда, потенциальный писатель, живущий в эпоху обесценения слова. «Мы — подсознание России» [10, с. 203]. В нем соединяются лишний человек М. Ю. Лермонтова и подпольный человек Ф. М. Достоевского. Что же открывается этому «подсознанию России», герою, который отстраняет себя от окружающей жизни, становится не ее участником, а наблюдателем? Открывается экзистенциальная усталость русского человека конца XX века, как будто действительно его главная жилочка перекушена мифической Кысью. Наблюдая вереницу людей, идущих к утреннему троллейбусу, герой романа Маканина размышляет: «Неужели эти же люди когда-то шли и шли, пешие, яростные, неостановимые первооткрыватели, на Урал и в Сибирь?.. Этого не может быть» [10, с. 228]. Настолько человек изменился в катаклизмах XX века. «Мелкие, бледные картофельные ростки... Как это их предкам удалось добраться до Берингова пролива, до золотой Аляски, включая её саму, если сегодня потомкам так трудно войти две ступеньки в троллейбус» [10, с. 229]. Здесь уже не духовными горизонтами Серебряного века измеряется мутировавшая современность и не ценностями военного поколения, как у Ю. Бондарева, а необъятными российскими просторами: «Пространства высосали их для себя, для своего размаха — для своей шири. А люди, как оболочки, пусты и продуваемы... работать трудно; жить трудно» [10, с. 229]. Герой Маканина вспоминает песню отца на слова Н. Некрасова о «несжатой полосе», о работе, затеянной «не по силам». Уже не спасительный Отец-Лес обволакивает человека, а невыносимые, вампирические пространства. Экзистенциально уставший человек у Маканина «уже не взорвётся Словом..., не заговорит про Бога» [10, с. 395]. Он способен на преступление, и он же — пациент психушки. «Бесконечный, неостановимый поток истинно вольной речи» [7, с. 229] творит «благую весть» поэмы Вен. Ерофеева, героя реального литературного андеграунда. Но оба героя — и Маканина, и Ерофеева — проходят свой крестный путь на Голгофу. Таким образом, в литературе конца XX века звучат апокалиптические мотивы.

Тема необратимого духовно-нравственного распада народной жизни наиболее остро заявлена в прозе позднего В. Астафьева («Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Печальный детектив»): «Деревня наша рассеялась... Вчерашние крестьяне стали ничем, потеряли основу жизни, своё хозяйство и сделались межедомками» [4, с. 771]. Энциклопедией интеллектуальной жизни России конца XX — начала XXI века называют романы В. Пелевина, в которых «есть всё, кроме слова Бог». Героем его провокативных текстов становится человек, потерявший и ищущий свою идентичность, потерявшийся в пустыне смыслов современной цивилизации. Яркой выразительницей антропологического кризиса в литературе рубежа XX—XXI веков является проза и драматургия Л. Петрушевской с ее бытовым и бытийным абсурдом, катастрофическим отсутствием любви в этом мире, отчуждением, гротескным смешением живого и мертвого, человеческого и животного.

Антропологический кризис отражается и в семантике столиц в литературе конца XX века. У А. Вознесенского «Питер» при многократном повторении —

«питерпитерпитерпитер» — превращается в «Терпи». «Мы — утопленники утопии», — писал поэт еще в «Лонжюмо». Об «утопленниках утопии» иронически повествует роман В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» с его пародийной мифологией: Москва Ква-Ква — топь утопии [3, с. 206].

С темой кризиса гуманизма (А. Блок «Крушение гуманизма») русская литература входила в XX век, и на исходе этого века литература свидетельствует о нарастании дегуманизации современного мира. Сошлюсь на прогноз М. Веллера: «В XXI веке мы переходим от человеческой цивилизации к цивилизации киборгов, компьютеров, машин, когда человек делается всё менее нужным... Всё это приведёт к тому, то мы будем жить в мире не совсем человеческом и весьма негуманном уже в конце XXI века» [11, с. 8—9]. Если видеть свет в конце туннеля и говорить о глобальном переходе к новому типу сознания и цивилизации, можно сослаться на мнение Вяч. Иванова: «человек должен так раздвинуть грани своего сознания в целое, что прежняя мера человеческого будет казаться ему тесным коконом... То, что ныне мы называем гуманизмом... должно умереть... и гуманизм умирает». Но для Иванова эта смерть гуманизма означала расширение сознания, «новое чувство богоприсутствия» [8, с. 106], которого так недостает современной литературе.

Библиографический список

1. *Айтматов Ч.* Плаха: Роман. М.: Художественная литература, 1988. С. 414—700.
2. *Айтматов Ч.* Тавро Кассандры. М.: Эксмо, 1995. С. 5—222.
3. *Аксёнов В.* Москва. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
4. *Астафьев В.* Последний поклон. М.: Молодая гвардия, 2003. 800 с.
5. *Битов А.* Пушкинский дом: роман. М.: Современник, 1989. 399 с.
6. *Бондарев Ю.* Берег, Выбор, Игра: романы. М.: Советский писатель, 1988. 752 с.
7. *Генис А.* Благая Весть. Вен. Ерофеев // Звезда. 1997. № 6. С. 227—229.
8. *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 102—112.
9. *Ким А.* Отец-Лес: роман-притча. М.: Терра, 2002. С. 6—306.
10. *Маканин В.* Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Вагриус, 1999. 558 с.
11. *Передельватель Вселенной: беседа с М. Веллером // Литературная газета.* 2018. № 20. С. 8—9.
12. *Толстая Т.* Кысь: роман. М.: Подкова, 2001. 384 с.

References

- Ajtmatov, Ch. (1988) *Plaha: Roman* [Plakha: Novel], Moscow: Hudozhestvennaya literature.
- Ajtmatov, Ch. (1995) *Tavro Kassandry* [Tavro kassandry], Moscow: Eksmo.
- Aksyonov, V. (2006) *Moskva* [Moscow], Moscow: Eksmo.
- Astaf'ev, V. (2003) *Poslednij poklon* [Last bow], Moscow: Young Guard.
- Bitov, A. (1989) *Pushkinskij dom: roman*. [Pushkin House: Novel], Moscow: Sovremennik.
- Bondarev, Yu. (1988) *Bereg, Vybor, Igra: Romany* [Beach, Choice, Game: Novels], Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Genis, A. (1997) *Blagaya Vest'*. Ven. Erofeev [Good News. Ven. Erofeev], *Zvezda* [Star], no. 6, pp. 227—229.
- Ivanov, Vyach. (1994) *Kruchi: o krizise gumanizma* [Kruchi: on the crisis of humanism], Ivanov, Vyach *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal], Moscow: Respublica.

- Kim, A. (2002) *Otec-Les: Roman-pritcha* [Father-Les: Novel-parable], Moscow: Terra.
- Makanin, V. (1999) *Andegraund, ili Geroj nashego vremeni* [Underground, or a hero of our time], Moscow: Vagrius.
- Peredelyvatel' Vselennoj: Beseda s M. Vellerom [Rework of the Universe: Conversation with M. Weller] (2018), *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], no. 20.
- Tolstaya, T. (2001) *Kys': Roman* [Kys: Roman], Moscow: Podkova.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Крохина Надежда Павловна — доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Information about the author

Krokhina Nadezhda Pavlovna — Dr. Sc. (Philology), Professor, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russian Federation, nadin.kro@mail.ru

УДК 111
ББК 87.1

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

КОСМОС КОСТРОМСКОЙ ИЗБЫ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЛОКУС В НООСФЕРНОЙ ДИНАМИКЕ

Статья посвящена рассмотрению культурологического измерения ноосферных войн, пронзивших XX век и увековеченных в искусстве. В качестве предмета анализа избран рассказ-зарисовка Юрия Николаевича Куранова, через который авторы указывают на космологический символизм деревенского дома, на связь идиллического и эсхатологического бытийных планов и сотериологическую возможность, заложенную в опыте Начала. Показано, что Дом — есть собирательный образ всего смысла человеческой жизни. Сделан вывод об эсхатологической невозможности обустройства человечества изнутри всемирной истории и неизбежности духовного поиска.

Ключевые слова: ноосферные войны, космос, дом, метафизика, лес, поле, имя, бездомность.

V. P. Okeansky, Zh. L. Okeanskaya

THE UNIVERSE OF KOSTROMA PEASANT'S HOUSE: THE SYMBOLIC LOCUS IN THE NOOSPHERE DYNAMICS

The article is devoted to the consideration of the culturological dimension of the noospheric wars that pierced the 20th century and immortalized in art. The subject of analysis is a sketch-story by Yuri Nikolaevich Kuranov, through which the authors point to the cosmological symbolism of a peasant's house, the connection between the idyllic and eschatological existential plans and the soteriological possibility inherent in the experience of the Beginning. It is shown that the House is a collective image of the whole meaning of human life. The conclusion is made about the eschatological impossibility of arranging humanity from within world history and the inevitability of spiritual search.

Key words: noospheric wars, space, home, metaphysics, forest, field, name, homeless.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.84-91

Ссылка для цитирования: Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Космос костромской избы: символический локус в ноосферной динамике // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 84—91.

Citation Link: Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2020) Kosmos kostromskoy izby: simvolicheskiy lokus v noosfernoy dinamike [Cosmos of the Kostroma peasant's house: a symbolic locus in the noosphere dynamics], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 84—91.

XX век похоронил многие добротные начинания столетия предшествующего, это стало окончательно понятно с приближением его исхода, когда, как казалось в горниле ноосферных войн, само время оборачивалось вспять и открывались пройденные человечеством, но все еще недоосвоенные и, как прежде, манящие дали...

Небольшой рассказ-зарисовка Юрия Николаевича Куранова под названием «Починок» создавался долго; советская страна переживала тогда эйфорию от триумфального начала эры космонавтики, но автор обратился к теме очага и корней, приведшей его впоследствии к духовной литературе. Текст по завершении подписан: «1962 г. — 1964 г.», то есть его становление шло целых два года — хватило бы, пожалуй, для полета на Марс... Таким образом, этот рассказ хранит в себе следы и каких-то более глубоких раздумий, чем просто описание деревенской избы... Приведем его по нашему собственному учебному изданию [4, с. 192]:

Стоят спокойные, прохладные, пожилые. И ветер поигрывает раскрытыми ставнями окон. И пахнет в них смолой, крошкой, глаженным бельём. Солнце и ветер давно уже вытопили смолу из всех стен, половиц, косяков. Но в избах смолой ещё пахнет сухо и тепло.

Дома стоят на поляне. Вокруг подрёмывают ельники, неистово пенит кипрей длинные шапки соцветий, под самыми окнами рассыпались гвоздики. И ласточки, ласточки вьются весь день. Детишки где-то в кустах собирают в лукошки бруснику. Взрослые в поле теребят лён.

У окна крайней избы — старик в зелёной кепке. Старик покручивает батарейный приёмник. Приёмник маленький, как детский чемоданчик. Старик слушает музыку.

В каждой избе по чуланам бродит в лагунах холодный острый квас.

Вот он, Починок. Трошин Починок. Поставил его, первый дом срубил здесь какой-то Троша сотню лет назад. Почал. Почин заложил деревне.

Ласковым словом определил работу — починок.

У каждого есть в жизни починок, который на долгие годы будет связан с его именем. А если нет у человека своего починка, то он — и без крыши над головой, и без людской памяти, и без родной поляны.

Тональность текста, если читать его вслух, побуждает нас не только к чистому созерцанию деревенской идиллии, но и к определенным эсхатологическим размышлениям, хотя это не сразу становится внятно... Особенно последний абзац в смысловом отношении построен так, что мы, охваченные метафизической тревогой, непременно задумываемся о себе самих. Авторские утверждения затрагивают нас экзистенциально, ибо касаются каждого человека. Причем они в определенном, а именно — духовно-религиозном, смысле тревожат, ставят нас в ситуацию взвешенности наших дел пред лицом неминуемого Страшного Суда, где они будут «испытаны» (1 Кор., 3: 13).

Вернемся к началу рассказа и выделим опорные имена-образы, слагающие композицию произведения и формирующие его художественную концепцию. В центре — образ ДОМА, средоточие человеческого бытия на земле. Другой устойчивый образ в этой зарисовке, хотя он упоминается всего два раза (во втором случае — со словом «родной») — ПОЛЯНА; поляна — это распахнутый мир, переходящий в даль — в ЛЕС и в ПОЛЕ...

В лесу — дети, лес предстает как образ, хранящий в себе некую первозданность, детство человечества. Лес, связанный с детством, — образ мифоло-

гический, но вместе с тем и библейский: первозданный сад — утраченный людьми эдемский рай — предстает как *возделанный Господом перволес* — аристотелевская «первоматерия» (древнегреческая лексема «гиле», она же «уле» — откуда идея *продуктивного, чреватого, плодородного* «нуля!»). В этой области метафизического лесоведения имеются самые замечательные современные разработки, принадлежащие таким философам, как В. В. Биbihин [2] и В. Ю. Аникин [1].

В рассказе лес предстает как некое щедрое лоно, одаряющее людей плодами. Дети собирают бруснику, но в костромском лесу ведь есть и волчьи ягоды, о которых здесь пока умалчивается... Поле — юдоль человеческого труда: *взрослые* — в поле; человеческая участь — работа, забота о насущном хлебе...

ОКНО — образ исходно космический, он заявлен дважды, причем если первая его фиксация маркирует *абсолютное начало*, то вторая — *относительный конец*. В первый раз появляются распахнутые в мир окна, открытые *солнцу и ветру, огню и воздуху, стихиям неба и земли*. Во втором случае — у окна *крайней* избы — *старик*. Сближение образов края и старости указывает на *пограничность* жизни и смерти. У окна дома вся даль приходит в близость, приближается, оставаясь, однако, далью...

Леса, поля, молодость и старость простираются в раскрытом окне *распахнутого* в мир дома и одновременно дома, *собирающего* в себя весь мир. В этом доме соседствуют *современность* (при-емник: еще один способ собирания мира!) и *древность* (лагуны, в которых бродит квас). Приемник свидетельствует не только о приближении информации и сокращении расстояний, но и о начале новой космической эры, когда человеческая деятельность на земле уже оставляет гигантские и все более расширяющиеся в мировом пространстве космические следы. Например, в радиусе ста световых лет можно зафиксировать первые земные радиопередачи... И. С. Шкловский не без доли иронии интересно отмечал это позитивное самообнаружение технического человечества при скептической оценке известной информационной пластинки с уходящей за пределы Солнечной системы американской станции «Пионер-10», где в сжатом виде содержится главная информация о человеческой цивилизации и ее местоположении в космосе: «Страшновато, правда, подумать, что через многие миллиарды лет, когда, может быть, эта пластинка будет изучаться инопланетными разумными существами, земной цивилизации уже, вероятно, не будет. Ну, что же — космическая археология — тоже наука... Если же говорить серьезно, то для инопланетной цивилизации (если она, конечно, есть) несравненно более вероятно высадиться на Землю, чем найти ее ничтожно малый "осколок" — "Пионер-10"» [5, с. 220].

Есть великолепные слова у Ф. Энгельса, которые увлеченно цитировал известный позднесоветский социолог А. Горбовский, авторитетно указывая на фактор всеобщей брэнности: «Может быть, пройдут ещё миллионы лет, народятся и сойдут в могилу сотни тысяч поколений, но неумолимо надвигается время, когда истощающаяся солнечная теплота будет уже не в силах растапливать надвигающийся с полюсов лёд, когда всё более и более скучивающееся у экватора человечество перестанет находить и там необходимую для жизни полноту, когда постепенно исчезнет и последний след органической жизни, и Земля — мёртвый, остывший шар вроде Луны — будет кружить в глубоком мраке по всё более коротким орбитам вокруг тоже умершего Солнца, на которое она, в конце концов, упадёт. Одни планеты испытают эту участь раньше, другие позже

Земли; вместо гармонически расчленённой, светлой, тёплой солнечной системы останется лишь один холодный, мёртвый шар, следующий своим одиноким путём в мировом пространстве. И та же судьба, которая постигнет нашу солнечную систему, должна раньше или позже постигнуть все прочие системы нашего мирового острова, должна постигнуть системы всех прочих бесчисленных мировых островов, даже тех, свет от которых никогда не достигнет Земли, пока ещё будет существовать на ней человеческий глаз, способный воспринять его» [3, с. 167—168].

Но вернемся к рассказу. Лагуны с квасом — продолжение торжества урожая, а последний символизирует расположенность небес и исполнение человеческих прошений вплоть до евхаристических: «Когда волнуется желтеющая нива, — пишет Лермонтов, — то в небесах я вижу Бога», таким образом выражая то, что позднее В. В. Розанов назовет «философией урожая». Но как зрелые хлеба, так и осенний лист на дороге свидетельствуют, кроме всего прочего, и об исходном устройстве Солнечной системы, наклоне земной оси, благодаря чему происходит сезонная смена времен года и оказывается возможен привычный нам календарь...

Дом находится в деревне Починок, и это важно лишь потому, что это — конкретный, реальный, а не выдуманный дом... Но далее мы вместе с автором переходим к *Первому Дому*. Дом вырастает уже в своем архетипическом первообразе, и строит этот *Первый Дом* опять же конкретный человек — Троша («сотня лет назад» указывает на древность; но и на присутствие конкретного, *незабытого* начала — скажем, начала пореформенных 1860-х годов, ознаменовавших освобождение крестьян: и если прогрессист Н. А. Некрасов в связи с этим указывал, что «порвалась цепь великая, одним концом ударила по барину, другим по мужику», то реакционер К. Н. Леонтьев восклицал, что «это была какая-то умственная весна».

Это Начало («Почал») в рассказе и в жизни становится «почином», некоей предваряющей основой грядущего символического «почкования» поколений человеческой жизни. И здесь начинают проступать метафизические идеи сущности человека как образа и подобия Божьего и произведения человеческого творчества как образа и подобия Божьего мира. Человек творит Дом, уподобляясь Богу, творящему и благословляющему Мир: «Ласковым словом определил работу — починок». «И назвал Бог свет — днём, а тьму — ночью... и стало так... и увидел Бог всё, что Он создал, — и вот, хорошо весьма...». О. Шпенглер во втором томе «*Закате Западного мира*» говорил, что «дом — это самое чистое выражение породы», а «душа... людей и душа их дома — одно и то же» [6, с. 23]. М. Элиаде в книге о «вечном возвращении» писал о небесных архетипических праобразах всякого земного благоустройства: «...окружающий нас мир, где ощущается присутствие человека и результаты его трудов, все эти горы, куда он взбирается, заселённые и возделанные земли, судоходные реки, города, святилища — имеют внеземные прототипы, представляемые или как "проект", "образец" или как собственно "двойник", существующий на высшем космическом уровне. Но не всё в "мире, который нас окружает", имеет подобные прототипы. Например, пустыни, где живут чудовища, невозделанные земли, неведомые моря, куда не осмеливался заплывать ни один мореплаватель, и т. п., отнюдь не делят с городом Вавилоном или египетским *нумом* привилегию иметь свой собственный прототип. Они соответствуют мифологической модели, но иного рода: все

эти дикие, варварские территории уподобляются Хаосу; они часть нерасчленённой, бесформенной субстанции, существовавшей до Творения» [7, с. 21].

В последнем абзаце курановского рассказа еще раз указывается замысленное свыше *богоподобие* изначальной сущности человека: «У каждого есть в жизни починок, который на долгие годы будет связан с его именем». Через дело свое человек обретает себе ИМЯ. Починок, Дом — есть собирательный образ всего смысла человеческой жизни... Один из последователей Фридриха Ницше и Вильгельма Дильтея немецкий философ-экзистенциалист Отто Фридрих фон Больнов пишет: «Человек строит свой дом, ибо только в его стенах и под его крышею человек чувствует себя у себя, а лишь у себя можно быть счастливым».

Последнее предложение в этом небольшом тексте приоткрывает возможность полной бездомности человека и ее смысловые предпосылки — «отсутствие своего починка»... Мы живем в эпоху, по словам другого знаменитого философа XX века Мартина Бубера, как «в открытом поле», потому так важно искать укоренения в *своем*, обретая его как дар Божий, который следует приумножить, а не бежать от него в погоне за призраками всецело подконтрольного новым модераторам человечества оглуляющего успеха и всеобесмысливающего престижа... И остается еще вопрос: а всякий ли человеческий почин может найти благословение и освящение Всевышнего?

Одному из соавторов представляемого материала тридцать три года спустя и четверть века назад (то есть нас от описываемых событий отделяет почти шесть десятков лет) довелось побывать в этом диковинном мире угоров и увалов Пыщуганья, на представленном в рассказе и тогда уже исчезнувшем с лица земли хуторе Трошино, в этом столетнем полуразрушенном доме, где когда-то — совсем еще в другую эпоху — жил и трудился замечательный московский художник школы Сарьяна Алексей Никифорович Козлов, главным объектом изображения которого стала костромская глубинка... Дом пережил гибель двух цивилизационно-ноосферных волн: российской и советской; от его былой основательности почти ничего не осталось... Сквозь полы и крышу проросли деревья, лес подступил к самому крыльцу. От других же «пожилых» изб не осталось и следа! Люди покинули эти дивные места. По редким дорожкам и недалеким живописным берегам Ветлуги разгуливали медведи, потомки одичавших собак и всякая иная живность, оставляя свои тревожно-загадочные следы. Посещалась диковинная планета, когда-то бывшая *человеческой* землёй... Эта история, поведанная другому соавтору, стала основой предлагаемого в нашем докладе герменевтического сюжета.

Таких мест (сельских и столичных) очень много на земле, они отражены в поэтическом слове, согласно «Поэтике» Аристотеля, всегда «глубже истории» раскрывающем исходную космичность описываемой ситуации и «говорящем о всеобщем»; например — Р.-М. Рильке:

В деревне той стоит последний дом,
Как будто впереди — конец всему...
Дорога повернула за холмом
И медленно ушла в ночную тьму...
Деревня — только робкий переход
Между двух далей; всё чего-то ждёт...
Дорогой этой так легко уйти,
А кто ушёл, тот всё ещё бредёт
Или давно уже погиб в пути...

Или вот, более ноосферное стихотворение Арсения Александровича Тарковского — «Дом напротив»:

Ломали старый деревянный дом...
Уехали жильцы со всем добром,
С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами...
Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,
И всё осталось навсегда как было,
Но обнажились, между тем, стропила,
Забрезжила в проёмах без стекла
Сухая пыль и выступила мгла...
Остались в доме сны, воспоминанья,
Забывшие надежды и желанья —
Сруб разобрали, брёвна увезли,
Но ни на шаг от милой им земли
Не отходили призраки бывшего,
И про рябину песню пели снова,
На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,
Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,
И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,
Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,
Пока над ними кран, как буква "ГЕ",
Не повернулся на одной ноге...

Общая фундаментальная ситуация, заложенная в самих эсхатологических основаниях космичности, передана не только древнекитайским иероглифическим образом ускользящего пути — Дао, но и в замечательном стихотворении «Дорога без конца» покойной шуйской учительницы Ксении Борисовны Зиминой:

Я шла по дороге, которой уж нет
По пояс в траве, по колено в болоте —
Не надо за мной, всё равно не пройдёте
Дорогой, которой уж нет...

Пришла я в деревню, которой уж нет —
Туда, где стояли две-три развалюхи,
Где горестный век доживали старухи
В деревне, которой уж нет...

У дома без крыши, без рам, без дверей
Усталая я на завалинку села...
В глубокой крапиве малина поспела
У дома без крыши, без рам, без дверей...

Такая стояла кругом тишина,
Что сердце сжималось и мне показалось,
На целой земле никого не осталось —
Такая стояла кругом тишина...

Ушла я дорогой, которой уж нет,
По пояс в траве, по колено в болоте —
Не надо за мной, всё равно не пройдёте
Дорогой, которой уж нет...

На этом мы завершим наш материал, сформулировав неизбежный вывод: неисчислимая и немоделируемая брэнность, всепронизывающая и обступающая нас во времени, не оставляет шансов окончательному обустройству человечества изнутри всемирной истории и обращает его к духовным поискам трансцендентных берегов вечной жизни за ее пределами.

Библиографический список

1. *Аникин В. Ю.* Лес // Архетип детства — 2: дети и сказка в культуре, литературе, кинематографии и педагогике: Научно-художественный альманах / сост.: В. П. Океанский, А. В. Тарасов. Иваново: Ивкиносервис, 2004. С. 19—24.
2. *Бибихин В. В.* Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
3. *Горбовский А.* Год 2000 и далее... М.: Знание, 1978. 192 с.
4. *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Герменевтика словесности и культуры. Иваново; Шуя: Центр кризисологический исследований Шуйского государственного педагогического университета, 2010. 210 с.
5. *Шкловский И. С.* Вселенная. Жизнь. Разум. М.: Наука, 1987. 320 с.
6. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 2 // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / сост. Р. А. Гальцева; пер. и примеч. С. С. Аверинцев и др. М.: Прогресс, 1991. С. 23—68.
7. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость. СПб.: АЛТЕЙЯ, 1998. 249 с.

References

- Anikin, V. Yu. (2004) Les [Forest], in Okeanskiy, V. P., Tarasov, A. V. (eds.) *Arkhetip detstva — 2: deti i skazka v kul'ture, literature, kinematografii i pedagogike: Nauchno-khudozhestvennyy al'manakh* [The archetype of childhood — 2: children and a fairy tale in culture, literature, cinematography and pedagogy: Scientific and artistic almanac], Ivanovo: Ivkinoservis, pp. 19—24.
- Bibikhin, V. V. (2011) *Les* [Forest], Saint Petersburg: Nauka.
- Gorbovskiy, A. (1978) *God 2000 i daleye...* [Year 2000 and beyond ...], Moscow: Znaniye.
- Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2010) *Ger menevtika slovesnosti i kul'tury* [Hermeneutics of literature and culture], Ivanovo; Shuya: Tsentr krizisologicheskoy issledovaniy Shuyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
- Shklovskiy, I. S. (1987) *Vselennaya. Zhizn'. Razum* [Universe. Life. Mind], Moscow: Nauka.
- Spengler, O. (1991) *Zakat Evropy. T. 2* [Decline of Europe. T. 2], in Gal'tsev, R. A. (ed.) *Samosoznaniye yevropeyskoy kul'tury XX veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve* [Self-awareness of the European culture of the twentieth century: Thinkers and writers of the West about the place of culture in modern society], Moscow: Progress, pp. 23—68.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторах

Океанский Вячеслав Петрович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна — доктор культурологии, профессор, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Иваново, Россия, ocean_2004@mail.ru

Information about the authors

Okeansky Vyacheslav Petrovich — Dr. Sc. (Philology), Head of the Department, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russian Federation, ocean_65@mail.ru

Okeanskaya Zhanna Leonidovna — Dr. Sc. (Culturology), Professor, Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, Ivanovo, Russian Federation, ocean_2004@mail.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 141.5
ББК 87.152.45

S. Stavru

ADMINISTRATIVE LAW AND THE PROBLEM OF “WILL”: DO WE GET THE RIGHTS WRONG?

C. Ставру

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОБЛЕМА «ВОЛИ»: НЕ ОШИБАЕМСЯ ЛИ МЫ?

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.92-107

Ссылка для цитирования: Ставру С. Административное право и проблема «воли»: не ошибаемся ли мы? // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 92—107.

Citation Link: Stavru, S. (2020) Administrative law and the problem of “will”: do we get the rights wrong?, *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 92—107.

God:
— Lazarus, come forth!
Lazarus:
— Wait, Lord! Is it not: If I want to?

Powers and rights

In *law* we could make a distinction between two regulative approaches in principle: everything which is not expressly allowed is forbidden (*public law*) and everything which not expressly forbidden is allowed (*private law*). What is decisive in the first approach are the peremptory legal norms: bans and orders which univocally impose certain behavior to their addressees. It is precisely in this approach that one can find the greatest approximation to John Austin’s definition of law as an order of the sovereign sent to his subjects¹ [Austin, 1832]. What is leading in the second approach are the discretionary legal norms proposals for a possible juridical regulation that leave room for negotiation. It is precisely in this approach that law is a transition agreed between the legal subjects from one natural state, be it a state of continuous “war of everyone against everyone” (Thomas Hobbes, Baron d’Holbach) or a condition of insecurity in property and in freedom (John Locke, Denis Diderot, Jean-Jacques Rousseau, Immanuel Kant), to a society organized as a state².

© Stavru S., 2020

¹ The views of law maintained in this book have become famous as the “command theory” of law. Max Weber defined law as “coercion applied by a staff of people” [Weber, 2001, p. 53].

² Bucher’s theory according to which subjective rights ensure room for the individual “to make (“individually-specific”) legal norms” is also of interest here: [Larenz, 2016, pp. 109—111].

The rigidity of legal norms in public law contrasts with the flexibility of private transactions in private law. *Administrative law* is part of public law but elements of private law penetrate it more and more often, for example ones related to the conclusion of the so-called administrative contracts (the state power seen as a kind of service, negotiating with administrative bodies, public procurement, etc.) as well as to the introduction of new administrative law regimes in exercising and protection of some specific human rights (consumer rights, rights of holders of personal data, rights of traffic participants, etc.). Not only specific legal concepts but also entire branches are beginning to migrate from administrative to commercial law: for example, medical law has been making attempts to do so in Bulgaria for many years. Some fields of private law are governed by new specific administrative law requirements: e.g. production and sale of genetically-modified organisms. But these requirements are again justified through human rights (in the case of genetically-modified organisms this justification passes through consumer rights). Thus, the rights as a concept are winning their victories even in the most preemptory field of law: public law.

The cases of the so-called tacit consent of the administrative body (administrative law silence, which is legally equivalent to consent) where the legislator restricts the scope of application of the principle of the tacit refusal (administrative law silence, which is legally equivalent to refusal) can also be associated with the process of human rights' entry into administrative law. It seems to me that the response to the question which one of the two approaches — the one of the tacit refusal or the one of the tacit consent — should be preferred in administrative law is also associated with public law's relation with human rights. In contrast to natural persons the administrative body has *powers, and not rights*. Powers are devised as more “powerful” rights — since they are imperative in nature and often prevail over the will (rights) of their addressees but their realization is also an obligation of the administrative body itself — there is the latter can not but exercise its powers, cannot but express its will³.

The principles of *tacit refusal* and *tacit consent* apply in cases where the administrative body does not carry out its powers: as the administrative body does not express will the latter should be stipulated by the law: either as refusal, or as consent. There must not be a third option. The silence of the administrative body should not be valid as a “lack of declaration of will” position. This exclusion of silence as a lack of declaration of will reflects an obligation of the administrative body to respond to the request made to it and the corresponding petitioner's right to “obtain” the will (the response) of the administrative body addressed by him/her. The relation between the administrative body and the petitioner is not a contractual one, they do not negotiate to defend their private interests, there are no rights standing between them. On the contrary — they are bound by specific obligations within the administrative procedure protecting certain public interest stipulated by the law. If in private (especially in civil) law the competing will of each one of the equal legal subjects encoded in generations of human rights must have

³ Another important role of the powers is that they outline the competences of the respective administrative body, i.e. the boundaries of its subordinate will-formation. The will of the administrative body is valid as far as it is expressed within the scope of its competence taken as the sum of its powers. In this role the “powers” of the administrative bodies become guarantees of human rights: everyone can refuse to obey and perform an administrative act (the orders contained therein) issued beyond the competence of the respective administrative body (beyond the boundaries of its valid “administrative will”).

priority, in public (especially in administrative) law the main regulatory core passes through the idea of certain public interests, which should be contained through the will (powers) of the administrative bodies empowered (competent) for that.

The *opposition between “will” and “interest”* that is characteristic of law should select different winner in different regulatory contexts of public and private law: if one’s will should be decisive in civil law (for example in the statutory regulation governing the (in)capacity to act where instead of effacement of the legal significance of personal will (interdiction) the legislator should propose a system of different measures to support the natural person in the formation and expression of his/her authentic personal will), then the key regulatory component in administrative law should remain the public interest (for example when choosing⁴ between tacit refusal and tacit consent where no harm to the public interest should be allowed by postulating a will for consent by reason of a particular administrative body’s failure to act (“lack of will”).

In Europe (at least as of 2016) one can find a clear tendency towards *liberalization* of national legislations. Liberally-oriented law does not rely on imperative and univocal orders that bind unconditionally but prefers to work through the rights and freedoms of its citizens: by respecting their (own) choice and their (own) refusal. This approach can be found more and more often in the branches of public law as well. Government through freedom is one of the methods stated by Michel Foucault as underlying one when exercising the contemporary political power. In the contemporary situation of power the freer people are the more included they are in the realization of government based on their rights and freedoms. The main axiom in such form of power is the human rights and the rights related to them: freedom of will and freedom of interests. The more rights one has and the more one exercises his/her rights the more bound (s)he is to the regulatory machine of law. The need for rights also becomes a need for law.

Orthodoxy, law and rights

In *Christianity* when the questions of regulation of relations between God and man, on the one hand, and among people, on the other hand, are discussed there is no talk of rights.⁵ There is talk of orders. Of course, this is a considerably simplified statement as the notion concerning the regulatory mechanism of relations between

⁴In 2015, 14 deputies from the parliamentary group of the Patriotic Front introduced a draft bill to amend the Administrative Procedure Code by replacing the principle of tacit refusal by the principle of tacit consent. The following revision of article 58 of the Administrative Procedure Code was proposed: “if no pronouncement is made within the term, this shall be deemed tacit consent to the issuance of the act”. According to the deputies who introduced the bill “the principal aim of the proposed amendments is to limit the omission in administration’s work by creating foreseeability and control as well as to facilitate the citizens and the business when they participate in procedures of issuance of administrative acts.” [Tacit Consent, 2012]. One can also read some objections against the introduction of the principle of tacit consent in the debate “for” and “against” [Stoyanov, 2012]. The text of article 58 of the Administrative Procedure Code currently in force remains unchanged: “If no pronouncement is made within the term, this shall be deemed tacit refusal to issue the act.”

⁵Indeed, an important part of church’s role in social life of people is beyond the talk about rights, and namely: “where the concept of human rights cannot give a satisfactory response to all questions posed by life we need the experience of the Church based on the Biblical and Patristic tradition” [Slavcheva, 2015, p. 127].

God and man as well as of the relations among people is interpreted differently by different Christian denominations as in each one of them this notion is multilayered and polyvalent. This text does not aim to exhaust or summarize the set of regulatory problems of Christianity, nor does it have any theological claims. It aims only to emphasize some specific aspects of this set of problems which could lead to different parallels and intuitions.

Dealing with commandments is what (somehow) approximates the Christian regulatory approach to public law, and in particular, to administrative law. If we try to define the branch of law to which we could attach the *Ten Commandments*, probably it would be administrative law. Major part of God’s instructions given through Moses to the Jews in their flight to their sacred land can also be viewed as general administrative acts. An example for that is the First Passover:

“Then Lord spoke unto Moses saying: And the LORD spake unto Moses and Aaron in the land of Egypt, saying,

This month *shall be* unto you the beginning of months: it *shall be* the first month of the year to you.

Speak ye unto all the congregation of Israel, saying, In the tenth *day* of this month they shall take to them every man a lamb, according to the house of *their* fathers, a lamb for an house:

And if the household be too little for the lamb, let him and his neighbour next unto his house take *it* according to the number of the souls; every man according to his eating shall make your count for the lamb.

Your lamb shall be without blemish, a male of the first year: ye shall take *it* out from the sheep, or from the goats:

And ye shall keep it up until the fourteenth day of the same month: and the whole assembly of the congregation of Israel shall kill it in the evening.

And they shall take of the blood, and strike *it* on the two side posts and on the upper door post of the houses, wherein they shall eat it.

And they shall eat the flesh in that night, roast with fire, and unleavened bread; *and* with bitter *herbs* they shall eat it.

Eat not of it raw, nor sodden at all with water, but roast *with* fire; his head with his legs, and with the purtenance thereof.

And ye shall let nothing of it remain until the morning; and that which remaineth of it until the morning ye shall burn with fire.

And thus shall ye eat it; *with* your loins girded, your shoes on your feet, and your staff in your hand; and ye shall eat it in haste: it *is* the LORD'S passover.

For I will pass through the land of Egypt this night, and will smite all the first-born in the land of Egypt, both man and beast; and against all the gods of Egypt I will execute judgment: I *am* the LORD.

And the blood shall be to you for a token upon the houses where ye *are*: and when I see the blood, I will pass over you, and the plague shall not be upon you to destroy *you*, when I smite the land of Egypt.”⁶

There are no human rights in the Egyptian desert. There are no such rights on the way to Calvary. Maybe this is one of the reasons that the Church’s position does not always seem adequate to contemporary tendencies in the protection of human

⁶ [Exodus 12:1-13]; this English version has been used for all other references to the Bible.

rights — especially in their extremely liberal forms. For the Church they are simply *not significant*, the legal emphasis on rights is *incomprehensible* for the Church. By “incomprehensible” I mean conceptually inadequate, going beyond the regulatory spaces of Christianity, subordinate to the practices of obedience, penance and humility.⁷ Thus, at a conference organized in 2011 in Bad Boll, Germany, Russian Orthodox Church’s the representative Archpriest Vsevolod Chaplin, head of the Department for the Cooperation of Church and Society of the Moscow Patriarchate stated that “it is inadmissible and dangerous to interpret human rights as a supreme and universal basis of social life governing the religious views and practices. Most human rights are completely compatible with the orthodox concept. But ROC (Russian Orthodox Church — SS’s note) pays special attention to the “hierarchy of values, according to which orthodox Christians, in contrast to secular humanists, are far from considering human life on earth and everything related to it a priority. For the orthodox Christian the value of faith of the sacred objects and the fatherland is higher than human rights, higher even than the right to life” [Slavcheva, 2015b, p. 7; Chaplin, 2015b, p. 51]. In the Fundamentals of the Teachings of the Russian Orthodox Church (ROC) on dignity⁸, freedom and human rights adopted at the Bishops’ Council of the Russian Orthodox Church held on 24—29 June 2008 it is stated that human rights “may not stand higher than the values of the spiritual world (article III.2), “must be concurred with the norms of morality and ethical principle planted by God in human nature and identified in the voice of the conscience” (article III.3), “must not contradict the love for the fatherland and fellow men” (article III.4) and their realization “must not lead to degradation of the environment and to exhaustion of natural resources” (article III.5). There is a separate text (article VI.9) about “collective rights” — their existence causes fierce debates among the jurists, as the right to family, “the right to peace, the right to natural environment, the right to preservation of cultural heritage and internal norms regulating the lives of individual communities” are stated among them.

There are two regulatory axes in Christianity. The first one is *the relation between God and man*. Its content is determined by the *commandments* (God’s will) and confession (the admitted personal guilt). The moving force is the love for God but it is legally present precisely through commandments and confession: “And ye shall know the truth, and the truth shall make you free.” [John 8:32] God who is Truth and source of life wants to free men — through their active cooperation (i.e. through their humility and penance) from the yoke of the sin and hence from the yoke of death

⁷ For the attitude of Eastern Orthodox churches on Greece and Russia towards the matters concerning the rights, [His Beatitude Christodoulos, Archbishop of Athens and All Greece*, 2006; Vasilik, 2009; Witte, Alexander, 2010; Moyn, 2015; Villa-Vicencio, 1999—2000, pp. 579—600; Slavcheva, 2015a; Slavcheva, 2015b].

⁸ Human dignity is the intermediary concept through which human rights are rationalized and legitimized in Christianity [Yotov, 2016a, p. 81]: “in Christianity — because of the idea of the original sin — the vector of behavior is directed not at the preservation of dignity acquired in the society but at the zeal to overcome the initial non-dignity and the hope in God’s counter help. Thus, in a most paradoxical way human dignity stands out through humility and obedience to God... Christ reveals his strength and inviolability precisely in enduring of the greatest humiliation and suffering, in solidarity with the déclassés and infamous men, with the humiliated and the insulted. The ontological privilege of human dignity is the most radical opposite of the social one. For that reason it is entirely a burden and a task; it entails only obligations, just secondarily with respect to the fellow men at that.”

(because death has entered human nature through the sin). The purpose of human life in Christ is precisely the liberation from the yoke of death and this can only happen if we obey God’s will. Confession helps man realize his/her imperfections and sinful nature as the only way out of it is to obey God’s will.

The second regulatory axis is *the relations between people* who obey the laws of *love*: “A new commandment I give unto you, That ye love one another; as I have loved you, that ye also love one another. By this shall all *men* know that ye are my disciples, if ye have love one to another” [John 13:34-35]. Love is precisely the source of human rights in Christianity but these are rights that “operate” (in “Kelsen’s” manner⁹) through believer’s personal efforts: what is decisive for abiding by them is not the claim behind another’s right but love that feeds my obligation. And here the intermediary and the guarantor in the relations among people is again God: the regulatory efforts in human interaction are directed to the following of God’s will (the “new commandment” given by him). Human will is realized in the choice and in following God’s will. What is decisive for the success of this following is humility and hope, the leap into faith that continues incessantly. *Self-denial*. Self-denial is also an abandonment of one’s own will fed by one’s own interests. What remains is only the will to retain one’s own will within God’s will, which is a will without any claims for rights, on the contrary: it is a will to assume unbearable obligations. And this is the most difficult will. This is the will of saints.

Thus the ideal Christian (“ortho-dox”) regulatory legal relation arises and develops among persons who have given up being bearers of their own will and who have willingly turned themselves solely into witnesses of *God’s will*. Some would say that in Christianity *the regulatory “legal relation”* is reduced to obedience but the believers would correct them [by saying] that in fact it has been transcended to penance. This is a “legal relation” that does not cash in personal wills but embodies His will. The “legal relation” so structured indeed gets liberated from its first word-forming part: it is deprived of “legal” and becomes only a “relation”. And then this relation becomes “ortho-dox”. Because what is important in it is to correctly (properly) glorify God without glorifying the rights of men.

In this regulatory situation the rights as claims lose their sense. “Claims” are calmed down to prayers, when they are addressed to God, and to petitions when they are addressed to other men, There is no *human demand*, there is no claim in the substantive or procedural sense of the word, there is no pretension. Only God addresses such claim to men. The world of Christianity is a world in which there is no place for assignments either to state, or to private enforcement agents. The only *special pledge* is the one of our own human soul and it can only, and solely be won if we give up the pretensions and possessions in this world and leave our lives in the hands of the Lord. This is what Christians say.

⁹ For the so-called “reflected right” (ReflexRecht) as a “reflection” of a valid obligation (commandment/prohibition), [Kelsen, 2016, pp. 45—48]. The second form of existence of subjective right (in addition to the “reflected right”) is the “subjective right in technical sense”, which constitutes “legal power granted in order to make a claim in relation to the default on a legal obligation” [ibid, p. 57]. To these two forms Kelsen adds two more: political right, i. e. legal power granted to the individual to participate in the establishment of common legal norms, and positive (ex officio) permission.

Right as Giving up Eternal Life

The attitude of *this world* towards the rights is quite different. After the Second World War it is as if the international community in Europe finally realized that *it could rely* neither on the religious worldview, nor on the nation-states in order to ensure an effective regulation of the relations among people. In the cases where this worldview is relied upon the errors in translation or interpretation of God's will can lead to crucial conflicts between sects and segregations. Lost in the depth of faith and in the irresistibility of human desires people decide to emancipate themselves both from the churches (there are so many of them now!) and from the nation-states (there have always been so many of them!). Thus, human rights become supra-ecclesiastical (secular) and supranational (natural) — they exist as immanent substances of human nature, which comes to the fore.

The vulnerability of man as a biological creature “produces” reasons for generations of rights related to his/her life, health, physical integrity, freedom of movement, etc. The vulnerability of man as a spiritual and religious creature, however, becomes too complex a concept to be subordinated to only one Will, to only one interpretation, to only one Church. A new approach combining pluralism of beliefs, freedom of personal will and privacy of private life is taken towards its legal regulation (which has become necessary!). The religious and spiritual life has been conclusively privatized and transformed into a “black box” of a kind, out of which only (one's own) refusals of different kinds are “released” into the political life. This is how the first entirely secular (whatever it means!) refusals and thereto related human rights were born. These are precisely “human rights” and not “rights (sic) of the believer”.

In this narrative the first human rights were born as a demand for recognition of certain (own) refusals. These are the *refusal-rights* or everyone's right to refuse certain effect/action with respect to him/her and his/her body (protection of personal inviolability). A refusal to present one's personal correspondence (protection of the inviolability of personal correspondence). A refusal to do certain work (prohibition of forced labor). A refusal to serve in the army (freedom of opinion and religious beliefs). A refusal to participate in certain community (freedom of association). And an idea is contained in all of them: *a refusal to obey* another's will. In order to be meaningfully affirmed and conceptually sustained as a legal right, however, this refusal must have succeeded in opposing the most intense will: God's will. One's own will and one's own interest must have won a key legal victory over God's commandments. The primacy of one's own will had to prove its legal validity in man's refusal to obey not only another man's will but the will of God himself. And here comes the dialogue I have come across quite recently, which paraphrases the conversation between Jesus Christ and Lazarus (John 11:43), when the latter was brought back to life by his Lord:

God:

— Lazarus, come forth!

Lazarus:

— Wait, Lord! Is it not: If I want to?

This “counter-phatic” conversation (periphrasis) can be found in “extended form” also in the parable “*Lazarus and Jesus*” by *Emiliyan Stanev*. The short-story was finished in 1977. There are 4 known revisions of this story as the first drafts date to 1942. In it the first Lazarus's words for Jesus are: “He is coming... But I don't want him.” Lazar then goes on: “I am afraid that he could do something to me. I want to

live with the same. Eh, how well I used to be.” Here is what the critic Sava Sivriev says: “This is a parable about the man who cannot bear his Creator. Who does not know the time when he was visited by Him. And who chooses the creation instead of the Creator, the human instead of the Divine, the material instead of the spiritual, the transient instead of the eternal. This is a drama showing the lack of spiritual reason. Or, to put it otherwise, a drama caused by human stupidity. By this parable Emiliyan Stanev also shows that drama of man that can be read in the Old and in the New Testament. One that has repeated and one that is repeating. There is nothing wrong with wealth as far as the heart is not there but it is a common practice in human behavior to choose the creation instead of the Creator. And the choice of the free will must be respected^{10,11}.

Lazarus’s Will stands up between Lazarus and his Lord. This will has been capitalized in the capital letter of its writing: it is not only the first letter of Lazarus’s name that becomes capitalized but also His Will. It is precisely that change that necessitates the addition of a “pseudo” in front of the name “Lazarus”: the Lazarus from the said dialogue is a “pseudo” Lazarus because the real Lazarus from the New Testament would have never responded to his Lord in this way. This is the reason why I shall refer to him below as “(pseudo) Lazarus”. The will of (pseudo) Lazarus has emancipated as (his own, personal) Refusal. Being human Lazarus is entitled to refusal: both a refusal to get treated and a refusal to be resurrected¹². He has the right to personal life and to personal death. A right to paradise and a right to hell. His life is inviolable.

¹⁰ [Sivriev, 2011; Krasteva, 2009], where it is confirmed that Lazarus’s resurrection is the “greatest miracle done by Jesus” in which “Lazarus is everyone and mankind, liberated from the sleep of oblivion, from the curse of death”. For the possible connection between Emiliyan Stanev’s short-story and the play “Lazarus” (1928) by Luigi Pirandello, [Kapriev, 2008]: “Where Diego Spina (Luigi Pirandello’s character) is resurrected by the doctor. The five minutes of death and the absence of life beyond in which he has arduously believed lead to a tragic moral breakdown. Diego loses his faith and decides that the absence of God permits him everything”.

¹¹ The drama of Lazarus who is looking for his lost nature can also be found in the dispute with a dog held from the height of a tree recreated in the play in four seasons “Lazaritsa” by [Radichkov, 2014]. In the new literature Lazarus is also present in the short-story “Lazarus” by Dimitar Dinev (originally published in German in 2005, and then in Bulgarian in 2009). Lazarus is presented in a different light “of a merely theatrical “resurrection”, staged from the outside – as an entirely human act, a conspiracy of traffickers, without the sanction of God, without faith”. Lazarus stands up to get “resurrected” from the coffin where he was hiding to illegally cross the border. For the juxtaposition of Dimitar Dinev’s “Lazarus” and Emiliyan Stanev’s “Lazarus and Jesus”, [Metev, 2014].

¹² For the relation of oblivion, sleep, and death as degrees of man’s disappearance into the darkness, and namely in the context of the miracle of Lazarus’s resurrection, [Tomberg, 2016]. The possible refusal to be brought back to memory, to the state of being awake and to life can be examined as an extreme form of a test of the validity of human rights as rights directed towards the self-effacement of their bearer — the human being. Our claims to forget (to demand that the others should not remind us of things that embarrass us), to switch off our consciousness (to demand that the others should respect our will to be entirely irrational and to follow the particularism of momentous desires) as well as the right to put an end to our life (to demand that the others should respect our desire to be reckless and disinterested in our own health and existence) may function as such rights.

*His death is also inviolable*¹³. He can refuse not only a possible life on earth but also the Eternal Life offered to him by Jesus Christ¹⁴. This is his right and everyone must honor the decision of (pseudo) Lazarus. Including **God**. For (pseudo) Lazarus does not want paternalistic attitude. He does not want to be protected, directed, patronized. For he can decide on his own. For his autonomy “overtrumps” obedience. He is offered everything but he can choose Nothing. The arbitrariness of one’s own will.

Of course (pseudo) Lazarus can be given the chance to explain his refusal in order that it does not look like one made entirely “out of spite” — as a demonstration for its own sake and an act of hooliganism. Thus, for example, he may hesitate as regards the nature and the purpose of the trust Jesus has placed in him — why has Jesus chosen him while so many others are dying. Is this not a form of demonstration where he — (pseudo) Lazarus — has been instrumentalized? He could also ask himself what Jesus is giving to him indeed: brings him back to life but this is (again) a mortal life: (pseudo) Lazarus will die again. As it actually happened to Lazarus¹⁵. Where is (pseudo) Lazarus’s own interest? But both *the refusal “out of spite”* and *the question “where are my interests?”* are inadequate scenarios for the Biblical situation. What is inadequate in the conversation with Jesus is precisely the thinking through rights and not what Jesus does (gives). “Lazarus, come forth!” contains not only a commandment but also care, trust, love. The rational thought of (pseudo) Lazarus through the assessment of his own interests and even the interests of the believers as a whole creates only localisms that cannot be commensurable with what Jesus saw. It is precisely care, trust and love that legitimate the paternalistic concealment of the question about Lazarus’s own interests behind the will of Jesus.

Lazarus from the Gospel of John would not think about his interests, nor would he want to consult a lawyer before he makes his decision. The *regime of the relationship between Jesus and Lazarus* does not allow the thinking through the rights to get involved in these relationships. Jesus and Lazarus do not negotiate, do not concur their wills and interests. The obedience of Lazarus is to follow Jesus. There is no coercion in it but dedication, there is no resistance but love. Love keeps together the centrifugal forces of the rights. It is quite unimaginable that Lazarus would place his rights (as a human being) before Jesus.

Quite different is *the relation between Jesus and (pseudo) Lazarus*. (Pseudo) Lazarus tries to enter into a relation of equality of wills — despite the fact that he has already been revived. The refusal of (pseudo) Lazarus, even if made out of spite, will hold up in court. Even if it is unreasoned, even if there are no significant and understandable motives behind it this refusal is valid in legal context as the right of (pseudo) Lazarus to decide for himself (and to refuse to Jesus) is absolute one. An important

¹³ “Pseudo Lazarus likes himself dead, not alive” [Doychev, 2016, p. 18]. Father Vladimir Doychev transfers this claim of (pseudo) Lazarus to “the culture that surrounds us”: “it is precisely such: pretentiously dying. Dying in rhymes, insolent, graphomaniac. Dying live on TV (unless there is an interesting match, then it airs one play back in the half-time)” [ibid, p. 17].

¹⁴ For the relation between the miracle of the bringing Lazarus back to life and the resurrection of Jesus [North, 2001, p. 58].

¹⁵ If (pseudo) Lazarus proceeds from the thinking typical of administrative law he could also contest the competence of Jesus: who gave Jesus the power to resurrect, isn’t he a magician, (pseudo)Jesus. The main argument against such contestation is the fact of resurrection: no one but God can overcome death.

part of the protection ensured by the rights is precisely the elimination of the need to justify their exercising (and/or non-exercising). The non-transparency of the transition from the interest (motives) behind certain behavior to the will (the declaration) being objectified as a legal pretension is part of the protective mechanism of subjective rights. Once granted the subjective right does not need to constantly support with arguments the reasons for its exercise. Especially in the fields of personal inviolability. This absoluteness of the rights in some states (e.g. in Israel) is brought thus far as to allow for the possibility of a child (and not only child’s parents) who was born with disability, which could have been, but had not been, established by prenatal diagnostics during pregnancy, holding the doctors and the state liable for not having found his/her disability, for not performing an abortion and for having been born (wrongful birth)¹⁶. From here there is only one step to grating a would-be claim of such child against his/her parents stating that they had not requested an abortion as far as they did know that the child suffers from certain disability. My personal inviolability also includes my right not to be born?

The difference between the effect of the will of Jesus and the effect of the will of anyone else who would negotiate with (pseudo) Lazarus can also be *demonstrated* by the comparison of a concept of civil law and a concept of administrative law: *donation and license*. Donation is a contract whose legal effect occurs only if both parties consent to it: not only the will of the donor but also the consent of the donee are necessary (to put it otherwise: noone can be given a donation if (s)he refuses to be given one). License is a unilateral sovereign act that has performative effect for the occurrence of certain legally defined change, regardless of the addressee of such change: it suffices that the administrative act come into force in order that the empowerment occur (in some cases the exercise of such empowerment may depend on the effect of the license if the permitted activity is not realized within certain period: such as for instance the case of healthcare facilities). If the license, nevertheless, presumes the submission of a request in advance to the administrative body, there are also cases where the empowerment occurs regardless of the will of the empowered. For example such is the case with the registration under the Value-Added Tax Act: after certain threshold of income is exceeded the state empowers the respective private-law subject with the right and the obligation (the power) to collect to the benefit of the state the value-added tax due charged on each individual transaction (taxable delivery). Thus, regardless of their will the private-law subjects are obliged to co-participate in the power: by participating in the collection of value-added tax. Such subject is obliged to register under the Value-Added Tax Act.

Whether he wants it or not (pseudo) Lazarus has been resurrected by Jesus: *what he can* do is not to come forth (or to demand indemnity?) after he has already been resurrected (if this is “damage” in view of the interests of (pseudo) Lazarus?!), but he cannot refuse the “gift” presented to him (his resurrection is a direct effect of the will of Jesus), because this “gift” does not pass onto him as a result of a concluded donation contract. One more difference between the miracle of the resurrecting act of Jesus and the “miracle” of the administrative act is contained in the effect of their performative: the first act changes the physical reality, the second one changes the legal

¹⁶ For more details see [Stavru, 2013], subsequently supplemented and reworked in [Stavru, 2014, pp. 86—105].

reality. What (pseudo) Lazarus does is to pose the question of his rights in a situation of a miracle. Administrative law cannot do miracles but the will of the administrative body expressed validly and within the scope of its competences deserves obedience from legal point of view, which can (conditionally, of course) be juxtaposed with the obedience to Jesus.

The choice of (pseudo) Lazarus leads him from humility to pretension. To the cult of one's own will. Similarly to (pseudo) Lazarus man surrounds himself/herself with refusals protecting him/her from external wills: human (?) and divine (!). Every will of another can be invalidated [*desezirana*] by certain type of one's own refusal. The procedure of respecting the refusal protects one from the content of obedience. There are also some exceptions: public consensus could be established for some external (state or human but not Divine) wills and the Law could stipulate that they are required to be complied with. It does no harm to anyone. Pay regularly the taxes as established by statute. Observe traffic rules. Take care of your children. Etcetera, etcetera. Such statutory requirements replace God's commandments. These requirements penetrate but they must always conform to the admission regime of man's personal space surrounded by the refusals allowed by the state (one's own will). *A state that has enclosed man's personal life into his/her own will and own interests*. It is only in this space that one's will can choose the will of God. But it cannot thrust it beyond that space.

Claims, rights and the future of (in)security

After the first group of refusal-rights (pseudo) Lazarus can do his next move. Secluded in the room of his own will he is hatching a counteroffensive. Having withstood the will of the world, now it is his turn to start exporting his will into this world. To demand from the world: from people, and from God. After what he had not wanted has already been done by God — he has been resurrected — now he can demand to be brought back to death. A right to euthanasia? The will of (pseudo) Lazarus is transformed into a weapon for changing the world as it is made by God. Through his will he can demand — he can call up his own reality. Thus the *claim-rights* start to make up the main content of the legal relations among people. Moreover, in the world without God they become *a principal requirement for each citizenship*: the civil position presumes activity through claim-rights and not penance and obedience. One must fight for one's rights, no matter what is hidden behind them: interests, values, opinions. Rights are revered as a "pure will", which can only in rare cases be invalidated through some exotic concepts such as "abuse of right". On very rare occasions.

The relationships between people are no longer ones of quest for and performance of God's will but relationships for concurrence of and dispute between private wills. The public will of the state is in fact "private". God's place in the regulation of human relationships has been taken by the state. The state (to some extent) defines what one can and what one cannot do. But now there is no place (justification) for obedience and penance. Noone makes a confession to the State. Noone becomes humble before it. Could we imagine a humble Consumer Act? Or Repenting Banks Act? Or Obedience in the Media Act. *Why couldn't we?*

*Because the state is not a person*¹⁷ and therefore it cannot be Truth, a claim it could have if we accept that the truth about the relationships between people is contained and validated in the laws created by the state. The state cannot love us, cannot forgive us, cannot give us personal example. It cannot die on the Cross. It is an abstract sum of contradictory and contradicting interests. A beehive of wills. We cannot trust the state and that is why we waive our rights. Legal relationships do not bring us together into the common will of the State (the Law) but set us against each other in our personal interests (contracts). The multiplication of the rights as “trumps” — in the hypothetical conversation above (pseudo) Lazarus in fact “plays” trump to his Lord, erodes humility as a state. Rights have made us seemingly stronger but they have taken away obedience and coherence of the single Will. And it can always be seen. If in *orthodoxy* [as the first part of Bulgarian word for “ortho-doxy” “pravoslavie” literally translates as “right” or “law”] one finds and sustains his/her own face in God’s face: of course, not without hesitation and doubt in *law enforcement* [as the first part of Bulgarian word for “law enforcement” “pravo-prilagane” literally translates as “right” or “law”] one encounters only insecurity in the faces of others: temporary contractual partners who could become competitors at any time.

The new *insecurity* required a new approach: the approach of rights. But whether more rights means more security, or on the contrary: more insecurity?¹⁸ Whether the rights turn their holders into a legal precariat of a kind¹⁹: into people whose status in life has no predictability and no security, which reflects on their psychological and material well-being? As soon as you have rights you can and must cope on your own, be effective in ensuring your own security on your own risk. On this plane the legal capacity functions as precarity. Your security now is “do-it-yourself security” — to sustain it by means of exercise and protection of your won rights is an

¹⁷ The personification of the state based on the will of the monarch has been stated as both “the strength, and the weakness of German theory from the end of 19th century” [Yotov, 2016b, p. 22]. Léon Duguit supports the personification of the state as the “point where the unity, the poisonous mixture of the two components — of individuality and statism — flashes up with its entire viciousness” [ibid, p. 33]. On one hand, Duguit denies the rights as a “conduit of isolating individualism” [ibid, p. 36], but, on the other hand, he denies statism by insisting that the right exists before the state — in the existing behavior of people formed on the basis of solidarity: “Duguit’s idea does not know the moment of counter-facticity, ... for him the norms seem naturalized, springing out of the spontaneous and joint organization of society; some necessity has simply settled in them, a necessity we can grasp if we properly focus our reason, will and feelings on it” [ibid, p. 32]. See: [Duguit, Malberg and Jellinek, 1993], quoted as per the Bulgarian edition containing Bulgarian translations of Léon Duguit’s *Traité de droit constitutionnel*, Raymond Carré de Malberg’s *Contribution à la théorie générale de l’Etat* and Georg Jellinek’s *Die Lehre von den Staatenverbindungen*.

¹⁸ This questions is univocally answered by, for example, Costas Douzinas who points out that the “rights culture” turns everything into a legal claim and leaves nothing to its “natural” integrity — “[t]he more rights I have, the smaller my protection from harms; the more rights I have, the greater my desire for even more but the weaker the pleasure they offer”. When the rights are what makes us human the law keeps colonizing life in the endless spiral of more rights [Douzinas, 2007, p. 50].

¹⁹ The term “precariat” is examined in detail in British economist Guy Standing’s book [Standing, 2011]; it was translated into Bulgarian by Atanas Vladikov in 2013 (published by Trud i Pravo Publishing House).

incessant and endless individual effort. The “cosmic” fear of which speaks Mikhail Bakhtin in his book *Rabelais and His World*²⁰ is brought back to life in security’s dependence on human rights [Bakhtin, 1968]. This is a fear of the occurrence of cosmic perturbations and natural disasters — a great part of events in a world governed under the laws of individual freedom begin to look like such cosmic perturbations and natural disasters. The unbearableness of this insecurity feeds power and the imperative commandments formulated by it: commandments calm down and tame the “cosmic fear” of the unknown (in a world without God) to an “official fear” of administrative punishment (in a world with a State). Bad law but law!

As Zygmunt Bauman points out in his book *In Search of Politics* (1999): “unlike the cosmic prototype, the official fear had to be, and indeed was, *manufactured* — designed, ‘made to measure’; [...] In the laws which Moses brought to the people of Israel, the echoes of thunders high up on the top of Mount Sinai reverberated. But the laws spelled out light and clear what the thunders only darkly insinuated. The laws offered answers so that the questions might cease to be asked.” [Bauman, 1999, pp. 58—59]. In his book *Strangers at Our Door* (2016) Bauman extends his idea:

“Out of the unmanageable because infinitely distant and impenetrable threat, a feasible and by comparison deceptively easy demand to obey the legibly spelled-out commandments had been conjured. Brought to earth, powers that be re-forged primeval fear into the horror of deviation from the rule; a superhuman cosmic tragedy into a mundane, human, all-too-human task and duty; and the fear and trembling caused by the unfathomable enigma of God’s will into the commandment to follow the intelligible, clearly spelled out proscriptions and prescriptions collated and codified by His plenipotentiaries — His anointed spokesmen walking on earth”²¹.

The “administrators of official fear” recycle the “cosmic fear” to its “official” variety by means of a series of (administrative) orders but it is *as if the time of commandments is passing away*. Insecurity returns — and it goes together with the new tools offered to master it: human rights. Administrative law opens up to negotiation, to the freedom of its addresses, to rights. As pointed out by Byung-Chul Han²² quoted by Bauman, “The late-modern achievement-subject does not pursue works of duty. Its maxims are not obedience, law, and the fulfillment of obligation, but rather freedom, pleasure, and inclination. Above all, it expects the profits of enjoyment from work. It works for pleasure and does not act at the behest of the Other. Instead, it hearkens mainly to itself. After all, it must be a self-starting entrepreneur”.

After the “end” of “cosmic fear” comes the “end” of “official fear”. In this incremental eschatology the mechanisms of assuming responsibility and the fear of the unknown paired with the reason for such mechanisms are consistently mastered by God’s ontological and soteriological commitment (if God’s will is followed), by a public commitment by the State (if the administrative orders of the state bodies are followed) and, ultimately, by personal commitment of each individual person

²⁰ The book was written in 1940, published in Russian in 1965 and translated into Bulgarian in 1978.

²¹ [Bauman, 2016, pp. 57—58], the book was translated into Bulgarian by Yuliya Geshakova and published by Iztok-Zapad Publishing House in the year of its original publication in Cambridge, England.

²² A professor at the Universität der Künste in Berlin, born in Seoul, South Korea. Bauman quotes Byung-Chul Han’s: [Byung-Chul Han, 2010, p. 38].

(if Human Rights are followed). The fear of “cosmic” (from God) and “official” (from the State) fear also becomes an “existential” fear — fear of our own personal inability (inefficiency) to cope with the world and its insecurity. The contemporary “liquefied” worlds compromises the fitness of rights in their capacity of legal tools by which individual man can attain the security (s)he needs, which is part of his/her human dignity. Opposite rights interfering with each other of legal subjects who oppose and restrict one another often lead to mutual neutralization of personal wills and inaction faced with the facts occurring as inevitabilities. The “cosmic fear” returns but without a God. The state has also succumbed to the rights of its citizens. But is this the best for these citizens as human beings? Are the rights the most adequate measure of the value of human potential? Or does man have to stop investing his/her will entirely in his/her own rights and instead try to create more (administrative, i. e. ones rationalized through commandments and obligations) spaces²³, “liberated” from personal will and subordinate to other priorities (various values and common interests could function as such priorities)?

These are questions that will be asked more and more often on political and social level. On that level the “commandments-rights” conflict seems resolved (at least in Europe) in favor of the rights (at least for now). But this conflict is also to be put on another level: on the level of each individual man where it is not about taking away rights (from outside) but about refusal (from the inside) to think based on rights. This refusal “from the inside” of the subject can also be an act of subject’s emancipation of a kind from the network of (fundamental, human, natural) rights covering the entire social surface of his/her interaction with other human beings. Then the refusal to think on the basis of rights can be repeatedly re-formulated, reconsidered and decided by everyone of us: on the level of our own lives, an effort that can set both the beginning and the end of our will.

It seems to me that administrative law is one of the areas where the collision of will and interest as leading paradigms for the explanation of the nature and essence of legal regulation should be decided in favor of interest substantiated as a “state” will. Abiding by such will and its survival is the decisive purpose in administrative law — regardless of the contested legitimacy of its underlying interest. This is the reason why the appeal against an administrative act does not stop its enforcement (the will objectified in the act must be complied with by its addressees even when the same is appealed against as per the proper procedure), and the regulation of invalidity in administrative law prefers the approach of repealability comparable to the voidability in civil law: in the predominant number of cases (types) of vitiations of the administrative act the act must be repealed by the court in order to be invalidated as the possibility of everyone demanding at any time that the nullity of the act be established is not allowed (the principle is performativity in the beginning: the administrative act comes into force by the pronouncement thereof, and performativity in the end: the administrative act ceases to be effective by the repeal thereof).

²³ The exclusive government through rights could be reconsidered also through Jellinek’s theory of the four statuses: passive (subjection to and service for the state), negative (independence from the state), positive (opportunity to rely on the state) and active (co-participation in the state) [Yotov, 2016b, p. 28, 40—41]. Different situations demand different attitude towards power and in this regard the rights are not always present and do not have to be always present.

In administrative law common interests formulated as a will of second order (commandments) play “against” private wills (rights) giving rise to resistance (contestations). Here, the human rights as tools for legitimization of individual’s own will (refusals and claims) must conform to orders of the state bodies as sovereign’s will (authority and powers) which subordinates different social interests. A similar restriction of human rights of another type is explicitly found also in the attitude of the Russian Orthodox Church towards human rights. Thus, arguments and tools of the orthodox approach towards human rights could be borrowed upon law enforcement in administrative law. In contrast to civil and commercial law administrative law is not and must not be quite welcoming to the “rights culture”. Decisive for its structuring and functioning is the will (of second order) set in the administrative acts, which activates and implements specific common interests.

References

- Austin, J. (1832, 1995) *The Province of Jurisprudence Determined*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Bakhtin, M. (1968) *Rabelais and His World*, Cambridge, Mass. London: M.I.T. Press.
- Bauman, Z. (1999) *In Search of Politics*, Stanford: Stanford University Press.
- Bauman, Z. (2016) *Strangers at Our Door*, Y. Sofia: Istok-Zapad Publishing House.
- Chaplin, V. (2015) Bogoslovskiyat vazgled za choveshkite prava: politicheski tendentsii i reanosti [Theological view of human rights: political traditions and realities], in Slavcheva, K. (ed.) *Hristiyanskoto razbirane za choveshkite prava — nyakoi trudni vaprosi*. Sbornik statii [Christian Understanding of Human Rights: Some Difficult Questions. A Collection of Articles], Sofia.
- Douzinas, C. (2007) *Human Rights and Empire. The political philosophy of cosmopolitanism*. Abingdon: Routledge-Cavendish.
- Doychev, Vl. (2016) *Sreshta s zhidvota. Propovedi* [Meeting Life. Sermons], Sofia.
- Duguit, L., Malberg, C., Jellinek, G. (1993) *Obshto uchenie za darzhavata* [General Theory of the State], Sofia.
- Byung-Chul, H. (2010) *Müdigkeitsgesellschaft* [The Burnout Society], Berlin, Matthes & Seitz.
- Kapriev, G. (2008) *Vazkreseniето i zhivotat* [Resurrection and Life]. In: *Kultura Weekly*, No. 11 (2494), 21 March 2008.
- Kelsen, H. (2016) Subektivnoto pravo: pravomoshtie i palnomoshtie [Subjective right: power and authority], in: Yotov, St. (ed.) *Subektivnite prava* [Subjective rights]. Sofia, pp. 45—48.
- Krasteva, M. (2009) Vidimostta i vizhdaneto v razkaza na Emiliyan Stanev «Lazar i Isus» [Visibility and Vision in Emiliyan Stanev’s short-story «Lazarus and Jesus»], *NotaBene magazine*, no. 3.
- Larenz, K. (2016) Kum strukturata na «subektivnite prava» [Towards the Structure of «Subjective Rights»], in Yotov, St. (ed.) *Subektivnite prava* [Subjective rights], Sofia.
- Metev, N. (2014) Rolya na bibleyskite motive v razkaza “Lazar” na Dimitar Dinev [The role of biblical motives in Dimitar Dinev’s short-story “Lazarus”] In: *Hristiyanstvo I kultura*, vol. I, Sofia. URL: <http://wp.me/p18wxv-5c4>.
- Moyn, S. (2015) *Christian Human Rights* (Intellectual History of the Modern Age), Philadelphia.
- North, W. (2001) *The Lazarus Story within the Johannine Tradition*, Sheffield.
- Sivriev, S. (2011) Metamorfozata na Lazar [Lazarus’s Metamorphosis], in *LiterNet electronic magazine*, no. 10 (143).

Slavcheva, K. (2015) *Pravata na choveka: tsarkovno-pravni vaprosi* [Human Rights: ecclesiastical and legal questions], Sofia.

Slavcheva, K. (2015) Predgovor ot avtora [Author’s Preface], in Slavcheva, K. (ed.) *Hristiyanskoto razbirane za choveshkite prava — nyakoi trudni vaprosi* [Christian Understanding of Human Rights: Some Difficult Questions], Sofia.

Slavcheva, K. (2015a) *Pravata na choveka: tsarkovno-pravni vaprosi* [Human Rights: ecclesiastical and legal questions], Sofia.

Slavcheva, K. (2015b) (ed.) *Hristiyanskoto razbirane za choveshkite prava — nyakoi trudni vaprosi* [Christian Understanding of Human Rights: Some Difficult Questions], Sofia.

Standing, G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.

Stavru, St. (2013) Bioshizofreniya — choveshkiyat zhivot kato vissha tsennost i kato vreda [Bioschizophrenia: human life as supreme value and as damage], in *Challenging the Law*.

Stavru, St. (2014) *Videniya v Kutiyata na Pandora. Biopravo. Kniga vtora. Mutatsii pri choveshkata reproduktsiya. Karnavalnata smart — poravni aspekti* [Visions in Pandora’s box. Biolaw. Book 2. Mutations in Human Reproduction. Carnival Death: Legal Aspects], Sofia.

Tomberg, V. (2016) *Lazarus, Come Forth! : Meditations of a Christian Esotericist on the Mysteries of the Raising of Lazarus, the Ten Commandments, the Three Kingdoms & the Breath of Life*, Great Barrington.

Villa-Vicencio, C. (1999—2000) Christianity and Human Rights, *Journal of Law and Religion*, no. 2 (14), pp. 579—600.

Weber, M. (2001) Basic Concepts in Sociology, in *Geneziz na zapadniya ratsionalizam* [Genesis of Western Rationalism], Sofia.

Witte, J., Alexander, F. (2010) (eds.) *Christianity and Human Rights. An Introduction*, Cambridge.

Yotov, St. (2016a) *Choveshkoto dostoynstvo i prava* [Human Dignity and Rights], Sofia.

Yotov, St. (2016b) Mozhe li i triabva li da mislim subektivnite prava nezavisimo ot ideyata za choveshki prava [Can and should we think subjective rights independently from the idea of human rights], in: Yotov, St. (ed.) *Subektivnite prava* [Subjective rights], Sofia.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Ставру Стоян — доктор философских наук, доцент, Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, Новый болгарский университет, г. София, Болгария, stavru.stoyan@gmail.com

Information about the author

Stavru Stoyan — Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Institute of Philosophy and Sociology of the Bulgarian Academy of Sciences, New Bulgarian University, Sofia, Bulgaria, stavru.stoyan@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах. В *первом варианте* («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. *Второй вариант* списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите. В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются. Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом².

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент

² **Монография:** Alekseev, V. P. (1984) *Stanovlenie chelovechestva* [Becoming humanity], Moscow: Politizdat. **Статья в журнале:** Bragin, A. V. (2010) Problema «massy Razuma» I ustojchivost' razvitiya [The problem of the «mass of the Mind» and the stability of development], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki»* [Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities], no. 2, pp. 59—67. **Статья в сборнике:** Bragin, A. V. (2010) Problema gomeostaticnosti Mira kak organizma [The problem of homeostaticity of the World as an organism], in Okeansky, V. P. (ed.) *Oslovesnennyj kosmos: kul'turologicheskij sbornik* [The socialized space: a culturological collection], Ivanovo; Shuja: Centr krizisologicheskikh issledovanij Shujskogogos. ped. universiteta, pp. 227—237.

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2020. Вып. 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *В. А. Киселева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Подписано в печать 10.11.2020 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Уч.-изд. л. 9,0.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

Noospheric Studies

ELECTRONIC SCIENTIFIC JOURNAL

2020

2

TOPIC OF THE ISSUE

HARD AGE OF THE HUMANITIES